

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ IV.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

ТРИЛОГІЯ

ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ.

- I. СМЕРТЬ БОГОВЪ (ЮЛІАНЪ-ОТСТУПНИКЪ).
- II. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ (ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ).
- III. АНТИХРИСТЪ (ПЕТРЪ и АЛЕКСЪЙ).

III.

АНТИХРИСТЪ.

(ПЕТРЪ и АЛЕКСЪЙ).

ПЕРВАЯ КНИГА.

Петербургская Венера.

I.

— Антихристъ хочетъ быть. Самъ онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ еще, а щенять его народилось — полна поднебесная. Дѣти отцу своему подстилаютъ путь. Все на лицо антихристово строятъ. А какъ устроить да вычистятъ гладко вездѣ, такъ самъ онъ въ свое время и явится. При дверяхъ уже — скоро будетъ!

Это говорилъ старикъ лѣтъ пятидесяти въ оборванномъ подьяческомъ кафтанѣ молодому человѣку въ китайчатомъ шлафрокѣ и туфляхъ на босую ногу, сидѣвшему за столомъ.

— И откуда вы все это знаете? — произнесъ молодой человѣкъ. — Писано: ни Сынъ, ни ангелы не вѣдаютъ. А вы знаете...

Онъ помолчалъ, зѣвнулъ и спросилъ:

— Изъ раскольниковъ, что ли?

— Православный.

— Въ Петербургъ зачѣмъ пріѣхалъ?

— Съ Москвы взять изъ домишку своего съ приходными и расходными книгами, по доношенію фискальному во взяткахъ.

— Бралъ?

— Бралъ. Не изъ неволи или отъ какого воровства, а по любви и по совѣсти, сколько кто дастъ за труды наши приказные.

Онъ говорилъ такъ просто, что, видно было, въ самомъ дѣлѣ не считалъ взятки грѣхомъ.

— И ко обличенію вины моей онъ, фискаль, ничего не донесъ. А только по запискамъ подрядчиковъ, которые во многіе годы по небольшому давали, насчитано оныхъ дачъ на меня 215 рублей,—а мнѣ платить нечѣмъ. Нищъ есмь, старъ, скорбенъ, и убогъ, и увѣченъ, и мизеренъ, и приказныхъ дѣлъ нести не могу — бью челомъ объ отставкѣ. Ваше премилосердное высочество, призри благоутробіемъ щедротъ своихъ, заступись за старца беззаступнаго, да освободятъ отъ онаго платежа неправеднаго. Смилуйся, пожалуй, государь царевичъ Алексѣй Петровичъ!

Царевичъ Алексѣй встрѣтилъ этого старика нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Петербургѣ, въ церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, что близъ рѣчки Фонтанной и Шереметевскаго двора на Литейной. Замѣтивъ его по необычайной для приказныхъ, давно не бритой, сѣдой бородѣ и по истовому чтенію Псалтыри на клиросѣ, царевичъ спросилъ, кто онъ, откуда и какого чина. Старикъ назвалъ себя подьячимъ Московскаго Артиллерійскаго приказа, Лариономъ Докукинымъ; пріѣхалъ онъ изъ Москвы и остановился въ домѣ просвирни той же Симеоновской церкви; упомянулъ о нищетѣ своей, о фискальномъ доношеніи; а также, едва не съ первыхъ словъ,—объ антихристѣ. Старикъ показался царевичу жалкимъ. Онъ велѣлъ ему притти къ себѣ на домъ, чтобы помочь совѣтомъ и деньгами.

Теперь Докукинъ стоялъ передъ нимъ, въ своемъ оборванномъ кафтанишкѣ, похожій на нищаго. Это былъ самый обыкновенный подьячій изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ чернильными душами, приказными строками. Жесткія, точно окаменѣлыя, морщины, жесткій, холодный взглядъ маленькихъ тусклыхъ глазъ, жесткая запущенная сѣдая борода, лицо сѣрое, скучное, какъ тѣ бумаги, которыя онъ переписывалъ; корпѣль, корпѣль надъ ними, должно-быть, лѣтъ тридцать въ своемъ приказѣ, бралъ взятки съ подрядчиковъ по любви да по совѣсти, а можетъ-быть, и кляузничалъ, — и вотъ до чего вдругъ додумался: антихристъ хочетъ быть.

«Ужъ не плутъ ли?» усомнился царевичъ, вглядываясь въ него пристальнѣе. Но ничего плутовскаго или хитраго, а скорѣе что-то простодушное и беспомощное, угрюмое и упрямое было въ этомъ лицѣ, какъ у людей, одержимыхъ одною неподвижною мыслью.

— Я еще и по другому дѣлу изъ Москвы пріѣхалъ,— добавилъ старикъ и какъ будто замялся. Неподвижная мысль съ медленнымъ усиленіемъ проступала въ жесткихъ чертахъ его. Онъ потупилъ глаза, пошарилъ рукою за пазухою, вытащилъ оттуда завалившіяся за подкладку сквозь карманную прорѣху бумаги и подалъ ихъ царевичу.

Это были двѣ тоненькія засаленныя тетрадки въ четвертую долю, исписанныя крупно и четко подъяческимъ почеркомъ.

Алексѣй началъ ихъ читать разсѣяннo, но потомъ все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ вниманіемъ.

Сперва шли выписки изъ святыхъ отцовъ, пророковъ и Апокалипсиса объ антихристѣ, о кончинѣ міра. Затѣмъ—воззваніе къ «архипастырямъ великой Россіи и всей вселенной», съ мольбою простить его, Докукина, «дерзость и грубость, что мимо ихъ отеческаго благословенія написалъ сіе отъ многoй скорби своей и жалости, и ревности къ церкви», а также заступиться за него передъ царемъ и прилежно упросить, чтобъ онъ его помиловалъ и выслушалъ.

Далѣе слѣдовала, видимо, главная мысль Докукина: «Повелѣно человѣку отъ Бога самовластну быть». И, наконецъ, обличіе государя Петра Алексѣевича: «Нынѣ же всѣ мы отъ онаго божественнаго дара—самовластной и свободной жизни отрѣзаемы, а также домовъ и торговъ, землевладѣльства и руководѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ и древле установленныхъ законовъ, паче же и всякаго благочестія христіанскаго лишаемы. Изъ дома въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ гонимы, оскорбляемы и озлобляемы. Весь обычай свой и языкъ, и платье измѣнили, головы и бороды обрили, персоны свои ругательски обезчестили. Нѣтъ уже въ насъ ни доброты, ни вида, ни различія съ иновѣрными; но до конца смѣси-

лися съ ними, дѣламъ ихъ навыкли, а свои христіанскіе обѣты опровергли и святыя церкви опустошили. Отъ Востока очи смежили, на Западъ ноги въ бѣгство обратили, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пошли и въ землѣ забвенія погибли. Чужихъ установили, всѣми благами угобзили, а своихъ, природныхъ, голодомъ поморили и, бьючи на правежахъ, несносными податями до основанія разорили. Иное же и сказать неудобно, удобнѣе устамъ своимъ ограду положить. Но весьма сердце болитъ, видя опустошеніе Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами»...

...«Все же сіе, — говорилось въ заключеніе, — творять намъ за имя Господа нашего Іисуса Христа. О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре и оружіемъ Креста вооружитесь на силу антихристову! Потерпите Господа ради, мало еще потерпите! Не оставитъ насъ Христосъ, Ему же слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

— Для чего ты это писалъ? — спросилъ царевичъ, дочитавъ тетрадки.

— Одно письмо такое же намедни подкинулъ у Симеоновской церкви на паперти, — отвѣчалъ Докукинъ. — Да то письмо, найдя, сожгли и государю не доносили и розыску не дѣлали. А эту молитву прибить хочу у Троицы, возлѣ дворца государева, чтобъ всѣ, кто бы ни читалъ, что въ ней написано, знали о томъ и донесли бы его царскому величеству. А написалъ сіе во исправленіе, дабы нѣкогда, пришедъ въ себя, его царское величество исправился.

«Плутъ! — опять промелькнуло въ головѣ Алексѣя, а можетъ-быть, и доносчикъ! И догадалъ меня чортъ связаться съ нимъ!»

— А знаешь ли, Ларіонъ, — сказала онъ, глядя ему прямо въ глаза, — знаешь ли, что о семъ твоёмъ возмутительномъ и бунтовскомъ писаніи я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшкѣ донести имѣю? Воинскаго же устава по артикулу двадцатому: кто противъ

его величества хулительными словами погрѣшить, тотъ живота лишень и отсѣченіемъ головы казненъ будетъ.

— Воля твоя, царевичъ! Я и самъ думалъ было съ тѣмъ явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Онъ сказалъ это такъ же просто, какъ только что говорилъ о взяткахъ. Еще пристальнѣе взглядѣлся въ него царевичъ. Передъ нимъ былъ все тотъ же обыкновенный подьячій, приказная строка; все тотъ же холодный тусклый взглядъ, скучное лицо. Только въ самой глубинѣ глазъ опять зашевелилось что-то медленнымъ усиліемъ.

— Въ умѣ ли ты, старикъ? Подумай, что ты дѣлаешь. Попадешь въ гарнизонный застѣнокъ—тамъ съ тобой шутить не будутъ: за ребро повѣсятъ, да еще прокоптятъ, какъ вашего Гришку Талицкаго.

Талицкій былъ одинъ изъ проповѣдниковъ конца міра и второго пришествія, утверждавшій, что государь Петръ Алексѣевичъ — антихристъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ казненный страшною казнью копченія на медленномъ огнѣ.

— За помощью Божьей готовъ и духъ свой предать,— отвѣтилъ старикъ. — Когда не нынѣ, умремъ же всячески. Надобно бы что доброе сдѣлать, съ чѣмъ бы предстать передъ Господа, а то безъ смерти и мы не будемъ.

Онъ говорилъ все такъ же просто; но что-то было въ спокойномъ лицѣ его, въ тихомъ голосѣ, что внушало увѣренность, что этотъ отставной артиллерійскій подьячій, обвиняемый во взяткахъ, дѣйствительно пойдетъ на-смерть, не ужасаясь, какъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ мучениковъ, о которыхъ онъ упоминалъ въ своей молитвѣ.

«Нѣтъ,—рѣшилъ вдругъ царевичъ,—не плутъ и не доносчикъ, а либо помѣшанный, либо въ самомъ дѣлѣ мученикъ!»

Старикъ опустилъ голову и прибавилъ еще тише, какъ будто про себя, забывъ о собесѣдникѣ:

— Повелѣно отъ Бога человѣку самовластну быть.

Алексѣй молча всталъ, вырвалъ листокъ изъ тетрадки, зажегъ его о горѣвшую въ углу передъ образами лампадку, вынулъ отдушникъ, открылъ дверцу печки, сунулъ туда бумаги, подождалъ, мѣшая кочергой, чтобъ онѣ сгорѣли до

тла, и когда остался лишь пепель — подошелъ къ Докукину, который, стоя на мѣстѣ, только глазами слѣдилъ за нимъ, — положилъ руку на плечо его и сказалъ:

— Слушай, старикъ! Никому я на тебя не донесу. Вижу, что ты человекъ правдивый. Вѣрю тебѣ. Скажи: хочешь мнѣ добра?

Докукинъ не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на него такъ, что не нужно было отвѣта.

— А коли хочешь, выкинь дурь изъ головы! О бунтовскихъ письмахъ и думать не смѣй — не такое нынче время. Ежели попадешься, да узнаютъ, что ты былъ у меня, такъ и мнѣ худо будетъ. Ступай съ Богомъ и больше не приходи никогда. Ни съ кѣмъ не говори обо мнѣ. Коли спрашивать будутъ—молчи. Да уѣзжай-ка поскорѣй изъ Петербурга. Смотри же, Ларіонъ, будешь помнить волю мою?

— Куда намъ изъ воли твоей выступить?—проговорилъ Докукинъ.—Видитъ Богъ, я тебѣ вѣрный слуга до смерти.

— О доносѣ фискальномъ не хлопочи, — продолжалъ Алексѣй. — Я слово замолвлю, гдѣ надо. Будь покоенъ, тебя освободятъ отъ всего. Ну, ступай... или нѣтъ, стой, давай платокъ.

Докукинъ подаль ему большой синій клѣтчатый, полинялый и дырявый, такой же «мизерный», какъ самъ его владѣлецъ, носовой платокъ. Царевичъ выдвинулъ ящикъ маленькой орѣховой конторки, стоявшей рядомъ со столомъ, вынулъ оттуда, не считая, серебромъ и мѣдью рублей двадцать — для нищаго Докукина цѣлое сокровище,— завернулъ деньги въ платокъ и отдалъ съ ласковой улыбкой.

— Возьми на дорогу. Какъ вернешься въ Москву, закажи молебень въ Архангельскомъ и частицу вынь за здравіе раба Божія Алексѣя. Только смотри, не проговорись, что за царевича.

Старикъ взялъ деньги, но не благодарилъ и не уходилъ. Онъ стоялъ попрежнему, опустивъ голову. Наконецъ поднялъ глаза и началъ было торжественно, должно-быть, заранѣе приготовленную рѣчь:

— Какъ древле Самсону утолилъ Богъ жажду чрезъ ослиную челюсть, такъ и нынѣ тотъ же Богъ не учинить ли черезъ мое неразуміе тебѣ, государь, нѣчто полезное и прохладительное?

Но вдругъ не выдержалъ, голосъ его пресѣкся, торжественная рѣчь оборвалась, губы задрожали, весь онъ затрясся и повалился въ ноги царевичу.

— Смилуйся, батюшка! Послушай насъ, бѣдныхъ, вопіющихъ, послѣднихъ рабовъ твоихъ! Порадѣй за вѣру христіанскую, воздвигни и досмотри, даруй церкви миръ и единомысліе. Ей, государь царевичъ, дитяtko красное, церковное, солнышко ты наше, надежда Россійская! Тобой хочеть весь міръ просвѣтиться, о тебѣ люди Божіи расточенные радуются! Если не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ? Пропали, пропали мы всѣ безъ тебя, родимый! Смилуйся!

Онъ обнималъ и цѣловалъ ноги его съ рыданіемъ. Царевичъ слушалъ, и ему казалось, что въ этой отчаянной мольбѣ доносится къ небу мольба всѣхъ погибающихъ, «оскорбляемыхъ и озлобляемыхъ» — вопль всего народа о помощи.

— Полно-ка, полно, старикъ, — проговорилъ онъ, наклонившись къ нему и стараясь поднять его. — Развѣ я не знаю, не вижу? Развѣ не болитъ мое сердце за васъ? Одно у насъ горе. Гдѣ вы, тамъ и я. Коли, дастъ Богъ, на царствѣ буду — все сдѣлаю, чтобъ облегчить народъ. Тогда и тебя не забуду: мнѣ вѣрные слуги нужны. А пока терпите да молитесь, чтобы скорѣе далъ Богъ совершеніе — буде же воля Его святая во всемъ!

Онъ помогъ ему встать. Теперь старикъ казался очень дряхлымъ, слабымъ и жалкимъ. Только глаза его сіяли такою радостью, какъ будто онъ уже видѣлъ спасеніе Россіи.

Алексѣй обнялъ и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Прощай, Ларіонъ! Дастъ Богъ, свидѣмся! Христось съ тобой!

Когда Докукинъ ушелъ, царевичъ сѣлъ опять въ свое кожаное кресло, старое, прорванное, съ волосяною обивкою, торчавшею изъ дыръ, но очень покойное, мягкое, и погрузился не то въ дремоту, не то въ оцѣпенѣніе.

Ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, худъ и узокъ въ плечахъ, со впалою грудью; лицо тоже узкое, до странности длинное, точно вытянутое и заостренное книзу, старообразное и болѣзненное, со смугло-желтымъ цвѣтомъ кожи, какъ у людей, страдающихъ печенью; ротъ очень маленькій и жалобный, дѣтскій; непомерно большой, точно лысый, крутой и круглый лобъ, обрамленный жидкими косицами длинныхъ, прямыхъ черныхъ волосъ. Такія лица бываютъ у монастырскихъ служекъ и сельскихъ дьячковъ. Но когда онъ улыбался, глаза его сіяли умомъ и добротой. Лицо сразу молодѣло и хорошѣло, какъ будто освѣщалось тихимъ внутреннимъ свѣтомъ. Въ эти минуты напоминалъ онъ дѣда своего, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича въ молодости.

Теперь, въ грязномъ шлафрокѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ на босую ногу, заспанный, не бритый, съ пухомъ въ волосахъ, онъ мало похожъ былъ на сына Петра. Съ похмелья послѣ вчерашней попойки проспалъ весь день и всталъ недавно, только передъ самымъ вечеромъ. Черезъ дверь, отворенную въ сосѣднюю комнату, видна была неубранная постель со смятыми огромными пуховиками и несвѣжимъ бѣльемъ.

На рабочемъ столѣ, за которымъ онъ сидѣлъ, валялись въ беспорядкѣ заржавѣвшіе и запыленные математическіе инструменты, старинная сломанная кадиленка съ ладаномъ, табачная терка, пеньковыя пипки, коробочка изъ-подъ пудры для волосъ, служившая пепельницей; вороха бумагъ и груды книгъ въ такомъ же беспорядкѣ: рукописныя замѣтки ко Всемирной Лѣтописи Боронія покрывала кучу картузнаго табаку; на страницѣ раскрытой, растерзанной, съ оборваннымъ корешкомъ, *Книги, именуемой Геометрія или Землемѣріе радикасомъ и циркулемъ къ наученію мудролюбивыхъ тщателей*, лежалъ недоѣденный со-

ленный огурецъ; на оловянной тарелкѣ — обглоданная кость и липкая отъ померанцевой настойки рюмка, въ которой билась и жужжала муха. И по стѣнамъ съ ободранными, замаранными шпалерами изъ темно-зеленой травчатой клеенки, и по закоптѣлому потолку, и по тусклымъ стекламъ оконъ, не выставленныхъ, несмотря на жаркій конецъ іюня,—всюду густыми черными роями жужжали, кишѣли и ползали мухи.

Мухи жужжали надъ нимъ. И въ умѣ его сонныя мысли роились какъ мухи. Онъ вспомнилъ драку, которой кончилась вчерашняя попойка. Жибанда ударилъ Засыпку, Засыпка — Захлюстку, и отецъ Адъ, и Грачь съ Молохомъ свалились подъ столъ; это были прозвища, данныя царевичемъ его собутыльникамъ «за домовную издѣвку». И самъ онъ, Алексѣй Грѣшный — тоже прозвище,— кого-то билъ и дралъ за волосы, но кого именно—не помнить. Тогда было смѣшно, а теперь гадко и стыдно.

Голова разбалывалась. Выпить бы еще померанцевой, опохмелиться. Да лѣнь встать, позвать слугу, лѣнь двинуться. А сейчасъ надо одѣваться, напяливать узкій мундирный кафтанъ, надѣвать шпагу, тяжелый парикъ, отъ котораго еще сильнѣй болить голова, и ѣхать въ Лѣтній садъ на маскарадное сборище, гдѣ велѣно быть всѣмъ «подъ жестокимъ штрафомъ».

Со двора доносились голоса дѣтей, игравшихъ въ «веревочку» и въ «стрякотки-блякотки». Больной взъерошенный чижикъ въ клѣткѣ надъ окномъ изрѣдка чирикалъ жалобно. Маятникъ высокихъ, стоячихъ, съ курантнымъ боемъ, англійскихъ часовъ — давнишній подарокъ отца — тикалъ однообразно. Изъ комнатъ верхняго жилья слышались унылыя безконечныя гаммы, которыя разыгрывала на дребезжащемъ старенькомъ нѣмецкомъ клавесинѣ жена Алексѣя, кронпринцесса Софія Шарлотта, дочь Вольфенбютельскаго герцога. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ вчера, пьяный, ругалъ ее Жибандѣ и Захлюсткѣ: «вотъ жену мнѣ на шею, чертовку, навязали: какъ-де къ ней ни приду, все сердитуеть и не хочетъ со мною говорить. Эдакая фря нѣ-

мецкая!»—«Не хорошо,—подумаль онъ.—Много я пьяный лишнихъ словъ говорю, а потомъ себя очень зазираю»... И чѣмъ она виновата, что ее, почти ребенкомъ, насильно выдали за него? И какая она фря? Больная, одинокая, покинутая всѣми на чужой сторонѣ, такая же несчастная, какъ онъ. И она его любить—можетъ-быть, она одна только и любить его. Онъ вспомнилъ, какъ они наемни поссорились. Она закричала: «Послѣдній сапожникъ въ Германіи лучше обращается со своею женою, чѣмъ вы!» Онъ злобно пожалъ плечами: «Возвращайтесь же съ Богомъ въ Германію!»... — «Да если бы я не была»... и не кончила, заплакала, указывая на свой животъ,—она была беременна. Какъ сейчасъ, видитъ онъ эти припухшіе, блѣдно-голубые глаза и слезы, которыя, смывая пудру,—только что бѣдняжка нарочно для него припудрилась,—струятся по некрасивому, со слѣдами оспы, чопорному, еще болѣе подурнѣвшему и псхудѣвшему отъ беременности и такому жалкому, дѣтски-безпомощному лицу. Вѣдь онъ и самъ любить ее, или, по крайней мѣрѣ, жалѣетъ по временамъ внезапною и безнадежною, острою до боли, нестерпимою жалостью. Зачѣмъ же онъ мучить ее? Какъ не грѣшно ему, не стыдно? Дастъ онъ за нее отвѣтъ Богу.

Мухи одолѣли его. Косой, горячій, красный лучъ заходящаго солнца, ударяя прямо въ окно, рѣзалъ глаза.

Онъ передвинулъ, наконецъ, кресло, повернулся спиною къ окну и уставился глазами въ печку. Это была огромная, съ рѣзными столбиками, узорчатыми впадинками и уступчиками, голландская печь изъ русскихъ кафельныхъ изразцовъ, скованныхъ по угламъ мѣдными гвоздиками. Густыми красно-зелеными и темно-фіолетовыми красками по бѣлому полю выведены были разные затѣйливые звѣри, птицы, люди, растенія — и подъ каждой фигуркой славянскими буквами подпись. Въ багровомъ лучѣ краски горѣли съ волшебною яркостью. И въ тысячный разъ съ тупымъ любопытствомъ царевичъ разглядываль эти фигурки и перечитываль подписи. Мужикъ съ балалайкой: *Музыку умножаю*; человекъ въ креслѣ съ книгою: *Пользую себя*; тюль-

пань расцвѣтающій: *Духъ его сладокъ*; старикъ на колѣняхъ передъ красавицей: *Не хочу стараго любити*; чета, сидящая подъ кустами: *Совѣтъ нашъ блазъ съ тобою*; и березинская баба, и французскіе комедіанты, и попы, китайскій съ японскимъ, и Діана, и сказочная птица Малкофея.

А мухи все жужжать, жужжать; и маятникъ тикаетъ; и чижикъ уныло пищитъ; и гаммы доносятся сверху и крики дѣтей—со двора. И острый, красный лучъ солнца тупѣетъ, темнѣетъ. И разноцвѣтныя фигурки движутся. Французскіе комедіанты играютъ въ чехарду съ березинскою бабою; японскій попъ подмигиваетъ птицѣ Малкофеѣ. И все путается, глаза слипаются. И если бы не эта огромная липкая черная муха, которая уже не въ рюмкѣ, а въ головѣ его жужжить и щекочетъ, то все было бы хорошо, спокойно, и ничего бы не было, кромѣ тихой, темной, красной мглы.

Вдругъ онъ вздрогнулъ весь и очнулся. «Смилуйся, батюшка, надежда Россійская!» прозвучало въ немъ съ потрясающей силой. Онъ оглянулъ неряшливую комнату, себя самого,—и какъ рѣжущій глаза багровый лучъ солнца залилъ ему лицо—обжегъ его стыдъ. Хороша «надежда Россійская!» Водка, сонъ, лѣнь, ложь, грязь и этотъ вѣчный подлый страхъ передъ батюшкой.

Неужели поздно? Неужели кончено? Стряхнуть бы все это, уйти, бѣжать! «Пострадать за слово Христово,—прозвучали въ немъ опять слова Докукина. — Человѣку повелѣно отъ Бога самовластну быть». О, да, скорѣе къ нимъ, пока еще не поздно! Они зовутъ и ждутъ его, «таинственные мученики».

Онъ вскочилъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ куда-то бѣжать, что-то рѣшить, что-то сдѣлать безвозвратное — и замеръ весь въ ожиданіи, прислушиваясь.

Въ тишинѣ загудѣли мѣднымъ, медленнымъ, пѣвучимъ гуломъ курантнаго боя часы. Пробило девять, и когда послѣдній ударъ затихъ, дверь тихонько скрипнула, и въ нее просунулась голова камердинера, старика Ивана Аванасьяча Большаго.

— Ъхать пора. Одѣваться прикажете? — проворчалъ онъ, по своему обыкновенію, съ такою злобною угрюмостью, точно обругалъ его.

— Не надо. Не поѣду, — сказалъ Алексѣй.

— Какъ угодно. А только всѣмъ велѣно быть. Опять стануть батюшка гнѣваться.

— Ну, ступай, ступай, — хотѣлъ было прогнать его царевичъ, но, взглянувъ на эту взъерошенную голову съ пухомъ въ волосахъ, съ такимъ же небритымъ, измятымъ, заспаннымъ лицомъ, какъ у него самого, вдругъ вспомнилъ, что это вѣдь его-то, Аѳанасьича, онъ и дралъ вчера за волосы.

Долго царевичъ смотрѣлъ на старика съ тупымъ недоумѣніемъ, словно только теперь проснулся окончательно.

Послѣдній красный отблескъ потухъ въ окнѣ, и все сразу посѣрѣло, какъ будто паутина, спустившись изъ всѣхъ закоптѣлыхъ угловъ, наполнила и заткала комнату сѣрою сѣткою.

А голова въ дверяхъ все еще торчала, какъ прилѣпленная, не подаваясь ни назадъ, ни впередъ.

— Такъ прикажете одѣваться, что ли? — повторилъ Аѳанасьичъ съ еще большею угрюмостью.

Алексѣй безнадежно махнулъ рукою.

— Ну, все равно, давай!

И видя, что голова не исчезаетъ, какъ будто ожидая чего-то, прибавилъ:

— Еще бы померанцевой, опохмелиться? Дюже голова трещить со вчерашняго...

Старикъ не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Не твоей бы головѣ трещать со вчерашняго!»

Оставшись одинъ, царевичъ медленно заломилъ руки, такъ что всѣ суставы пальцевъ хрустнули, потянулся и зѣвнулъ. Стыдъ, страхъ, скорбь, жажда раскаянія, жажда великаго дѣйствія, мгновеннаго подвига — все разрѣшилось этою медленною, неудержимою до боли, до судороги

въ челюстяхъ, болѣе страшною, чѣмъ вопль и рыданіе, безнадежною зѣвотою.

Черезъ часъ, вымытый, выбритый, опохмелившійся, туго затянутый въ узкій, зеленаго нѣмецкаго сукна съ красными отворотами и золотыми галунами, мундиръ Преображенской гвардіи сержанта, онъ ѣхалъ на своей шестивесельной верейкѣ внизъ по Невѣ къ Лѣтнему саду.

II.

Въ тотъ день, 26 іюня 1715 года, назначенъ былъ въ Лѣтнемъ саду праздникъ Венеры въ честь древней статуи, которую только что привезли изъ Рима и должны были поставить въ галлерей надъ Невою.

«Буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля», хвасталъ Петръ. Когда онъ бывалъ въ походахъ, на морѣ или въ чужихъ краяхъ, государыня посылала ему вѣсти о любимомъ дѣтищѣ: «Огородъ нашъ раскинулся изрядно и лучше прошлогодняго: дорога, что отъ палатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выйду, часто сожалью, другъ мой сердешненькой, что не вмѣстѣ съ вами гуляю». — «Огородъ нашъ зелене-некъ сталъ; уже почало смолою пахнуть», то-есть смолистымъ запахомъ почекъ.

Дѣйствительно, въ Лѣтнемъ саду устроено было все «регулярно по плану», какъ въ «славномъ огородѣ Версальскомъ». Гладко, точно подъ гребенку, остриженные деревья, геометрически-правильныя фигуры цвѣтниковъ, прямые каналы, четырехугольныя пруды съ лебедями, островками и бесѣдками, затѣйливыя фонтаны, безконечныя аллеи — «першпективы», высокія лиственныя изгороди, шпалеры, подобныя стѣнамъ торжественныхъ пріемныхъ залъ, — «людей убѣждали, чтобы гулять, а когда утрудится кто, тотчасъ найдетъ довольно лавокъ, театровъ, лабиринтовъ и тапеты зеленой травы, дабы удалиться, какъ бы въ нѣкое всесладоугодное уединеніе».

Но царскому огороду было все-таки далеко до Версальскихъ садовъ.

Блѣдное петербургское солнце выгоняло тощѣ тюльпаны изъ жирныхъ роттердамскихъ луковиць. Только скромные сѣверные цвѣты — любимый Петромъ пахучій калуферъ, махровые піоны и уныло-яркіе георгины — росли здѣсь привольнѣе. Молодые деревца, привозимыя съ неимовѣрными трудами на корабляхъ, на подводахъ изъ-за тысячъ верстъ — изъ Польши, Пруссіи, Помераніи, Даніи, Голландіи, — тоже хирѣли. Скучно питала ихъ слабые корни чужая земля. Зато, «подобно какъ въ Версаліи», разставлены были вдоль главныхъ аллей мраморные бюсты — «грудныя штуки» — и статуи. Римскіе императоры, греческіе философы, олимпійскіе боги и богини, казалось, переглядывались недоумѣвая, какъ попали они въ эту дикую страну гиперборейскихъ варваровъ. То были, впрочемъ, не древніе подлинники, а лишь новыя подражанія плохихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Боги, какъ будто только что снявъ парики да шитые кафтаны, богини — кружевные фантанжи да роброны и, точно сами удивляясь не совсѣмъ приличной наготѣ своей, походили на жеманныхъ кавалеровъ и дамъ, наученныхъ «поступи французскихъ учтивствъ» при дворѣ Людовика XIV или герцога Орлеанскаго.

По одной изъ боковыхъ аллей сада, по направленію отъ большого пруда къ Невѣ, шелъ царевичъ Алексѣй. Рядомъ съ нимъ ковыляла смѣшная фигурка на кривыхъ ножкахъ, въ потертомъ нѣмецкомъ кафтанѣ, въ огромномъ парикѣ, съ выраженіемъ лица растеряннымъ, ошеломленнымъ, какъ у человѣка, внезапно разбуженнаго. Это былъ цейхдиректоръ оружейной канцеляріи и новой типографіи, первый въ Петербургѣ-городкѣ печатнаго дѣла мастеръ, Михайло Петровичъ Аврамовъ.

Сынъ дьячка, семнадцатилѣтнимъ школьникомъ, прямо отъ Часослова и Псалтыри, онъ попалъ на торговую шняву, отправляемую изъ Кроншлота въ Амстердамъ съ грузомъ дегтя, юфти, кожи и десятка «россійскихъ младенцевъ»,

выбранныхъ изъ «ребятъ, которые поострае», въ науку за море, по указу Петра. Научившись въ Голландіи отчасти геометріи, но больше миѳологіи, Аврамовъ «быль тамошними жителями похваленъ и печатными курантами опубликованъ». Отъ природы не глупый, даже «острый» малый, но, какъ бы разъ навсегда изумленный, сбитый съ толку слишкомъ внезапнымъ переходомъ отъ Псалтыри и Часослова къ баснямъ Овидія и Виргилія, онъ уже не могъ притти въ себя. Съ чувствами и мыслями его произошло нѣчто подобное родимчику, который дѣлается у перепуганныхъ со сна маленькихъ дѣтей. Съ той поры такъ и осталось на лицѣ его это выраженіе вѣчной растерянности, ошеломленности.

— Государь-царевичъ, ваше высочество, я тебѣ какъ Самому Богу исповѣдуюсь, — говорилъ Аврамовъ однообразнымъ плачущимъ голосомъ, точно комаръ жужжалъ. — Зазираетъ меня совѣсть, что поклоняемся, будучи христианами, идоламъ языческимъ...

— Какимъ идоламъ? — удивился царевичъ.

Аврамовъ указаль на стоявшія, по обѣимъ сторонамъ аллеи, мраморныя статуи.

— Отцы и дѣды ставили въ домахъ своихъ и при путяхъ иконы святыя; мы же стыдимся того, но безстыдные поставляемъ кумиры. Иконы Божьи имѣютъ въ себѣ силу Божью; подобно тому и въ идолахъ, иконахъ бѣсовыхъ, пребываетъ сила бѣсовская. Служили мы доднесь единому пьянственному богу Бахусу, нареченному Ивашкѣ Хмельницкому, во всешутѣйшемъ соборѣ съ княземъ-папою; нынѣ же и всескверной Венусъ, блудной богинѣ, служить собираемся. Называютъ служенія тѣ машкерадами, и не мнятъ грѣха, понеже, говорятъ, самихъ тѣхъ боговъ отнюдь въ натурѣ нѣтъ, болваны же ихъ бездушные въ домахъ и огородахъ не для чего-де иного, какъ для украшенія, поставляются. И въ томъ весьма, съ конечной пагубой души своей, заблуждаются, ибо натуральное и сущее бытіе сіи ветхіе боги имѣютъ...

— Ты вѣришь въ боговъ? — еще больше удивился царевичъ.

— Вѣрю, ваше высочество, свидѣтельству святыхъ отцовъ, что боги суть бѣсы, кои, изгнаны именемъ Христа распятаго изъ капищъ своихъ, побѣжали въ мѣста пустыя, темныя, пропастныя и угнѣздились тамъ, и притворили себя мертвыми и какъ бы не сущими — до времени. Когда же оскудѣло древнее христіанство, и новое прозябло нечестіе, то и боги сіи ожили, повыползли изъ норъ своихъ: точь въ точь какъ всякое непотребное червіе и жужелица, и прочая ядовитая гадина, излѣзая изъ яицъ своихъ, людей жалить, такъ бѣсы изъ ветхихъ сихъ идоловъ — личинъ своихъ исходя, христіанскія души уязвляють и погубляють. Помнишь ли, царевичъ, видѣніе иже во святыхъ отца Исаакія? Боголѣпныя дѣвы и отроки, ихъ же лица были аки солнце, ухватя преподобнаго за руки, начали съ нимъ скакать и плясать подъ сладчайшіе гласы мусикійскіе и, утрудивъ его, оставили еле жива и, такъ поругавшись, исчезли. И позналъ святой авва, что были то ветхіе боги эллино-римскіе — Ювишь, Меркуріушь, Апóлло, и Венусъ, и Бахусъ. Нынѣ и намъ, грѣшнымъ, являются бѣсы въ подобныхъ же видахъ, а мы любезно пріемлемъ ихъ и въ гнусныхъ машкерахъ, смѣсившись съ ними, скачемъ и пляшемъ, да всѣ вкупѣ въ преглубокій тартаръ вринемся, какъ стадо свиное въ пучину морскую, не помышляя того, невѣжды, сколь страшнѣйшіе суть самыхъ скарѣдныхъ и черныхъ эііопскихъ рожъ сіи новыя, лѣпообразныя, солнцеподобныя, бѣлыя черти!

Въ саду, несмотря на іюньскую ночь, было почти темно. Небо заволакивали низкія, черныя, душныя, грозовыя тучи. Иллюминаціи еще не зажигали, праздникъ не начинался. Воздухъ былъ тихъ, какъ въ комнатѣ. Зарницы или очень далекія безгромныя молніи вспыхивали, и съ каждой вспышкою въ голубоватомъ блескѣ вдругъ выдѣлялись почти ослѣпительною, рѣжущей глазъ бѣлизною мраморныя статуи на черной зелени шпалеръ по обѣимъ сторонамъ аллеи, точно вдругъ бѣлыя призраки выступали и потомъ опять исчезали.

Царевичъ, послѣ того, что слышалъ отъ Аврамова, смотрѣлъ на нихъ уже съ новымъ чувствомъ. «А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ,—думалъ онъ,—точно бѣлые черти!»

Послышались голоса. По звуку одного изъ нихъ, негромкому, сиповатому, а также по красной точкѣ угля, горѣвшаго, должно-быть, въ глиняной голландской трубкѣ—высота этой точки обличала исполинскій ростъ курильщика, — царевичъ узналъ отца.

Быстро повернулъ онъ за уголъ аллеи въ боковую дорожку лабиринта изъ кустовъ сирени и букса. «Будто заяцъ въ кусты шмыгнулъ!» подумалъ тотчасъ со злобою объ этомъ движеніи своемъ, почти произвольномъ, но все же унизительно трусливомъ.

— Чортъ знаетъ, что ты такое говоришь, Абрамка!— продолжалъ онъ съ притворною досадою, чтобы скрыть свой стыдъ. — Въ умѣ ты, видно, отъ многого чтенія зашелся.

— Сущую истину говорю, ваше высочество,—возразилъ Аврамовъ, не обижаясь. — Самъ я на себѣ позналъ ту нечистую силу боговъ. Подустилъ меня сатана у батюшки твоего, государя, Овидіевыхъ и Виргиліевыхъ книжицъ просить для печатанія. Одну изъ оныхъ, съ абрисами скверныхъ боговъ и прочаго ихъ сумасброднаго дѣйства, я ужъ въ печать издалъ. И съ той поры обезумился и впалъ въ ненасытный блудъ, и отступила отъ меня сила Господня, и стали мнѣ являться въ сонныхъ видѣніяхъ всякіе боги, особливо же Бахусъ и Венусъ...

— Какимъ подобіемъ? — спросилъ царевичъ не безъ любопытства.

— Бахусъ — подобіемъ тѣмъ, какъ персона еретика Мартина Лютера пишется: нѣмецъ краснорожій, брюхо что пивная бочка. Венусъ же сначала дѣвкою гулящею прикинулась, съ коей, живучи въ Амстердамѣ, сваялся я блудно: тѣло голое, бѣлое какъ кипень, уста червленныя, очи похабныя. А потомъ, какъ очнулся я въ предбанникѣ, гдѣ и приключилась мнѣ та пакость,—обернулась, лукавая вѣдьма, отца-протопопа дворовою дѣвкою Акулькою и, ругаючи, что мѣшаю-де ей въ банѣ паряться, нагло меня по

лицу мокрымъ вѣтникомъ съѣздила, и, выскочивъ на дворъ, въ сугробъ снѣга — дѣло было зимою — повалилась, и тутъ же по вѣтру порошею развѣялась.

— Да это, можетъ-быть, Акулька и была!.. — разсмѣялся царевичъ.

Аврамовъ хотѣлъ что-то возразить, но вдругъ замолчалъ.

Опять слышались голоса, опять зардѣлась въ темнотѣ красная, точно кровавая, точка. Узкая тропа темнаго лабиринта опять свела сына съ отцомъ въ мѣстѣ, слишкомъ узкомъ, чтобы разойтись. У царевича и тутъ еще мелькнула было отчаянная мысль — спрятаться, проскользнуть или опять шмыгнуть зайцемъ въ кусты. Но было поздно. Петръ увидѣлъ его издали и крикнулъ:

— Зоонъ!

По-голландски «зоонъ» значитъ «сынъ». Такъ называлъ онъ его только въ рѣдкія минуты милости. Царевичъ удивился тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время отецъ пересталъ говорить съ нимъ вовсе, — не только по-голландски, но и по-русски.

Онъ подошелъ къ отцу, снялъ шляпу, низко поклонился и поцѣловалъ сначала полу его кафтана — на Петрѣ былъ сильно поношенный темно-зеленый преображенскій полковничій мундиръ съ красными отворотами и мѣдными пуговицами, — потомъ жесткую мозолистую руку.

— Спасибо, Алеша! — сказалъ Петръ, и отъ этого давно не слыханнаго «Алеша» сердце Алексѣя дрогнуло. — Спасибо за гостинецъ. Въ самую нужную пору пришелся. Мой-то вѣдь дубъ, что плотами съ Казани плавил, бурей на Ладогѣ разбило. Такъ, ежели бъ не твой подарокъ, съ новымъ-то фрегатомъ и къ осени бы, чай, не управились. Да и лѣс-отъ — самый добрый, крѣпкій, что твое желѣзо, давно я этакаго изряднаго дуба не видывалъ!

Царевичъ зналъ, что нельзя ничѣмъ угодить отцу такъ, какъ хорошимъ корабельнымъ лѣсомъ. Въ своей наслѣдственной вотчинѣ, въ Порѣцкой волости Нижегородскаго края, давно уже тайно ото всѣхъ берегъ онъ и лелѣялъ прекрасную рощу, на тотъ случай, когда ему особенно

понадобится милость батюшки. Провѣдавъ, что въ Адмиралтействѣ скоро будетъ нужда въ дубѣ, срубилъ рошу, сплавилъ ее плотами на Неву, какъ разъ во-время, и подарилъ отцу. Это была одна изъ тѣхъ маленькихъ, робкихъ, иногда неумѣлыхъ, услугъ, которыя онъ оказывалъ ему прежде часто, теперь все рѣже и рѣже. Онъ, впрочемъ, не обманывалъ себя — зналъ, что и эта услуга такъ же, какъ всѣ прежнія, будетъ скоро забыта, что и эту случайную, мгновенную ласку отецъ выместитъ на немъ же впоследствии еще большею суровостью.

И все-таки лицо его вспыхнуло отъ стыдливой радости, сердце забилося отъ безумной надежды. Онъ пролепеталъ что-то безсвязное, чуть слышное, въ родѣ того, что «всегда для батюшки радъ стараться», и хотѣлъ еще разъ поцѣловать руку его. Но Петръ обѣими руками взялъ его за голову. На одно мгновеніе царевичъ увидѣлъ знакомое, страшное и милое лицо, съ полными, почти пухлыми щеками, со вздернутыми и распушенными усиками—«какъ у кота Котабрыса», говорили шутники,—съ прелестною улыбкою на извилистыхъ, почти женственнo-нѣжныхъ губахъ; увидѣлъ большіе темные, ясные глаза, тоже такіе страшные, такіе милые, что когда-то они снились ему, какъ снятся влюбленному отроку глаза прекрасной женщины; почувствовалъ съ дѣтства знакомый запахъ — смѣсь крѣпкаго кнастера, водки, пота и еще какого-то другого, не противнаго, но грубаго солдатскаго казарменнаго запаха, которымъ пахло всегда въ рабочей комнатѣ — «конторкѣ» отца; почувствовалъ, тоже съ дѣтства знакомое, жесткое прикосновеніе не совсѣмъ гладко выбритаго подбородка съ маленькой ямочкой посрединѣ, такую странную, почти забавною на этомъ грозномъ лицѣ; ему казалось, а можетъ-быть, снилось только, что ребенкомъ, когда отецъ бралъ его къ себѣ на колѣни, онъ цѣловалъ эту смѣшную ямочку и говорилъ съ восхищеніемъ: «совсѣмъ, какъ у бабушки!»

Петръ, цѣлуя сына въ лобъ, сказалъ на своемъ ломаномъ голландскомъ языкѣ:

— Good beware ù!—Да хранить васъ Богъ!

И это немного чопорное, голландское «вы» вмѣсто «ты» показалось Алексѣю обаятельно любезнымъ.

Все это увидѣлъ онъ, почувствовалъ, какъ въ блескѣ зарницы. Зарница потухла — и все исчезло. Уже Петръ уходилъ отъ него, — какъ всегда, подергивая судорожно плечомъ, закидывая голову, сильно, по-солдатски, размахивая на ходу правую руку, своимъ обыкновеннымъ шагомъ, такимъ быстрымъ, что спутники, чтобы поспѣть за нимъ, должны были почти бѣжать.

Алексѣй пошелъ въ другую сторону все по той же узкой тропѣ темнаго лабиринта. Аврамовъ не отставалъ отъ него. Онъ опять заговорилъ, теперь объ архимандритѣ Александро-Невской Лавры, царскомъ духовникѣ Θεодосіи Яновскомъ, котораго Петръ, назначивъ «администраторомъ духовныхъ дѣлъ», поставилъ выше перваго сановника церкви, престарѣлаго намѣстника патріаршаго престола, Стефана Яворскаго, и котораго многіе подозрѣвали въ «люторствѣ», въ тайномъ замыслѣ упразднить почитаніе иконъ, мощей, соблюденіе постовъ, монашескій чинъ, патріаршество и прочіе уставы православной церкви. Иные полагали, что Θεодосій, или, попросту, Θεодоска, мечтаетъ сдѣлаться самъ патріархомъ.

— Сей Θεодоска, сущій аеистъ, къ тому жъ и дерзкій поганецъ, — говорилъ Аврамовъ, — вкрадшиися въ многотружденную святую душу монаха и обольстя его, смѣло разоряетъ преданія и законы христіанскіе, славолюбное и сластолюбное вводитъ эпикурское, паче же свинское, житіе. Онъ же, бѣснующійся ересіархъ, съ чудотворной иконы Богородицы Казанской вѣнецъ ободралъ: «ризничій, дай ножъ!» кричалъ и рѣзалъ проволоку, и золотую цату рвалъ чеканной работы, и клалъ себѣ въ карманъ при всѣхъ нагло. И съ плачемъ всѣ зрящіе дивились такому похабству его. Онъ же, злой сосудъ и самый пакостникъ, отъ Бога отвергся, рукописаніе бѣсамъ далъ и Спасовъ образъ и Животворящій Крестъ потоптать, шаленый козелъ, и поплевать хотѣлъ...

Царевичъ не слушалъ Аврамова. Онъ думалъ о своей радости и старался заглушить разумомъ эту неразумную,

какъ теперь ему казалось, ребяческую радость. Чего онъ ждетъ? На что надѣется? Примиренія съ отцомъ? Возможно ли оно, да и хочетъ ли онъ самъ примиренія? Не произошло ли между ними то, чего нельзя забыть, нельзя простить? Онъ вспомнилъ, какъ только что прятался съ подлою заячьей трусостью; вспомнилъ Докукина, его обличительную молитву противъ Петра и множество другихъ, еще болѣе страшныхъ, неотразимыхъ обличеній. Не за себя одного онъ возсталъ на отца: И вотъ, однако, достаточно было нѣсколькихъ ласковыхъ словъ, одной улыбки—и сердце его снова размягчилось, растаяло, и онъ уже готовъ упасть къ ногамъ отца, все забыть, все простить, молить самъ о прощеніи, какъ будто онъ виноватъ; готовъ за одну еще такую ласку, за одну улыбку отдать ему снова душу свою. «Да неужели же, — подумалъ Алексѣй почти съ ужасомъ, — неужели я его такъ люблю?»

Аврамовъ все еще говорилъ, точно безсонный комаръ жужжалъ въ ухо. Царевичъ вслушался въ послѣднія слова его:

— Когда преподобный Митрофаній Воронежскій увидѣлъ на кровлѣ дворца царева Бахуса, Венусъ и прочихъ боговъ кумиры: «пока-де, сказалъ, государь не прикажетъ свергнуть идоловъ, народъ соблазняющихъ, не могу войти въ домъ его». И царь почтилъ святителя, велѣлъ убрать идоловъ. Такъ прежде было. А нынѣ кто скажетъ правду царю? Не Ѳедоска ли пренечестивый, иконы нарицающій идолами, идоловъ творящій иконами? Увы, увy намъ! До того дошло, что въ самый сей день, въ сей часъ, ниспровергнувъ образъ Богородицы, на мѣсто его воздвигаетъ онъ бѣсоугодную и блудотворную икону Венусъ. И государь, твой батюшка...

— Отвяжись ты отъ меня, дуракъ! — вдругъ злобно крикнулъ царевичъ. — Отвяжитесь вы всѣ отъ меня! Чего хнычете, чего лѣзете ко мнѣ? Ну васъ совсѣмъ...

Онъ выругался непристойно.

— Какое мнѣ дѣло до васъ? Ничего я не знаю, да и знать не хочу! Ступайте къ батюшкѣ жаловаться: онъ васъ разсудитъ!

Они подходили къ Шкиперской площадкѣ, у фонтана въ Средней аллеѣ. Здѣсь было много народу. На нихъ уже смотрѣли и прислушивались.

Аврамовъ поблѣднѣлъ, какъ будто присѣлъ и съежился, глядя на него своимъ растеряннымъ взглядомъ, — взглядомъ перепуганнаго со сна ребенка, у котораго вотъ-вотъ сдѣлается родимчикъ.

Алексѣю стало жаль его.

— Ну, небось, Петровичъ, — сказалъ онъ съ доброю улыбкою, которая похожа была на улыбку не отца, а дѣда, Тишайшаго Алексѣя Михайловича, — небось, не выдамъ! Я знаю, ты любишь меня... и батюшку. Только впередъ не болтай-ка лишняго...

И съ внезапною тѣнью, пробѣжавшей по лицу его, прибавилъ тихо:

— Коли ты и правъ, что толку въ томъ? Кому нынѣ правда нужна? Плетью обуха не перешибешь. Тебя... да и меня никто не послушаетъ.

Между деревьями блеснули первые огни иллюминаціи: разноцвѣтные фонарики, плошки, пирамиды сальныхъ свѣчей въ окнахъ и между точеными столбиками сквозной крытой галлерей надъ Невою.

Тамъ уже, какъ значилось въ реляціи праздника, «убрано было зѣло церемоніально, съ превеликимъ довольствомъ во всемъ».

Галлерей состояла изъ трехъ узкихъ и длинныхъ бесѣдокъ. Въ главной, средней — подъ стекляннымъ куполомъ, нарочно устроеннымъ французскимъ архитекторомъ Леблонномъ, готово было почетное мѣсто — мраморное подножіе для Петербургской Венеры.

III.

«Венусъ купилъ, — писалъ Беклемишевъ Петру изъ Италіи. — Въ Римѣ ставятъ ее за-велико. Ничѣмъ не разнится отъ Флорентинской (Медичейской) славной, но еще лучше. У незнаемыхъ людей попалась. Нашли, какъ рыли

фундаментъ для новаго дома. 2000 лѣтъ въ землѣ пролежала. Долго стояла у папы въ саду Ватиканскомъ. Хорошую отъ охотниковъ. Опасаюсь о выпускѣ. Однако, она — уже вашего величества».

Петръ черезъ своего повѣреннаго, Савву Рагузинскаго, и кардинала Оттобани велъ переговоры съ папою Климентомъ XI, добиваясь разрѣшенія вывезти купленную статую въ Россію. Папа долго не соглашался. Царь готовъ былъ похитить Венеру. Наконецъ, послѣ многихъ дипломатическихъ обходовъ и происковъ, разрѣшеніе было получено.

«Господинъ капитанъ, — писалъ Петръ Ягужинскому, — лучшую статую Венусъ отправить изъ Ливорны сухимъ путемъ до Инзбрука, а оттоль Дунаемъ водою до Вѣны, съ нарочнымъ провожатымъ, и въ Вѣнѣ бѣ адресовать оную вамъ. А понеже сія статуя, какъ самъ знаешь, и тамъ славится, того для сдѣлать въ Вѣнѣ каретный станокъ на пружинахъ, на которомъ бы лучше можно было ее отправить до Кракова, чтобъ не повредить чѣмъ, а отъ Кракова можно отправить паки водою».

По морямъ и рѣкамъ, черезъ горы и равнины, города и пустыни, и, наконецъ, черезъ русскія бѣдныя селенья, дремучіе лѣса и болота, всюду бережно хранимая волей царя, качаясь то на волнахъ, то на мягкихъ пружинахъ, въ своемъ темномъ ящикѣ, какъ въ колыбели или въ гробу, совершала богиня далекое странствіе изъ Вѣчнаго Города въ новорожденный городокъ Петербургъ.

Когда она благополучно прибыла, царь, какъ ни хотѣлось ему поскорѣе взглянуть на статую, которой онъ такъ долго ждалъ и о которой такъ много слышалъ, — все же побѣдилъ свое нетерпѣніе и рѣшился не откупоривать ящика до перваго торжественнаго явленія Венусъ на праздникѣ въ Лѣтнемъ саду.

Шлюпки, верейки, ботики, эверсы и прочія «новома-нерныя суда» подъѣзжали къ деревянной лѣсенкѣ, спускавшейся прямо къ водѣ, и причаливали къ вбитымъ у берега сваямъ съ желѣзными кольцами. Пріѣхавшіе, выйдя изъ

лодокъ, подымались по лѣсенкѣ въ среднюю галлерею, гдѣ при огняхъ иллюминаціи уже густѣла, шумѣла и двигалась нарядная толпа: кавалеры — въ цвѣтныхъ шелковыхъ и бархатныхъ кафтанахъ, треуголкахъ, при шпагахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, съ высокими каблуками, въ пышныхъ, пирамидальныхъ, съ неестественно роскошными буклями, черныхъ, бѣлокурыхъ, рѣже пудренныхъ парикахъ; дамы — въ широчайшихъ круглыхъ юбкахъ на китовомъ усѣ — робронахъ, «на самый послѣдній Версальскій манеръ», съ длинными «шелёпами» — шлейфами, съ румянами и мушками на лицѣ, съ кружевными фантажами, перьями и жемчугами на волосахъ. Но въ блестящей толпѣ попадались и простые, изъ грубаго солдатскаго сукна, военные мундиры, даже матросскія и шкиперскія куртки, и пахнущіе дегтемъ смазные сапоги, и кожаные треухи голландскихъ корабельщиковъ.

Толпа разступилась передъ страннымъ шествіемъ: дюжіе царскіе гайдуки и гренадеры несли на плечахъ съ трудомъ, сгибаясь подъ тяжестью, длинный узкій черный ящикъ, похожій на гробъ. Судя по величинѣ гроба, покойникъ былъ нечеловѣческаго роста. Ящикъ поставили на полъ.

Государь, одинъ безъ чужой помощи, принялся его откупоривать. Плотничьи и столярные инструменты такъ и мелькали въ привычныхъ рукахъ Петра. Онъ торопился и выдергивалъ гвозди съ такимъ нетерпѣніемъ, что оцарапалъ себѣ руку до крови.

Всѣ столпились, тѣсняясь, приподымаясь на цыпочки, заглядывая съ любопытствомъ другъ другу черезъ плечи и головы.

Тайный совѣтникъ Петръ Андреичъ Толстой, долго жившій въ Италіи, человѣкъ ученый, къ тому же и сочинитель — онъ первый въ Россіи началъ переводить *Метаморфозы* Овидія, — рассказывалъ окружавшимъ его дамамъ и дѣвицамъ о развалинахъ древняго храма Венеры.

— Проѣздомъ будучи въ Каштель-ди-Байя близъ Неаполя, видѣлъ я божницу во имя сей богини Венусъ. Городъ весь развалился, и мѣсто, гдѣ былъ тотъ городъ, по-

росло лѣсомъ. Божница сдѣлана изъ плинѳовъ, архитектурую изрядною, со столпами великими. На сводахъ множество напечатано поганскихъ боговъ. Видѣлъ тамъ и другія божницы — Діаны, Меркурія, Бахуса, коимъ въ мѣстахъ тѣхъ проклятый мучитель Неронъ приносилъ жертвы и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ...

Петръ Андреичъ открылъ перламутровую табакерку — на крышкѣ изображены были три овечки и пастушокъ, который развязываетъ поясъ спящей пастушкѣ,—поднесъ табакерку хорошенькой княгинѣ Черкасской, самъ понюхалъ и прибавилъ съ томнымъ вздохомъ:

— Въ ту свою бытность въ Неаполѣ я, какъ сейчасъ помню, инаморать былъ въ нѣкую славную хорошествомъ читадинку Франческу. Болѣе 2000 червонныхъ мнѣ стоила. Ажно и до сей поры изъ сердца моего тотъ аморъ выйти не можетъ...

Онъ такъ хорошо говорилъ по-итальянски, что пере-сыпалъ и русскую рѣчь итальянскими словами: инаморать— вмѣсто влюбленъ, читадинка — вмѣсто гражданка.

Толстому было семьдесятъ лѣтъ, но казалось не больше пятидесяти, такъ онъ былъ крѣпокъ, бодръ и свѣжъ. Любезностью съ дамами могъ бы «заткнуть за поясъ и молодыхъ охотниковъ до Венусъ», по выраженію царя. Бархатная мягкость движеній, тихій бархатный голосъ, бархатная нѣжная улыбка, бархатныя, удивительно-густыя, черныя, едва ли, впрочемъ, не крашенныя брови: «бархатный весь, а жальце есть», говорили о немъ. И самъ Петръ, не слишкомъ осторожный со своими «птенцами», полагалъ, что «когда имѣешь дѣло съ Толстымъ, надо держать камень за пазухой». На совѣсти этого «изящнаго и превосходительнаго господина» было не одно темное, злое и даже кровавое дѣло. Но онъ умѣлъ хоронить концы въ воду.

Послѣдніе гвозди погнулись, дерево затрещало, крышка поднялась, и ящикъ открылся. Сначала увидѣли что-то сѣрое, желтое, похожее на пыль истлѣвшихъ въ гробѣ костей. То были сосновыя стружки, опилки, войлокъ, шерстяные очески, положенные для мягкости.

Петръ разгребалъ ихъ, рылся обѣими руками и, наконецъ, нащупавъ мраморное тѣло, воскликнулъ радостно:

— Вотъ она, вотъ!

Уже плавилъ олово для спайки желѣзныхъ скрѣпъ, которыя должны были соединить подножіе съ основаніемъ статуи. Архитекторъ Леблонъ суетился, приготовляя что-то въ родѣ подъемной машины съ лѣсенками, веревками и блоками. Но сперва надо было на рукахъ вынуть изъ ящика статую.

Денщики помогали Петру. Когда одинъ изъ нихъ съ нескромною шуткою схватилъ было «голую дѣвку» тамъ, гдѣ не слѣдовало, царь наградилъ его такой пощечиной, что сразу внушилъ всѣмъ уваженіе къ богинѣ.

Хлопья шерсти, какъ сѣрыя глыбы земли, спадали съ гладкаго мрамора. И опять, точно такъ же какъ двѣсти лѣтъ назадъ во Флоренціи, выходила изъ гроба воскресшая богиня.

Веревки натягивались, блоки скрипѣли. Она подымалась, вставала все выше и выше. Петръ, стоя на лѣсенкѣ и укрѣпляя на подножіи статую, охватилъ ее обѣими руками, точно обнялъ.

— Венера въ объятіяхъ Марса! — не утерпѣлъ-таки умилившейся классикъ Леблонъ.

— Такъ хороши они оба, — воскликнула молоденькая фрейлина кронпринцессы Шарлотты, — что я бы на мѣстѣ царицы приревновала!

Петръ былъ почти такого же нечеловѣческаго роста, какъ статуя. И человѣческое лицо его оставалось благороднымъ рядомъ съ божескимъ: человѣкъ былъ достоинъ богини.

Еще въ послѣдній разъ качнулась она, дрогнула — и стала вдругъ неподвижно, прямо, утвердившись на подножіи.

То было изваяніе Праксителя: Афродита Анадіомена — Пѣнорожденная, и Уранія — Небесная, древняя финикійская Астарта, вавилонская Милитта, Праматерь сущаго, великая Кормилица — та, что наполнила небо звѣздами, какъ сѣменами, и разлила, какъ молоко изъ груди своей, Млечный Путь.

Она была и здѣсь все такая же, какъ на холмахъ Флоренціи, гдѣ смотрѣлъ на нее ученикъ Леонардо да-Винчи въ суевѣрномъ ужасѣ; и какъ еще раньше, въ глубинѣ Каппадокіи, близъ древняго замка Мацеллума, въ опустѣвшемъ храмѣ, гдѣ молился ей послѣдній поклонникъ ея, блѣдный худенькій мальчикъ въ темныхъ одеждахъ, будущій императоръ Юліанъ Отступникъ. Все такая же невинная и сладострастная, нагая и не стыдящаяся наготы своей. Съ того самаго дня, какъ вышла изъ тысячелѣтней могилы своей, тамъ, во Флоренціи, — шла она все дальше и дальше, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ народа въ народъ, нигдѣ не останавливаясь, пока, наконецъ, въ побѣдоносномъ шествіи, не достигла послѣднихъ предѣловъ земли — Гиперборейской Скиѳіи, за которой уже нѣтъ ничего, кромѣ ночи и хаоса. И, утвердившись на подножіи, впервые взглянула какъ будто удивленными и любопытными очами на эту чуждую, новую землю, на эти плоскія мшистыя топи, на этотъ странный городъ, подобный селеніямъ кочующихъ варваровъ, на это не дневное, не ночное небо, на эти черныя, сонныя, страшныя волны, подобныя волнамъ подземнаго Стикса. Страна эта не похожа была на ея олимпійскую свѣтлую родину, безнадежна, какъ страна забвенія, какъ темный Аидъ. И все-таки богиня улыбнулась вѣчною улыбкою, какъ улыбнулось бы солнце, если бы проникло въ темный Аидъ.

Петръ Андреичъ Толстой, по просьбѣ дамъ, прочелъ собственнаго сочиненія вирши *О Купидѣ*, древній анакреоновъ гимнъ Эросу:

Нѣкогда въ розахъ Любовь
Спящую не усмотрѣвъ
Пчелку, ею ужаленный
Въ палецъ руки, зарыдалъ
И, побѣжавъ, и взлетѣвъ
Къ Венусъ красавицѣ:
Гину я, мати, сказалъ,
Гину, умираю я!
Змѣй меня малый кольнулъ
Съ крыльями, коего пахари
Пчелкой зовутъ..

Венусъ же сыну въ отвѣтъ:
Если жало пчельное
Столь тебѣ болѣзненно,
Сколь же, чай, больнѣе тѣмъ,
Кои хъ ты, дитя, язвишь!

Дамамъ, которыя никакихъ русскихъ стиховъ еще не знали, кромѣ церковныхъ кантовъ и псалмовъ, показалась пѣсенка очаровательной.

Она и кстати пришлась, потому что въ это самое мгновение Петръ собственноручно зажегъ и пустилъ, вмѣсто первой ракеты фейерверка, летучую машину въ видѣ Купидона съ горящимъ факеломъ. Скользя по невидимой проволокъ, Купидонъ полетѣлъ отъ галлерей къ порогу на Невѣ, гдѣ стояли щиты «для огненной потѣхи по плану фитильному», и факеломъ своимъ зажегъ первую аллегорію — жертвенникъ изъ брилліантовыхъ огней съ двумя пылающими рубиновыми сердцами. На одномъ изъ нихъ изумруднымъ огнемъ выведено было латинское *P*, на другомъ—*C*: *Petrus, Caterina*. Сердца слились въ одно, и появилась надпись: *Изъ двухъ едино сочиняю*. Это означало, что богиня Венусъ и Купидо благословляютъ брачный союзъ Петра съ Екатериною.

Появилась другая фигура — прозрачная, свѣтящаяся картина-транспарантъ съ двумя изображеніями: на одной сторонѣ — богъ Нептунъ смотритъ на только что построенную среди моря крѣпость Кроншлотъ — съ надписью: *Videt et stupescit*—«Видитъ и удивляется». На другой—Петербургъ, новый городъ среди болотъ и лѣсовъ, — съ надписью: *Urbs ubi sylva fuit*.—«Градъ, гдѣ былъ лѣсъ».

Петръ, большой любитель фейерверковъ, всегда самъ управлявшій всѣмъ, объяснялъ аллегоріи зрителямъ.

Съ грохочущимъ свистомъ, снопами огненныхъ колосьевъ, взвились подъ самое небо безчисленныя ракеты и въ темной вышинѣ разсыпались дождемъ медленно падавшихъ, таявшихъ, красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ, фіолетовыхъ звѣздъ. Нева отразила ихъ и удвоила въ своемъ черномъ зеркалѣ. Завертѣлись огненные колеса, забили огненные фонтаны,

зашипѣли, запрыгали швермеры; и водяные, и воздушные шары, лопааясь какъ бомбы, затрещали оглушительнымъ трескомъ. Открылись пламенные чертоги съ горящими столбами, сводами, лѣстницами — и въ ослѣпительной, какъ солнце, глубинѣ вспыхнула послѣдняя картина: ваятель — похожій на титана Прометея — передъ недоконченною статуей, которую высѣкаетъ онъ рѣзцомъ и молотомъ изъ мраморной глыбы; вверху Всевидящее Око въ лучахъ съ надписью: *Deo adjuvante* — «Съ помощью Божіей». Каменная глыба означала древнюю Русь; статуя недоконченная, но уже похожая на богиню Венусъ — новую Россію; ваятель былъ Петръ.

Картина не совсѣмъ удалась: статуя слишкомъ скоро догорѣла, свалилась къ ногамъ ваятеля, разрушилась. Казалось, онъ ударялъ въ пустоту. И молотъ рассыпался, рука поникла. Всевидящее Око померкло, какъ будто подозрительно прищурилось, зловѣще подмигивая.

На это, впрочемъ, никто не обратилъ вниманія, такъ какъ всѣ были заняты новымъ зрѣлищемъ. Въ клубахъ дыма, освѣщенныхъ радугой бенгальскихъ огней, появилось огромное чудовище, не то конь, не то змѣй, съ чешуйчатымъ хвостомъ, колючими плавниками и крыльями. Оно плыло по Невѣ отъ крѣпости къ Лѣтнему саду. Множество лодокъ, наполненныхъ гребцами, тащили его на канатѣ. Въ исполинской раковинѣ на спинѣ чудовища сидѣлъ Нептунъ съ длинной бѣлой бородой и трезубцемъ; у ногъ его — сирены и тритоны, трубившіе въ трубы: «тритоны сѣвернаго Нептуна въ трубы свои, по морямъ шествуя, царя Россійскаго фаму разносятъ», объяснилъ одинъ изъ зрителей, іеромонахъ флота Гавріиль Бужинскій. Чудовище влекло за собою шесть паръ пустыхъ, плотно закупоренныхъ бочекъ съ кардиналами Всешутѣйшаго Собора, сидѣвшими верхомъ и крѣпко привязанными, чтобы не упасть въ воду, по одному на каждой бочкѣ. Такъ они плыли гуськомъ, пара за парой, и звонко дудѣли въ коровьи рога. Далѣе слѣдовалъ цѣлый плотъ изъ такихъ же бочекъ съ огромнымъ чаномъ пива, въ которомъ плавалъ въ деревянномъ ковшѣ, какъ въ лодкѣ,

князь-папа, архіерей бога Бахуса. Самъ Бахусъ тутъ же сидѣлъ на плоскомъ краю чана.

Подъ звуки торжественной музыки, вся эта водяная машина медленно приблизилась къ Лѣтнему саду, причалила у средней галлерей, и боги вошли въ нее.

Нептунъ оказался царскимъ шутомъ, старымъ бояриномъ Семеномъ Тургеневымъ; сирены, съ длинными рыбьими хвостами, которые волочились, какъ шлейфы, такъ что ногъ почти не видно было, — дворовыми дѣвками; тритоны — конюхами генераль-адмирала Апраксина; сатиръ или Панъ, сопровождавшій Бахуса, — французскимъ танцмейстеромъ князя Меншикова. Ловкій французъ продѣлывалъ такіе прыжки, что можно было подумать — ноги у него козлиныя, какъ у настоящаго фавна. Бахусъ въ тигровой шкурѣ, въ вѣнкѣ изъ стекляннаго винограда, съ колбасой въ одной рукѣ и штофомъ въ другой, былъ регентъ придворныхъ пѣвчихъ, Кононъ Карповъ, необыкновенно жирный малый съ красною рожею. Для большей естественности поили его нещадно три дня, такъ что, по выраженію своихъ собутельниковъ, Кононъ налился какъ клюковка и сталъ живой Ивашка Хмельницкій.

Боги окружили статую Венеры. Бахусъ, благоговѣнно поддерживаемый подъ руки кардиналами и княземъ-папою, сталъ на колѣни передъ статуей, поклонился ей до земли и возгласилъ громоподобнымъ басомъ, достойнымъ протодьякона:

— Всечестнѣйшая мати Венусъ, смиренный холопка Ивашка-Бахусъ, отъ сожженной Семелы рожденный, изжатель винограднаго веселья, на сынишку твоего Еремку челомъ бьетъ. Не вели ему, Еремкѣ шальному, насъ, людей твоихъ, обижать, сердца уязвлять, души погублять. Ей, государыня, смилуйся, пожалуй!

Кардиналы грянули хоромъ: «Аминь!»

Карповъ зятянулъ было съ пьяныхъ глазъ *Достойно есть яко воистину*, но его остановили во-время.

Князь - папа, дряхлый государевъ дядька, бояринъ и стольникъ царя Алексѣя, Никита Моисеичъ Зотовъ, въ шу-

товской мантии изъ алаго бархата съ горностаями, въ трехвѣнечной жестяной тiарѣ, украшенной непристойнымъ изображенiемъ голаго Еремки-Эроса, поставилъ передъ подножиемъ Венусъ на треножникъ изъ кухонныхъ вертеловъ круглый мѣдный тазъ, въ которомъ варили обыкновенно жжонку, налилъ въ него водки и зажегъ. На длинныхъ, гнувшихся отъ тяжести шестахъ царскiе гренадеры принесли огромный ушатъ перцовки. Кромѣ лицъ духовныхъ, которыя здѣсь также присутствовали, какъ и на другихъ подобныхъ шутовскихъ собранiяхъ, всѣ гости, не только кавалеры, но и дамы, даже дѣвицы, должны были по очереди подходить къ ушату, принимать отъ князя-папы большую деревянную ложку съ перцовкою и, выпивъ почти все, нѣсколько оставшихся капель вылить на горящiй жертвенникъ; потомъ кавалеры цѣловали Венусъ, смотря по возрасту, молодые въ ручку, старые въ ножку; а дамы, кланяясь ей, присѣдали чинно, съ «церемонiальнымъ куплементомъ». Все это, до послѣдней мелочи заранѣе обдуманное и назначенное самимъ государемъ, исполнялось съ точностью, подъ угрозой «жестокаго штрафа» и даже плетей. Старая царица Прасковья Феодоровна, невѣста Петра, вдова брата его, царя Иоанна Алексѣевича, тоже пила водку изъ ушата и кланялась Венерѣ. Она вообще угождала Петру, покоряясь всѣмъ новшествамъ: противъ вѣтра, молъ, не подуешь. Но на этотъ разъ, у почтенной старушки въ темномъ, вдовьемъ шушунѣ — Петръ позволялъ ей одѣваться по-старинному — когда она присѣдала «на нѣмецкiй манирь» передъ «безстыжею голою дѣвкою», — заскребли-таки на сердцѣ кошки. «Въ землю бы легла, только бы этого всего не видѣть!» думала она. Царевичъ тоже съ покорностью поцѣловалъ ручку Венусъ. Михайло Петровичъ Аврамовъ хотѣлъ было спрятаться; но его отыскали, притащили насильно; и хотя онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, корчился, обливался потомъ, и чуть въ обморокъ не упалъ, когда, прикладываясь къ бѣсовой иконѣ, почувствовалъ на губахъ своихъ прикосновенiе холоднаго мрамора, но исполнилъ обрядъ въ точности, подъ строгимъ взоромъ царя, котораго боялся еще больше, чѣмъ бѣлыхъ чертей.

Богиня, казалось, безгнѣвно смотрѣла на эти кощунственные маски боговъ, на эти шалости варваровъ. Они служили ей невольно и въ самомъ кощунствѣ. Шутовской треножникъ превратился въ истинный жертвенникъ, гдѣ въ подвижномъ и тонкомъ, какъ жало змѣи, голубоватомъ пламени горѣла душа Діониса, родного ей бога. И озаренная этимъ пламенемъ, богиня улыбалась мудрою улыбкою.

Начался пиръ. На верхнемъ концѣ стола, подъ навѣсомъ изъ хмеля и брусничника съ кочекъ родимыхъ болотъ, замѣнявшаго классическія мирты, сидѣлъ Бахусъ верхомъ на бочкѣ, изъ которой князь-папа цѣдилъ вино въ стаканы. Толстой, обратившись къ Бахусу, прочелъ другія вирши, тоже собственнаго сочиненія — переводъ Анакреоновой пѣсенки:

Бахусъ, Зевсово дитя,
Мыслей говитель, Ліей!
Когда въ голову мою
Войдетъ, винодавецъ, онъ,
Заставитъ меня плясать;
И нѣчто пріятное
Бываю, когда напьюсь;
Бью въ ладоши и пою,
И тѣшусь Венерою,
И непрестанно пляшу.

— Изъ оныхъ виршей должно признать, — замѣтилъ Петръ, — что сей Анакреонтъ изрядный былъ пьяница и прохладнаго житія человѣкъ.

Послѣ обычныхъ заздравныхъ чашъ за процвѣтаніе російскаго флота, за государя и государыню, поднялся архимандритъ Θεодосій Яновскій съ торжественнымъ видомъ и стаканомъ въ рукахъ.

Несмотря на выраженіе польскаго гонора въ лицѣ — онъ былъ родомъ изъ мелкой польской шляхты, — несмотря на голубую орденскую ленту и алмазную панагію съ государевой персоною на одной сторонѣ, съ распятіемъ на другой — на первой было больше алмазовъ, и они были крупнѣе, чѣмъ на второй, — несмотря на все это, Θεодосій, по

выраженію Аврамова, собою былъ видомъ аки изуморъ, то-есть заморышъ или недоносокъ. Маленькій, худенькій, востренькій, въ высочайшемъ клобукѣ съ длинными складками чернаго крепа, въ широчайшей бейберовской рясѣ съ развѣвающимися черными воскрыльями, напоминалъ онъ огромную летучую мышь. Но когда шутилъ и, въ особенности, когда кощунствовалъ, что постоянно съ нимъ случалось «на подпиткахъ», хитренькіе глазки искрились такимъ язвительнымъ умомъ, такою дерзкою веселостью, что жалобная мордочка летучей мыши или недоноска становилась почти привлекательной.

— Не ласкательное слово сіе, — обратился Θεодосій къ царю, — но суще изъ самага сердца говорю: черезъ вашего царскаго величества дѣла мы изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы, изъ небытія въ бытіе произведены и уже въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены. Ты во всемъ обновилъ, государь, или паче вновь родилъ своихъ подданныхъ. Что была Россія прежде и что есть нынѣ? Посмотримъ ли на зданія? На мѣсто хижинъ грубыхъ явились палаты свѣтлыя, на мѣсто хвороста сухого — вертограды цвѣтушіе. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? Имѣемъ такія вещи, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видывали...

Долго еще говорилъ онъ о книгахъ судейскихъ, свободныхъ ученіяхъ, искусствахъ, о флотѣ — «оруженосныхъ сихъ ковчегахъ», — объ исправленіи и обновленіи церкви.

— А ты, — воскликнулъ онъ въ заключеніе, въ риторскомъ жарѣ взмахнувъ широкими рукавами рясы, какъ черными крыльями, и сдѣлавшись еще болѣе похожимъ на летучую мышь, — а ты, новый, новоцарствующій градъ Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? Тамъ, гдѣ и помысла никому не было о жительствѣ человѣческомъ, вскорѣ устроилось мѣсто, достойное престола царскаго. *Urbs ubi sylva fuit*. Градъ, идѣже былъ лѣсъ. И кто расположеніе града сего не похвалить? Не только всю Россію красотой превосходитъ мѣсто, но и въ иныхъ европейскихъ странахъ подобное обрѣстись не можетъ! На веселомъ мѣстѣ

созданъ есть! Воистину, ваше величество, сочинилъ ты изъ Россіи самую метаморфозисъ или претвореніе!

Алексѣй слушалъ и смотрѣлъ на Оедоску внимательно. Когда тотъ говорилъ о «веселомъ расположеніи» Петербурга, глаза его встрѣтились на одно мгновеніе, какъ будто нечаянно, съ глазами царевича, которому вдругъ показалось или только почудилось, что въ глубинѣ этихъ глазъ промелькнула какая-то насмѣшливая искорка. И вспомнилось ему, какъ часто при немъ, конечно, въ отсутствіе батюшки, ругая это веселое мѣсто, Оедоска называлъ его чортовымъ болотомъ и чортовой сторонушкой. Впрочемъ, давно уже царевичу казалося, что Оедоска смѣется надъ батюшкой почти явно, въ лицо ему, но такъ ловко и тонко, что этого никто не замѣчаетъ, кромѣ него, Алексѣя, съ которымъ каждый разъ въ подобныхъ случаяхъ мѣнялся Оедоска быстрымъ, лукавымъ, какъ будто сообщническимъ взглядомъ.

Петръ, какъ всегда на церемоніальныя рѣчи, отвѣтилъ кратко:

— Зѣло желаю, чтобы весь народъ прямо узналъ, что Господь намъ сдѣлалъ. Не надлежитъ и впредь ослабѣвать, но трудиться о пользѣ, о прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очами кладетъ.

И, вступивъ опять въ обычный разговоръ, изложилъ по-голландски, — чтобы иностранцы также могли понять, — мысль, которую слышалъ недавно отъ философа Лейбница, и которая ему очень понравилась — о «коловращеніи наукъ»: всѣ науки и художества родились на Востокѣ и въ Греціи; оттуда перешли въ Италію, потомъ во Францію, Германію и, наконецъ, черезъ Польшу въ Россію. Теперь пришла и наша чередъ. Черезъ насъ вернутся онѣ снова въ Грецію и на Востокъ, въ первоначальную родину, совершивъ въ своемъ теченіи полный кругъ.

— Сія Венусъ, — заключилъ Петръ уже по-русски, съ особою, свойственной ему, простодушною витіеватостью, указывая на статую, — сія Венусъ пришла къ намъ оттолѣ, изъ Греціи. Уже Марсовымъ плугомъ все у насъ испахано и насѣяно. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ,

Господи, помози! Да не укоснѣтъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Нынѣ же и Венусъ, богиня всякаго любезнаго пріятства, согласія, домашняго и политичнаго мира, да сочетается съ Марсомъ на славу имени Россійскаго.

— Вивать! Вивать! Вивать! Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ всероссійскій! — закричали всѣ, подымая стаканы съ венгерскимъ.

Императорскій титулъ, еще не объявленный ни въ Европѣ, ни даже въ Россіи,— здѣсь, въ кругу птенцовъ Петровыхъ, уже былъ принятъ.

Въ лѣвомъ дамскомъ крылѣ галлерей раздвинули столы и начали танцы. Военныя трубы, гобои, литавры семеновцевъ и преображенцевъ, доносясь изъ-за деревьевъ Лѣтняго сада, смягченные далью, а можетъ-быть, и очарованіемъ богини,— здѣсь, у ея подножія, звучали, какъ нѣжныя флейты и віольдамуры въ царствѣ Купидо, гдѣ пасутся овечки на мягкихъ лугахъ и пастушкі развязываютъ поясъ пастушкамъ. Петръ Андреичъ Толстой, который шелъ въ менуэтъ съ княгинею Черкасскою, напѣвалъ ей на ухо своимъ бархатнымъ голосомъ подъ звуки музыки:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвленны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покоренны.

И, жеманно присѣдая передъ кавалерами, какъ того требовалъ чинъ менуэта, хорошенькая княгиня отвѣчала томной улыбкой пастушки Хлои семидесятилѣтнему юношѣ Дафнису.

А въ темныхъ аллеяхъ, бесѣдкахъ, во всѣхъ укромныхъ уголкахъ Лѣтняго сада, слышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. Богиня Венусъ уже царила въ Гиперборейской Скиѣи.

Какъ настоящіе скиѣи и варвары, рассуждали о любовныхъ проказахъ своихъ кумушекъ, фрейлинъ, придворныхъ

мамзелей или даже попросту «дѣвокъ», государевы денщики и камеръ-пажи въ дубовой рощицѣ у Лѣтняго дворца, сидя вдали отъ всѣхъ, особою кучкою, такъ что ихъ никто не слышалъ.

Въ присутствіи женщинъ они были скромны и застѣнчивы; но между собою говорили о «бабахъ» и «дѣвкахъ» со звѣринымъ безстыдствомъ.

— Дѣвка-то Гаментова съ «хозяиномъ» ночь переспала, — равнодушно объявилъ одинъ.

Гаментова была Марья Вилимовна Гамильтонъ, фрейлина государыни.

— «Хозяинъ» — галантъ, не можетъ безъ метресокъ жить, — замѣтилъ другой.

— Ей не съ первымъ, — возразилъ камеръ-пажъ, мальчонка лѣтъ пятнадцати, съ важностью сплевывая и снова затягиваясь трубкою, отъ которой его тошнило. — Еще до «хозяина»-то съ Васюхой Машка брюхо сдѣлала.

— И куда только онѣ ребятъ дѣвають? — удивился первый.

— А мужъ не знаетъ, гдѣ жена гуляетъ! — ухмыльнулся мальчонка. — Я, братцы, давеча самъ изъ-за кустовъ видѣлъ, какъ Вилька Монсовъ съ «хозяйкой» амурился..

Вилимъ Монсъ былъ камеръ-юнкеръ государыни — «нѣмецъ подлой породы», но очень ловкій и красивый.

И, подсѣвъ ближе другъ къ другу, шопотомъ на ухо принялись они сообщать еще болѣе любопытные слухи о томъ, что недавно тутъ же, въ Царскомъ огородѣ, при чисткѣ засоренныхъ трубъ одного изъ фонтановъ, найдено мертвое тѣло младенца, обернутое въ дворцовую салфетку.

Въ Лѣтнемъ саду былъ неизбежный, по плану для всѣхъ французскихъ садовъ, такъ называемый гротъ: небольшое четырехугольное зданіе на берегу рѣчки Фонтанной, снаружи довольно нелѣпое, напоминавшее голландскую кирку, а внутри дѣйствительно похожее на подводную пещеру, убранное большими раковинами, перламутромъ, кораллами, ноздреватыми камнями, со множествомъ фонтановъ и водяныхъ струекъ, бившихъ въ мраморныя чаши, съ тѣмъ чрез-

мѣрнымъ для петербургской сырости обиліемъ воды, которое любилъ Петръ.

Здѣсь почтенные старички, сенаторы и сановники бесѣдовали тоже о любви и о женщинахъ.

— Въ старину-то было доброе супружество посхименье, а нынѣ прелюбодѣяніе за нѣкую галантерію почитается, и сіе отъ самыхъ мужей, которые спокойнымъ сердцемъ зрятъ, какъ жены ихъ съ прочими любятъ, да еще глупцами называютъ насъ, честь поставляющихъ въ мѣстѣ столь слабомъ. Дали бабамъ волю — погодите, ужо всѣмъ намъ сядутъ на шею! — ворчалъ самый древній изъ старичковъ.

Старичокъ помоложе замѣтилъ, что «пріятно молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ»; что «нынѣ страсть любовная, почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать»; что «бракъ пожинаетъ въ одинъ день всѣ цвѣты, кои амуръ производилъ многія лѣта», и что «ревнованіе есть лихоманка амура».

— Всегда были красныя жены блудливы, — рѣшилъ старичокъ изъ среднихъ. — А у нынѣшнихъ верченыхъ бабенокъ въ ребрахъ бѣсы дома, конечно, построили. Такая ужъ у нихъ политика, что и слышать не хотятъ ни о чемъ, кромѣ амуровъ. На нихъ глядя, и маленькія дѣвочки думаютъ, какъ поамуриться, да не смыслятъ, бѣдныя: того ради младенческія мины употребляютъ. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствами женъ!

Въ гротъ вошла государыня Екатерина Алексѣевна, въ сопровожденіи камеръ-юнкера Монса и фрейлины Гамильтонъ, гордой шотландки съ лицомъ Діаны.

Старичокъ помоложе, видя, что государыня прислушивается къ бесѣдѣ, любезно принялъ дамъ подъ свою защиту.

— Самая истина доказываетъ намъ почтительное свойство рода женскаго тѣмъ, что Богъ, въ заключеніе всего, въ послѣдній день, сотворилъ жену Адамову, точно безъ того и свѣту быть несовершеннымъ. Увѣряютъ, что въ единомъ составѣ тѣла женскаго все то собрано, что лучшаго и прелестнаго цѣлый свѣтъ въ себѣ имѣетъ. Прибавляя къ толи-

кимъ авантажамъ красоту разума, можно ли намъ ихъ добротамъ не дивиться, и чѣмъ можетъ кавалеръ извиниться, если должное почтеніе имъ не будетъ оказывать? А ежели и суть со стороны ихъ нѣкоторыя нѣжныя слабости, то надлежитъ помнить, что и нѣжна есть матерія, отъ которой онѣ взяты...

Старый старичокъ только головой покачивалъ. По лицу его видно было, что онъ попрежнему думаетъ: «ракъ не рыба, а баба не человѣкъ; баба да бѣсъ — одинъ въ нихъ вѣсъ».

Въ просвѣтѣ между разорванныхъ тучъ, на бездонно-ясномъ и грустномъ, золотисто-зеленомъ небѣ тонкій серебряный серпъ новорожденного мѣсяца блеснулъ и кинулъ нѣжный лучъ въ глубину пустынной аллеи, гдѣ у фонтана, въ полукругѣ высокихъ шпалеръ изъ подстриженной зелени, подъ мраморной Помоной, на дерновой скамьѣ сидѣла одиноко дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ робронѣ на фижмахъ изъ розовой тафтицы съ желтенькими китайскими цвѣточками, съ перетянутой въ рюмочку таліей, съ модною прическою «расцвѣтающая пріятность», но съ такимъ русскимъ, простымъ лицомъ, что видно было — она еще недавно пріѣхала изъ деревенскаго затишья, гдѣ росла среди мамушекъ и нянюшекъ подъ соломенною кровлею старинной усадьбы.

Робко оглядываясь, разстегнула она двѣ-три пуговицы платья и проворно вынула спрятанную на груди, свернутую въ трубочку, теплую отъ прикосновенія тѣла, бумажку. То была любовная цидулка отъ девятнадцатилѣтняго двоюроднаго братца, котораго по указу царскому забрали изъ того же деревенскаго затишья прямо въ Петербургъ, въ навигацкую школу при Адмиралтействѣ, и на-дняхъ отправили на военномъ фрегатѣ, вмѣстѣ съ другими гардемаринами, не то въ Кадиксъ, не то въ Лиссабонъ: какъ онъ самъ выражался, — къ чорту на кулички.

При свѣтѣ бѣлой ночи и мѣсяца дѣвушка прочла цидулку, нацарапанную по линейкамъ, крупными и круглыми дѣтскими буквами:

«Сокровище мое сердешное и ангель Настенька! Я желалъ бы знать, почему не прислала ты мнѣ послѣдняго поцѣлуя. Купидонъ, воръ проклятый, пробилъ стрѣлою сердце. Тоска великая — сердце кровавое рудою запеклося».

Здѣсь между строкъ нарисовано было кровью вмѣсто чернилъ сердце, пронзенное двумя стрѣлами; красныя точки обозначали капли крови.

Далѣе слѣдовали, должно-быть, откуда-нибудь списанныя вирши:

Вспомни, радость прелюбезна, какъ мы веселились
И пріятныхъ разговоровъ съ тобой насладились.
Уже нынѣ сколько время не зрю мою радость:
Прилети, моя голубка, сердечная сладость!
Если васъ сподоблюсь видѣть, закричу: ахъ, свѣтикъ мой!
Ты ли, радость, предо мной?..

Прочитавъ цидулку, Настенька снова также тщательно свернула ее въ трубочку, спрятала подъ платье на груди, опустила голову и закрыла лицо платочкомъ, надушеннымъ «вздохами амура».

Когда же отняла его и взглянула на небо, то, похожая на чудовище съ разинутой пастью, черная туча почти съѣла тонкій мѣсяцъ. Послѣдній лучъ его блеснулъ въ слезинкѣ повисшей на рѣсницѣ дѣвушки. Она смотрѣла, какъ мѣсяцъ исчезалъ, и напѣвала чуть слышно единственную знакомую, Богъ вѣсть откуда долетѣвшую къ ней, любовную пѣсенку:

Хоть пойду въ сады и винограды,
Не имѣю въ сердцѣ никакой отрады.
О, коль тягостно голубю безъ перья летати,
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати.
И теперь я, младенька, въ слезахъ унываю,
Что я друга сердечна давно не видаю.

Вокругъ нея и на ней все было чужое, искусственное — «на версальскій маниръ» — и фонтанъ, и Помона, и шпалеры, и фижмы, и робронъ изъ розовой тафтицы съ желтенькими китайскими цвѣточками, и прическа «расцвѣтающая пріятность», и духи «вздохи амура». Только сама она,

со своимъ тихимъ горемъ и тихою пѣсней, была простая, русская, точно такая же какъ подъ соломенною кровлею дѣдовской усадьбы.

А рядомъ, въ темныхъ аллеяхъ и бесѣдкахъ, во всѣхъ укромныхъ уголкахъ Лѣтняго сада, попережнему слышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. И звуки менуэта доносились, какъ пастушескія флейты и віольдамуры изъ царства Венусъ, томнымъ напѣвомъ:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвлѣнны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покорѣнны.

Въ галлерей, за царскимъ столомъ, продолжалась бесѣда.

Петръ говорилъ съ монахами о происхожденіи эллинскаго многобожія, недоумѣвая, какъ древніе греки, «довольное имѣя понятіе объ уставахъ природы и о принципіяхъ математическихъ, идоловъ своихъ бездушныхъ богами называть и вѣрить въ нихъ могли».

Михайло Петровичъ Аврамовъ не вытерпѣлъ, сѣлъ на своего конька и пустился доказывать, что боги существуютъ, и что мнимые боги суть подлинныя бѣсы.

— Ты говоришь о нихъ такъ, — удивился Петръ, — какъ будто самъ ихъ видѣлъ.

— Не я, а другіе, точно, ихъ видѣли, ваше величество, — собственными глазами видѣли! — воскликнулъ Аврамовъ.

Онъ вынулъ изъ кармана толстый кожаный бумажникъ, порылся въ немъ, досталъ двѣ пожелтѣлыя вырѣзки изъ голландскихъ курантовъ и сталъ читать, переводя на русскій языкъ:

«Изъ Гишпаніи увѣдомляютъ: нѣкоторый иностранный человѣкъ привезъ съ собою въ Барселону-градъ сатира, мужика въ шерсти, какъ въ еловой корѣ, съ козьими рогами и копытами. Ъсть хлѣбъ и молоко и ничего не говоритъ,

а только блеетъ по-козлиному. Которая уродливая фигура привлекаетъ много зрителей».

Во второй реляціи было сказано:

«Въ Ютландіи рыбаки поймали сирену, или морскую женщину. Оное морское чудовище походитъ сверху на чело-вѣка, а снизу—на рыбу; цвѣтъ на тѣлѣ желто-блѣдный; глаза затворены; на головѣ волосы черные, а руки заросли между пальцами кожею такъ, какъ гусиныя лапы. Рыбаки вытащили сѣть на берегъ съ великимъ трудомъ, при чемъ всю изорвали. И сдѣлали тутошныя жители чрезвычайную бочку и налили соленою водою, и морскую женщину туда посадили: такимъ образомъ надѣются беречь отъ согнитія. Сіе въ вѣдомость внесено потому, что хотя о чудахъ морскихъ многія фавулы бывали, а сіе за истину увѣрить можно, что оное морское чудовище, такъ удивительное, поймано. Изъ Роттердама, 27 апрѣля 1714 года».

Печатному вѣрили, а въ особенности иностраннымъ вѣдомостямъ, ибо если и за моремъ врутъ, то гдѣ жъ правду сыскать? Многіе изъ присутствовавшихъ вѣрили въ русалокъ, водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ, кикиморъ, оборотней—и не только вѣрили, но и видѣли ихъ тоже собственными глазами. А ежели есть лѣшіе, то почему бы не быть и сатирамъ? Ежели есть русалки, почему бы не быть морскимъ женщинамъ съ рыбьими хвостами? Но тогда вѣдь и прочіе боги, и даже эта самая Венусъ, можетъ-быть, дѣйствительно существуютъ?

Всѣ умолкли, притихли — и въ этой тишинѣ пронеслось что-то жуткое, какъ будто всѣ вдругъ смутно почувствовали, что дѣлаютъ то, чего не должно дѣлать.

Все ниже, все чернѣе опускалось небо, покрытое тучами. Все ярче вспыхивали голубыя зарницы или безгромныя молніи. И казалось, что въ этихъ вспышкахъ на темномъ небѣ отражаются точно такія же вспышки голубова-таго пламени на жертвенникѣ, все еще горѣвшемъ передъ подножіемъ статуи; или—что въ самомъ этомъ темномъ небѣ, какъ въ опрокинутой чашѣ исполинскаго жертвенника, скрыто за тучами, какъ за черными углями, голубое

пламя и, порой вырываясь оттуда, вспыхиваетъ молніями. И пламя небесъ, и пламя жертвенника, отвѣчая другъ другу, какъ будто вели разговоръ о грозной, невѣдомой людямъ, но уже на землѣ и на небѣ совершающейся тайнѣ.

Царевичъ, сидѣвшій недалеко отъ статуи, въ первый разъ взглянулъ на нее пристально, послѣ чтенія курантныхъ выдержекъ. И бѣлое голое тѣло богини показалось ему такимъ знакомымъ, какъ будто онъ уже гдѣ-то видѣлъ его, и даже больше, чѣмъ видѣлъ: какъ будто этотъ дѣвственный изгибъ спины и эти ямочки у плечъ снились ему въ самыхъ грѣшныхъ, страстныхъ, тайныхъ снахъ, которыхъ онъ передъ самимъ собой стыдился. Вдругъ вспомнилъ, что точно такой же изгибъ спины, точно такія же ямочки плечъ онъ видѣлъ на тѣлѣ своей любовницы, дворовой дѣвки Евфросиньи. Голова у него кружилась, должно-быть, отъ вина, отъ жары, отъ духоты и отъ всего этого чудовищнаго праздника, похожего на бредъ. Онъ еще разъ взглянулъ на статую, и это бѣлое голое тѣло въ двойномъ освѣщеніи — отъ красныхъ дымныхъ плашекъ иллюминаціи и отъ голубого пламени на треножникѣ — показалось ему такимъ живымъ, страшнымъ и соблазнительнымъ, что онъ потупилъ глаза. Неужели и ему, какъ Аврамову, богиня Венусъ когда-нибудь явится ужасающимъ и отвратительнымъ оборотнемъ, дворовою дѣвкой Афроською? Онъ сотворилъ мысленно крестное знаменіе.

— Не диво, что эллины, закона христіанскаго не знавшіе, поклонялись идоламъ бездушнымъ, — возобновилъ Федоска прерванную чтеніемъ бесѣду, — а диво то, что мы, христіане, истиннаго иконопочитанія не разумѣя, поклоняемся иконамъ суще какъ идоламъ!

Начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые такъ любилъ Петръ — о всякихъ ложныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, о плутовствѣ монаховъ, кликушѣ, бѣсноватыхъ, юродивыхъ, о «бабьихъ басняхъ и мужичьихъ забобонахъ длинныхъ бородъ», то-есть о суевѣріяхъ русскихъ поповъ. Еще разъ долженъ былъ прослушать Алексѣй всѣ эти давно извѣстные и опостылѣвшіе рассказы: о привезенной монахами изъ

Іерусалима въ даръ Екатеринѣ Алексѣевнѣ нетлѣнной, будто бы, и на огнѣ не горѣвшей срачицѣ Пресвятой Богородицы, которая по изслѣдованіи оказалась сотканной изъ волоконъ особой несгораемой ткани — амміанта; о натуральныхъ мощахъ лифляндской дѣвицы фонъ-Гротъ: кожа этихъ мощей «была подобна выдѣланной, натянутой свиной, и будучи пальцемъ вдавлена, расправлялась весьма упруго»; о другихъ поддѣльныхъ, изъ слоновой кости, мощахъ, которыя Петръ велѣлъ отправить въ новоучрежденную петербургскую кунсткамеру, какъ памятникъ «суперстиціи, нынѣ уже духовныхъ тщаніемъ истребляемой».

— Да, много, много въ церкви российской о чудесахъ наплутано! — какъ будто сокрушенно, на самомъ дѣлѣ злоратно заключилъ Федоска и упомянулъ о послѣднемъ ложномъ чудѣ: въ одной бѣдной церкви на Петербургской сторонѣ объявилась икона Божіей Матери, которая источала слезы, предрекая, будто бы, великія бѣдствія и даже конечное разореніе новому городу. Петръ, услышавъ объ этомъ отъ Федоски, немедленно поѣхалъ въ ту церковь, осмотрѣлъ икону и обнаружилъ обманъ. Это случилось недавно: въ кунсткамеру не успѣли еще отправить икону, и она пока хранилась у государя въ Лѣтнемъ дворцѣ, небольшомъ голландскомъ домикѣ, тутъ же, въ саду, въ двухъ шагахъ отъ галлерей, на углу Невы и Фонтанной.

Царь, желая показать ее собесѣдникамъ, велѣлъ одному изъ денщиковъ принести икону.

Когда посланный вернулся, Петръ всталъ изъ-за стола, вышелъ на небольшую площадку передъ статуей Венусъ, гдѣ было просторнѣе, прислонился спиной къ мраморному подножію и, держа въ рукахъ образъ, началъ подробно и тщательно объяснять «плутовскую механику». Всѣ окружили его, точно такъ же тѣснясь, приподымаясь на цыпочки, съ любопытствомъ заглядывая другъ другу черезъ плечи и головы, какъ давеча, когда откупоривали ящикъ со статуей. Федоска держалъ свѣчу.

Икона была древняя. Ликъ темный, почти черный; только большіе, скорбные, будто немного припухшіе отъ

слезъ глаза смотрѣли какъ живые. Царевичъ съ дѣтства любилъ и чтить этотъ образъ — Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

Петръ снялъ серебряную, усыпанную драгоценными камнями ризу, которая едва держалась, потому что была уже оторвана при первомъ осмотрѣ. Потомъ отвинтилъ новые мѣдные винтики, которыми прикрѣплялась къ исподней сторонѣ иконы тоже новая липовая дощечка; посрединѣ вставлена была въ нее другая, меньшая; она свободно ходила на пружинкѣ, уступая и вдавливаясь подъ самымъ легкимъ нажимомъ руки. Снявъ обѣ дощечки, онъ показалъ двѣ лунки, или ямочки, выдолбленные въ деревѣ противъ глазъ Богоматери. Грецкія губочки, напитанныя водою, клались въ эти лунки, и вода просачивалась сквозь едва замѣтныя просверленные въ глазахъ дырочки, образуя капли похожія на слезы.

Для большей ясности Петръ тутъ же сдѣлалъ опытъ: помочилъ водою губочки, вложилъ ихъ въ лунки, надавилъ дощечку — и слезы потекли.

— Вотъ источникъ чудотворныхъ слезъ, — сказалъ Петръ. — Не хитрая механика!

Лицо его было спокойно, какъ будто объяснялъ онъ любопытную «игру природы», или другую диковинку въ Кунсткамерѣ.

— Да, много напутано!.. — повторилъ Федоска съ тихою усмѣшкою.

Всѣ молчали. Кто-то глухо простоналъ, должно-быть, пьяный, во снѣ; кто-то хихикнулъ такъ странно и неожиданно, что на него оглянулись почти съ испугомъ.

Алексѣй давно порывался уйти. Но оцѣпенѣніе нашло на него, какъ въ бреду, когда человѣкъ порывается бѣжать, и ноги не двигаются, хочетъ крикнуть, и голоса нѣтъ. Въ этомъ оцѣпенѣніи стоялъ онъ и смотрѣлъ, какъ Федоска держитъ свѣчу, какъ по дереву иконы проворно копошатся, шевелятся ловкія руки Петра, какъ слезы текутъ по скорбному лику, а надо всѣмъ бѣлѣетъ голое страшное и соблазнительное тѣло Венусъ. Онъ смотрѣлъ — и тоска, подобная

смертельной тошнотѣ, подступала къ сердцу его, сжимала горло. И ему казалось, что это никогда не кончится, что это все было, есть и будетъ въ вѣчности.

Вдругъ ослѣпляющая молнія сверкнула, какъ будто разверзлась надъ самой головой ихъ огненная бездна. И сквозь стеклянный куполь облилъ мраморную статую нестерпимый, бѣлый, бѣлѣе солнца, пламенѣющій свѣтъ. Почти въ то же мгновение раздался короткій, но такой оглушительный трескъ, какъ будто сводъ неба распался и рушился.

Наступила тьма, послѣ блеска молніи непроницаемо-черная, какъ тьма подземелья. И тотчасъ въ этой чернотѣ завывала, засвистѣла, загрохотала буря, съ вихремъ, подобнымъ урагану, съ хлещущимъ дождемъ и градомъ.

Въ галлерей все смѣшалось. Слышались пронзительные взвизги женщинъ. Одна изъ нихъ въ припадкѣ кликала и плакала точно смѣялась. Обезумѣвшіе люди бѣжали, сами не зная куда, сталкивались, падали, давили другъ друга. Кто-то вопилъ отчаяннымъ воплемъ: «Никола Чудотворецъ!.. Пресвятая Матерь Богородица!.. Помилуй!..»

Петръ, выронивъ икону изъ рукъ, бросился отыскивать царицу.

Пламя опрокинутаго треножника, потухая, вспыхнуло въ послѣдній разъ огромнымъ, раздвоеннымъ, какъ жало змѣи, голубымъ языкомъ и озарило лицо богини. Среди бури, мрака и ужаса, оно одно было спокойно.

Кто-то наступилъ на икону. Алексѣй, наклонившійся, чтобы поднять ее, услышалъ какъ дерево хрустнуло. Икона раскололась пополамъ.

ВТОРАЯ КНИГА.

А Н Т И Х Р И С Т Ъ.

І.

Древянь гробъ сосновень
Ради меня строень.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

То была пѣсня раскольниковъ - гробополагателей. «Черезъ семь тысячъ лѣтъ отъ созданія міра, — говорили они, — второе пришествіе Христово будетъ, а ежели не будетъ, то мы и самое Евангеліе сожжемъ, прочимъ же книгамъ и вѣрить нечего». И покидали дома, земли, скоть, имущество, каждую ночь уходили въ поля и лѣса, одѣвались въ чистыя бѣлыя рубахи-саваны, ложились въ долбеные изъ цѣльнаго дерева гробы и, сами себя отпѣвая, съ минуты на минуту ожидая трубнаго гласа, «встрѣчали Христа».

Противъ мыса, образуемаго Невою и Малою Невною, въ самомъ широкомъ мѣстѣ рѣки, у Гагаринскихъ пеньковыхъ буяновъ, среди другихъ плотовъ, барокъ, струговъ и карбусовъ, стояли дубовые плоты царевича Алексѣя, сплавленные изъ Нижегородскаго края въ Петербургъ для Адмиралтейской верфи. Въ ночь праздника Венеры въ Лѣтнемъ саду сидѣлъ на одномъ изъ этихъ плотовъ у руля старый лодочникъ-бурлакъ, въ драномъ овчинномъ тулупѣ, несмотря на жаркую пору, и въ лаптяхъ. Звали его Иванушкой-дурачкомъ, считали блаженнымъ или помѣшаннымъ.

Уже тридцать лѣтъ, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, каждую ночь до «пѣтелева глашенія»—крика пѣтуха, онъ бодрствовалъ, встрѣчая Христа, и пѣлъ все одну и ту же пѣсню гробополагателей. Сидя надъ самою водою на скользкихъ бревнахъ, согнувшись, поднявъ колѣни, охвативъ ихъ руками, смотрѣлъ онъ съ ожиданіемъ на зіявшіе межъ черныхъ разорванныхъ тучъ просвѣты золотисто-зеленаго неба. Неподвижный взоръ его изъ-подъ спутанныхъ сѣдыхъ волосъ, неподвижное лицо—полны были ужасомъ и надеждою. Медленно покачиваясь изъ стороны въ сторону, онъ пѣлъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ:

Древянь гробъ сосновень
Ради меня строень.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ,
Пойду къ Богу на судъ.
Къ Богу двѣ дороги,
Широки и долги.
Одна-то дорога—
Во царство небесно.
Другая дорога—
Во тьму кромѣшну.

— Иванушка, ступай ужинать!—крикнули ему съ другого конца плота, гдѣ горѣлъ костеръ на сложенныхъ камняхъ, подобіи очага, съ подвѣшеннымъ на трехъ палкахъ чугуннымъ котелкомъ, въ которомъ варилась уха. Иванушка не слышалъ и продолжалъ пѣть.

У огня сидѣли кругомъ, бесѣдуя, кромѣ бурлаковъ и лодочниковъ, раскольничій старецъ Корнилій, проповѣдникъ самосожженія, шедшій съ Поморья въ лѣса Керженскіе за Волгой; ученикъ его, бѣглый московскій школяръ Тихонъ Запольскій; бѣглый астраханскій пушкарь Алексѣй Семи-саженный; бѣглый матросъ адмиралтейскаго вѣдомства, конопатчикъ Иванъ Ивановъ сынъ Будловъ; подьячій Ларіонъ Докукинъ; старица Виталія изъ толка бѣгуновъ, которая,

по собственному выраженію, житіе птичье имѣла, вѣчно странствовала — оттого, будто бы, и прозывалась Виталіей, что «привитала» всюду, нигдѣ не останавливаясь; ея неразлучная спутница Киликея Босая, кликуша, у которой было «дьявольское наважденіе во утробѣ», и другіе всякаго чина и званія «утаенные люди», бѣжавшіе отъ несносныхъ податей, солдатской рекрутчины, шпицрутеновъ, каторги, рванья ноздрей, брадобритья, двуперстнаго сложенія и прочаго «страха антихристова».

— Тоска на меня напала великая! — говорила Виталія, старушка еще бодрая и бойкая, вся сморщенная, но румяная, какъ осеннее яблочко, въ темномъ платкѣ въ роспускъ.— А о чемъ тоска — и сама не знаю. Дни такіе сумрачные, и солнце будто не попрежнему свѣтитъ.

— Послѣднее время плачевное: антихристовъ страхъ возвѣялъ на міръ, оттого и тоска, — объяснилъ Корнилій, худенькій старичокъ съ обыкновеннымъ мужичьимъ лицомъ, рябой и какъ будто подслѣповатый, а на самомъ дѣлѣ—съ пронзительно-острыми, точно сверлящими, глазками; на немъ былъ раскольничій каптырь въ родѣ монашескаго куколя, черный порыжѣлый подрясникъ, кожаный поясъ съ ременною лѣстовкою; при каждомъ движеніи тихо звякали вериги, вѣвшіяся въ тѣло—трехпудовая цѣпь изъ чугуновыхъ крестовъ.

— Я и то смекаю, отче Корнилій, — продолжала странница, — никакъ-де нынѣ остаточные вѣки. Немного свѣту жить, говорятъ: въ полъ-полъ-осьмой тысячѣ конецъ будетъ?

— Нѣтъ, — возразилъ старецъ съ увѣренностью, — и того не достанетъ...

— Господи, помилуй!—тяжело вздохнулъ кто-то.—Богъ знаетъ, а мы только знаемъ, что—Господи, помилуй!

И всѣ умолкли. Тучи закрыли просвѣтъ—небо и Нева потемнѣли. Ярче стали вспыхивать зарницы, и каждый разъ въ ихъ блѣдно-голубомъ сіяніи блѣдно-золотая, тонкая игла Петропавловской крѣпости сверкала, отражаясь въ Невѣ. Чернѣли каменные бастіоны и плоскіе, точно вда-

вленные, берега съ тоже плоскими, мазанковыми зданіями товарныхъ складовъ, пеньковыхъ амбаровъ и гварнизонныхъ цейхгаузовъ. Вдали, на другомъ берегу, сквозь деревья Лѣтняго сада, мелькали огоньки иллюминаціи. Съ острова Кейвусари, Березоваго, вѣяло послѣднимъ дыханіемъ поздней весны, запахомъ ели, березъ и осинь. Маленькая кучка людей, на плоскомъ, едва чернѣвшемъ плоту, озаренная краснымъ пламенемъ, между черными грозowymi тучами и черною гладью рѣки, казалась одинокою и потерянною, висящею въ воздухѣ между двумя небесами, двумя безднами.

Когда всѣ умолкли, сдѣлалось такъ тихо, что слышно было сонное журчаніе струй подъ бревнами и съ другого конца плота явственно по водѣ доносившаяся все одна и та же унылая пѣсня Иванушки:

Древянь гробъ сосновень
Ради меня строень.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

— А что, соколики, — начала Киликея-кликуша, еще молодая женщина съ нѣжно прозрачнымъ, точно восковымъ, лицомъ и съ отмороженными — она ходила всегда босая, даже въ самую лютую стужу—черными, страшными ногами, похожими на корни стараго дерева,—а что, правда ли, слышала я давеча, здѣсь же, въ Питербурхѣ, на Обжорномъ рынкѣ: государя-де нынѣ на Руси нѣтъ, а который и есть государь—и тотъ не прямой, природы не русской и не царской крови, а либо нѣмецъ — нѣмцевъ сынъ, либо шведъ обмѣнный?

— Не шведъ, не нѣмецъ, а жидъ проклятый изъ колѣна Данова, — объявилъ старецъ Корнилій.

— О, Господи, Господи! — опять тяжело вздохнулъ кто-то, — видишь, роды-де ихъ царскіе пошли неистовые.

Заспорили, кто Петръ — нѣмецъ, шведъ или жидъ?

— А чортъ его знаетъ, кто онъ такой! Вѣдьма ли его въ ступѣ высидѣла, отъ банной ли мокроты завелся, а только знатно, что оборотень, — рѣшилъ бѣглый матросъ Будловъ,

парень лѣтъ тридцати, съ трезвымъ и дѣловитымъ выраженіемъ умнаго лица, должно-быть, когда-то красиваго, но обезображеннаго чернымъ каторжнымъ клеймомъ на лбу и рваными ноздрями.

— Я, батюшки, знаю, все про государя доподлинно знаю,—подхватила Виталія.—Слыхала я о томъ на Керженцѣ отъ старицы бродящей нищей, да крылошанки Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ о томъ же сказывали точно: какъ-де былъ нашъ царь благочестивый Петръ Алексѣевичъ за моремъ въ Нѣмцахъ и ходилъ по нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ, а въ нѣмецкой землѣ стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица, надъ государемъ ругаючись, ставила его на горячую сковороду, а потомъ въ бочку съ гвоздями заковала, да въ море пустила.

— Нѣтъ, не въ бочку,—поправилъ кто-то,—а въ столпъ закладенъ.

— Ну, въ столпъ ли, въ бочку ли, только пропалъ безъ вѣсти — ни слуху, ни духу. А на мѣсто его явился оттуда же, изъ-за моря, нѣкій жидовинъ проклятый изъ колѣна Данова, отъ нечистой дѣвицы рожденный. И въ тѣ поры никто его не позналъ. А какъ скоро на Москву наѣхалъ, — и все сталъ творить по-жидовски: у патриарха благословенія не принялъ; къ мощамъ московскихъ чудотворцевъ не пошелъ, потому-де зналъ — сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до мѣста свята; и гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того что они ему чужи и весьма ненавистны. Никого изъ царскаго рода, ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь, что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному: «ты не нашъ, ты не царь, а жидъ проклятый». Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, какъ и Гришкѣ Разстригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по Разстригиному поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не моется, живетъ блудно съ погаными нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ нѣмецъ сталъ великъ человѣкъ: самый ледащій нѣмецъ теперь выше боярина и самого патриарха. Да онъ же, проклятый жидовинъ,

съ блудницами-нѣмками всенародно пляшетъ; пьетъ вино не во славу Божию, а нѣкакo нелѣпо и безобразно, какъ пропойцы кабацкіе, валяясь и глумясь во пьянствѣ: своихъ же пьяницъ, одного святѣйшимъ патріархомъ, иныхъ же митрополитами и архіереями называетъ, а себя самого протодіакономъ, всякую срамоту со священными глаголами смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе всей святыни христіанской.

— И се, прореченная Даніиломъ пророкомъ, стала мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! — докончилъ старецъ Корнилій.

Послышались разные голоса въ толпѣ:

— И царица-де Авдотья Ѳеодоровна, въ Суздалѣ заточенная, сказываетъ: крѣпитесь, молъ, держите вѣру христіанскую—это-де не мой царь, иной вышелъ.

— Онъ и царевича приводитъ въ свое состояніе, да тотъ его не слушаетъ. И царь-де его за то извести хочетъ, чтобъ ему не царствовать.

— О, Господи, Господи! Видишь, какую планиду Богъ наслалъ, что отецъ на сына, а сынъ на отца.

— Какой онъ ему отецъ! Самъ царевичъ говоритъ, что сей не батюшка мнѣ и не царь.

— Государь нѣмцевъ любитъ, а царевичъ нѣмцевъ не любитъ: дай мнѣ, говоритъ, сроку, я-де ихъ подберу. Приходилъ къ нему нѣмчинъ, сказывалъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на немъ платьѣ сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего вы къ нему ходите? Покамѣсть я живъ, покамѣсть и вы.

— Это такъ! Всѣ въ народѣ говорятъ: какъ-де будетъ на царствѣ нашъ государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, тогда-де государь нашъ царь Петръ Алексѣевичъ убирайся и прочіе съ нимъ!

— Истинно, истинно такъ! — подтверждали радостные голоса. — Онъ, царевичъ, душой о старинѣ горитъ.

— Человѣкъ богоискательный!

— Надежда Россійская!..

— Много тоже басень бабьихъ нынче ходить въ народѣ: всему вѣрить нельзя,—заговорилъ Иванъ Будловъ, и всѣ невольно прислушались къ его спокойной дѣловитой рѣчи.—А я опять скажу: шведъ ли, нѣмецъ ли, жидъ,—чортъ его знаетъ, кто онъ таковъ, а только и впрямь, какъ его Богъ на царство послалъ, такъ мы и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на мѣръ, отдыху нѣтъ. Хоть бы нашего брата, служиваго, взять: пятнадцать лѣтъ, какъ со шведомъ воюемъ, нигдѣ худо не сдѣлали и кровь свою, не жалѣючи, проливали, а и понынѣ себѣ не видимъ покою; чрезъ мѣру лѣто и осень ходимъ по морю, на камняхъ зимуемъ, съ голоду и холоду помираемъ. А государство свое все разорилъ, что въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь и овцы у мужика. Говорятъ: умная голова, умная голова! Коли бъ умная голова,—могъ бы такую человѣческую нужду разсудить. Гдѣ мы мудрость его видимъ? Выдалъ штуку въ гражданскихъ правахъ, учинилъ Сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. А спросилъ бы у челобитчиковъ, рѣшили ль хоть одному безволочитно, прямо. Да что говорить!.. Всему народу чинится наглость. Такъ приводитъ, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства, послѣдніе животы выматываетъ. Какъ Богъ терпитъ за такое немилосердіе? Ну, да это дѣло даромъ не пройдетъ, быть обороту: въ долгѣ ль, въ короткѣ ль, отольется кровь на главы ихъ!

Вдругъ одна изъ слушательницъ, доселѣ безмолвная, баба Алена Ефимова, съ очень простымъ, добрымъ лицомъ, заступилась за царя.

— Мы какъ и сказать не знаемъ,—проговорила она тихо, точно про себя,—а только молимъ: обрати, Господи, царя въ нашу христіанскую вѣру!

Но раздались негодующіе голоса:

— Какой онъ царь? Царишка! Измотался весь. Ходитъ безъ памяти.

— Ожидовѣлъ, и жить безъ того не можетъ, чтобы крови не пить. Въ который день крови изопьетъ, въ тотъ день и весель, а въ который не изопьетъ, то и хлѣбъ ему не ѣтся!

— Міроѣдъ! Весь міръ переѣлъ, только на него, кутилку, переводу нѣтъ.

— Чтобъ ему сквозь землю провалиться!

— Дураки вы, собачьи дѣти!—крикнулъ вдругъ съ яростью пушкарь Алексѣй Семисаженный, огромнаго роста рыжій дѣтина, не то со звѣрскимъ, не то съ дѣтскимъ лицомъ.—Дураки вы, что за свои головы не умѣете стоять! Вѣдь вы всѣ пропали душою и тѣломъ: порубятъ васъ что червей капустныхъ. Взялъ бы я его, да въ мелкія части изрѣзалъ и тѣло его истерзалъ!

Алена Ефимова только слабо охнула и перекрестилась; отъ этихъ словъ, признавалась она впоследствии, ее въ огонь бросило. И прочіе оглянулись на Семисаженнаго со страхомъ. А онъ уставился въ одну точку глазами, налитыми кровью, крѣпко сжалъ кулаки и прибавилъ тихо, какъ будто задумчиво, но въ этой тихости было что-то еще болѣе страшное, чѣмъ ярость:

— Дивлюсь я тому, какъ его по-ся-мѣсть не уходятъ. Ъздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ. Можно бы его изрѣзать ножей въ пять.

Алена вся поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, но только беззвучно пошевелила губами.

— Царя трижды хотѣли убить,—покачалъ головою старецъ Корнилій,—да не убьютъ: ходятъ за нимъ бѣсы и его берегутъ.

Крошечный бѣлобрысый солдатикъ съ придурковатымъ, испитымъ и болѣзненнымъ личикомъ, совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ, бѣглый даточный рекрутъ Петька Жизла, заговорилъ, торопясь, заикаясь, путаясь и жалобно, по-ребячьи всхлипывая: «Охъ, братики, братики!» Онъ сообщилъ, что привезены изъ-за моря на трехъ корабляхъ клейма, чѣмъ людей клеймить, никому ихъ не показываютъ, за крѣпкимъ карауломъ держатъ на Котлинѣ островѣ, и солдаты стоятъ при нихъ безсмѣнно.

То были введенные по указу Петра особые рекрутскіе знаки, о которыхъ въ 1712 году писалъ царь генералу-пленнотенціарію, князю Якову Долгорукову: «А для знаку ре-

крутамъ значить—на лѣвой рукѣ накалывать иглою кресты и натирать порохомъ».

— Кого припечатуютъ, тому и хлѣба дадутъ, а на комъ печатей нѣтъ, тому хлѣба давать не будутъ, помирай съ голоду. Охъ, братики, братики, страшное дѣло!..

— Всѣ тѣсноты ради пищею приидутъ къ сыну погибели и поклонятся ему,—подтвердилъ старецъ Корнилій.

— А иныхъ уже заклеямили,—продолжалъ Петька.— И меня, вѣдь, охъ, братики, братики, и меня, окаяннаго...

Онъ съ трудомъ поднялъ правою рукою безсильно какъ плеть висѣвшую лѣвую, поднесъ ее къ свѣту и показалъ на ней сверху, между большимъ и указательнымъ пальцемъ, рекрутское клеймо, выбитое желѣзными иглами казеннаго штемпеля.

— Какъ припечатали, рука сохнуть стала. И высохла сперва лѣвая, а потомъ и правая: хочу крестъ положить—не подымается...

Всѣ со страхомъ разглядывали на желто-блѣдной кожѣ высохшей, какъ будто мертвой, руки небольшое, точно изъ оспенныхъ язвинокъ, темное пятно.

Это было человѣчье клеймо, казенный черный крестъ.

— Она самая и есть,—рѣшилъ старецъ Корнилій,—печать антихристовая! Сказано: дать имъ знаменіе на рукѣ, и кто приметъ печать его, тотъ власти не имѣетъ осѣнять уды свои крестнымъ знаменіемъ, но связана рука его будетъ не узами, а клятвою,—и таковымъ нѣтъ покаянія.

— Охъ, братики, братики! Что они со мной сдѣлали!.. Когда бы я зналъ, не дался бы имъ въ руки живой. Человѣка испортили, какъ скотину тавромъ заклеямили, припечатали!..—судорожно всхлипывалъ Петька и крупныя слезы текли по ребячьему, жалобному личику.

— Батюшки родимые!—всплеснула руками Киликея-кликуша, какъ будто пораженная внезапною мыслью,—вѣдь все, все къ одному выходитъ: царь-то Петръ и есть...

Она не кончила, на губахъ ея замерло страшное слово.

— А ты что думала?—посмотрѣлъ на нее острыми, точно сверлящими, глазками старецъ Корнилій.—Онъ самый и есть...

— Нѣтъ, не бойтесь. Самого еще не бывало. Развѣ предтеча его...—пытался было возразить Докукинъ.

Но Корнилій всталъ во весь ростъ, цѣпь изъ чугунныхъ крестовъ на немъ звякнула, поднялъ руку, сложилъ ее въ двуперстное знаменье и воскликнулъ торжественно:

— Внимайте, православные, кто царствуетъ, кто обладаетъ вами съ лѣта 1666, числа звѣринаго. Вначалѣ царь Алексѣй Михайловичъ съ патриархомъ Никономъ отъ вѣры отступилъ и былъ предтечею Звѣрю, а по нихъ царь Петръ благочестіе до конца искоренилъ, патриарху быть не велѣлъ и всю церковную и Божью власть восхитилъ на себя и возвысился противъ Господа нашего Іисуса Христа, самъ единою безглавною главою церкви учинился, самовластнымъ пастыремъ. И первенству Христа ревнуя, о коемъ сказано: *Азъ есмь первый и послѣдній*, именовалъ себя: *Петръ Первый*. И въ 1700 году, януарія въ первый день, новолѣтіе ветхо-римскаго бога Януса въ огненной потѣхѣ на щитѣ объявилъ: *се, ныне время мое приспѣло*. И въ канунѣ церковнаго пѣнія о Полтавской надѣ шведами побѣдѣ Христомъ себя именуеть. И на встрѣчахъ своихъ, въ прибытіяхъ въ Москву, въ триумфальныхъ воротахъ и шествіяхъ, отрочать малыхъ въ бѣлые подстихари наряжалъ и прославлялъ себя и пѣть повелѣвалъ: *Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ! Богъ Господъ явился намъ!*— какъ изволеніемъ Божиимъ дѣти еврейскіе на входѣ во Іерусалимъ хвалу Господу нашему, Іисусу Христу, Сыну Божію, пѣли. И такъ титлами своими превознесся паче всякаго глаголемаго Бога. По предреченному: *во имя Симона Петра имѣетъ въ Римѣ быть гордый князь міра сего, антихристъ*, въ Россіи, сирѣчь, въ Третьемъ Римѣ, и явился оный Петръ, сынъ погибели, хульникъ, и противникъ Божій, еже есть антихристъ. И какъ писано: *во всемъ хочетъ льстецъ уподобиться Сыну Божію*, такъ и оный льстецъ, самъ о себѣ хвалясь, говоритъ: я сирымъ отецъ, я странствующимъ

пристанище, я бѣдствующимъ помощникъ, я обидимымъ избавитель; для недужныхъ и престарѣлыхъ учредилъ гошпитали, для малолѣтнихъ — училища; неполитичный народъ россійскій въ краткое время сдѣлалъ политичнымъ и во всѣхъ знаніяхъ равнымъ народамъ европейскимъ; государство распространилъ, восхищенное возвратилъ, разсыпанное возставилъ, униженное прославилъ, ветхое обновилъ, спящихъ въ невѣдѣніи возбудилъ, не сущее создалъ. Я — благо, я — кротокъ, я — милостивъ. Придите всѣ и поклонитесь мнѣ, Богу живому и сильному, ибо я — Богъ, иного же Бога нѣтъ, кромѣ меня! Такъ возлицемѣрствовалъ благостыню сей Звѣрь, о коемъ сказано: *Звѣрь тотъ страшенъ и не единому подобенъ*; такъ подъ шкурою овчею скрылся лютый волкъ, да всѣхъ уловить и пожретъ. Внимайте же, православные, слову пророческому: *изыдите, изыдите, люди мои, изъ Вавилона!* Спасайтесь, ибо нѣтъ во градахъ живущимъ спасенія, бѣгите, гонимые, вѣрные, настоящаго града не имѣющіе, грядущаго взыскающіе, бѣгите въ лѣса и пустыни, скройте главы ваши подъ персть, въ горы и вертепы и пропасти земныя, ибо сами вы видите, братія, что на громадѣ всей злобы стоимъ — самъ точный антихристъ наступилъ, и на немъ вѣкъ сей кончается. Аминь.

Онъ умолкъ. Ослѣпляющая зарница или молнія вдругъ освѣтила его съ ногъ до головы; и тѣмъ, кто смотрѣлъ на него, въ этомъ блескѣ маленькій старичокъ показался великаномъ; и отзвукъ глухого, точно подземнаго грома — отзвукомъ словъ его, наполнившихъ небо и землю. Онъ умолкъ, и всѣ молчали. Сдѣлалось опять такъ тихо, что слышно было только сонное журчаніе струй подъ бревнами и съ другого конца плота протяжная, заунывная пѣсня Иванушки:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя.
День къ вечеру приближается,
Сѣкира лежитъ при корени,
Приходятъ времена послѣднія.

И отъ этой пѣсни еще глубже и грознѣе становилась тишина.

Вдругъ съ грохочущимъ свистомъ взвилась ракета и въ темной вышинѣ разсыпалась дождемъ радужныхъ звѣздъ; Нева, отразивъ ихъ, удвоила въ своемъ черномъ зеркалѣ— и запылалъ фейерверкъ. Загорѣлись щиты съ прозрачными картинами, завертѣлись огненные колеса, забили огненные фонтаны, и открылись чертоги, подобные храму, изъ бѣлаго, какъ солнце, пламени. Съ галереи надъ Невою, гдѣ уже стояла Венусъ, явственно по чуткой глади водъ донесся крикъ пирующихъ: «Вивать! Вивать! Вивать! Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ всероссійскій!» — и загремѣла музыка.

— Се, братья, послѣднее совершается знаменье!—воскликнулъ старецъ Корнилій, указывая протянутою рукою на фейерверкъ.—Какъ св. Ипполитъ свидѣтельствуеть: восхвалять его, антихриста, неисповѣдимыми пѣснями и гласами многими и воплемъ крѣпкимъ. И свѣтъ, паче всякаго свѣта, облистаетъ его, тьмы начальника. День во тьму претворить и ночь—въ день, и луну и солнце—въ кровь, и сведеть огонь съ небеси...

Внутри пылающихъ чертоговъ появился обликъ Петра, ваятеля Россіи, подобнаго титану Прометею.

— И поклонятся ему всѣ, — заключилъ старецъ,—и воскликнуть: Вивать! Вивать! Вивать! Кто подобенъ Звѣрю сему? И кто можетъ сразиться съ нимъ? Онъ далъ намъ огонь съ небеси!

Всѣ смотрѣли на фейерверкъ въ оцѣпенѣніи ужаса. Когда же появилось въ клубахъ дыма, освѣщенныхъ разноцвѣтными бенгальскими огнями, плывшее по Невѣ отъ Петропавловской крѣпости къ Лѣтнему саду, морское чудовище съ чешуйчатымъ хвостомъ, колючими плавниками и крыльями,—имъ почудилось, что это и есть предреченный въ Откровеніи Звѣрь, выходящій изъ бездны. Съ минуты на минуту ждали они, что увидятъ идущаго къ нимъ по водѣ «немокрыми стопами» или по воздуху въ громахъ и молніяхъ на огненныхъ крыльяхъ, съ несмѣтною ратью бѣсовскою, летящаго антихриста.

— Охъ, братики, братики!—всхлипывалъ Петька, дрожа, какъ листь, и стуча зубами.—Страшно... говоримъ о немъ, а нѣтъ ли его самого здѣсь, поблизости? Видите, какое смятеніе и между нами...

— Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій. Осиновый колъ ему въ горло и дѣлу конецъ!..—началъ было храбриться Семисаженный, но тоже поблѣднѣлъ и задрожалъ, когда сидѣвшая съ нимъ рядомъ Киликея-кликуша вдругъ пронзительно взвизгнула, упала навзничь, забила въ корчахъ и начала кликать.

Киликею испортили въ дѣтствѣ. Однажды, сама она рассказывала, мачеха налила ей шей въ ставецъ, подала ѣсть и притомъ избранила; «трескай-де чортъ съ тобою!»—и послѣ того времени въ третью недѣлю она, Киликея, занемогла и услышала, что въ утробѣ у нея стало ворчать явственно, какъ щенкомъ; и то ворчанье всѣ слышали, и подлинно-де у нея во утробѣ—дьявольское наважденіе, и человѣческимъ языкомъ и звѣриными глазами вслухъ говорить. Ее сажали за карауль, по указу царя о кликушахъ, судили, допрашивали, били батогами, плетьюми. Она давала обѣщанія съ порукою и распискою, что «впредь кликать не будетъ, подѣ страхомъ жестокаго штрафованія кнутомъ и ссылки на прядильный дворъ въ работу вѣчно». Но плети не могли изгнать бѣса, и она продолжала кликать.

Киликея приговаривала: «охъ, тошно, тошно!»... И смѣялась, и плакала, и лаяла собакою, блеяла овцою, квакала лягушкою, хрюкала свиньею и разными другими головами кликала.

Жившая на плоту сторожевая собака, разбуженная всѣми этими необычайными звуками, вылѣзла изъ конуры. Это была голодная тощая сука съ ввалившимися боками и торчавшими ребрами. Она остановилась надъ водою, рядомъ съ Иванушкой, который продолжалъ пѣть, какъ будто ничего не видя и не слыша,—и съ поднятою кверху мордою, съ поджатымъ между ногами хвостомъ, жалобно завывала на огонь фейерверка. Вой суки сливался съ воемъ кликуши въ одинъ страшный звукъ.

Киликею отливали водою. Старецъ, наклонившись надъ нею, читалъ заклятiя на изгнанiе бѣсовъ, дую, плюя и ударяя ее по лицу ременною лѣстовкою. Наконецъ она затихла и заснула мертвымъ сномъ, подобнымъ обмороку.

Фейерверкъ потухъ. Угли костра на плоту едва тлѣли. Наступила тьма. Ничего не случилось. Антихристъ не пришелъ. Ужаса не было. Но тоска напала на нихъ, ужаснѣе всѣхъ ужасовъ. Попрежнему сидѣли они на плоскомъ-плоту, едва чернѣвшемъ между чернымъ небомъ и черною водою, маленькою кучкою, одинокою, потерянною, какъ будто повисшею въ воздухѣ между двумя небесами. Все было спокойно. Плотъ неподвиженъ. Но имъ казалось, что они стремглавъ летятъ, проваливаются въ эту тьму, какъ въ черную бездну—въ пасть самого Звѣря, къ неизбежному концу всего.

И въ этой черной, жаркой тьмѣ, полной голубымъ трепетанiемъ зарницъ, доносились изъ Лѣтняго сада нѣжные звуки менуэта, какъ томные вздохи любви изъ царства Венусъ, гдѣ пастушокъ Дафнисъ развязываетъ поясъ пастушкѣ Хлоѣ:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвленны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою.

II.

На Невѣ, рядомъ съ плотами царевича, стояла большая, пригнанная изъ Архангельска съ холмогорскою глиняною посудою барка. Хозяинъ ея, богатый купецъ Пушкиковъ изъ раскольниковъ-поморцевъ, укрывалъ у себя бѣглыхъ, утаенныхъ людей стараго благочестiя. Въ кормѣ подъ палубой были крошечныя дощатыя каморки, въ родѣ чулановъ. Въ одной изъ нихъ прiютилась баба Алена Ефимова.

Алена была крестьянкою, женою московскаго денежнаго мастера Максима Еремѣева, тайнаго иконоборца. Когда со-

жгли Фомку цырюльника, главнаго учителя иконоборцевъ, Еремѣевъ бѣжалъ въ Низовые города, покинувъ жену. Сама она была не то раскольница, не то православная; крестилась двуперстнымъ сложеніемъ, по внушенію нѣкоего старца, который являлся къ ней и говаривалъ: «трехперстнымъ сложеніемъ, не умолишь Бога», но ходила въ православныя церкви и у православныхъ духовниковъ исповѣдывалась. Несмотря на страшные слухи о Петрѣ, вѣрила, что онъ подлинно русскій царь, и любила его. Просила у Бога, чтобъ ей видѣть его царскаго величества очи. И въ Петербургъ пріѣхала, чтобы видѣть государя. Ее преслѣдовала мысль: умолить Бога за царя Петра Алексѣевича, чтобы онъ покаялся, вернулся къ вѣрѣ отцовъ своихъ, прекратилъ гоненія на людей стараго благочестія, чтобы и тѣ, въ свою очередь, соединились съ православною церковью. Алена сочинила особую молитву, дабы различіе вѣръ соединено было, и хотѣла ту молитву объявить отцу духовному, но не посмѣла, «затѣмъ что написано плохо». Она ходила по монастырямъ; занимала въ Вознесенскомъ, въ церкви Казанской Божіей Матери, старицу на шесть недѣль читать акаѳистъ за царя; сама клала за него въ день по двѣ, по три тысячи поклоновъ. Но всего этого казалось ей мало, и она придумала послѣднее отчаянное средство: велѣла своему племяннику, четырнадцатилѣтнему мальчику Васѣ написать сочиненную ею молитву о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и о соединеніи вѣръ, устроила пелену подъ образъ, зашила ту молитву въ подкладку и отдала въ Успенскій соборъ попу, не объявляя о скрытомъ письмѣ.

Послѣ разговора на плоту Алена вернулась въ келью свою на баркѣ Пушкинова, и когда вспомнила все, что слышала въ ту ночь о государѣ, первый разъ въ жизни напало на нее сомнѣніе: не истинно ли то, что говорятъ о царѣ, и можно ли умолить Бога за такого царя?

Долго лежала она въ душевной темнотѣ чулана, съ широко открытыми глазами, обливаясь холоднымъ потомъ, неподвижная. Наконецъ встала, засвѣтила маленькій ога-

рокъ желтаго воска, поставила его въ углу каморки передъ висѣвшею на дощатой перегородкѣ иконою Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, такую же какъ та, которую показывалъ царь Петръ у подножія Венусъ, опустилась на колѣни, положила триста поклоновъ и начала молиться со слезами, съ воздыханіями, отчаянною молитвою, тою самою, что была защита въ пеленѣ подъ образомъ Успенскаго собора:

— «Услышь, святая соборная церковь, со всѣмъ херувимскимъ и серафимскимъ престоломъ, съ пророками и праотцами, угодниками и мучениками, и съ Евангеліемъ, и сколько въ томъ Евангеліи словъ святыхъ—всѣ вспомните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая соборная апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и честными мелкими образами, со всѣми апостольскими книгами и съ лампадами, и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и желѣзными плитами, со всякими плодоносными деревьями и цвѣтами! О, молю и прекрасное солнце: возмолись Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ, свѣтель мѣсяць со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи, съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя! О, синее море съ великими рѣками и съ мелкими ключами, и малыми озерами! Возмолитесь Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! И рыбы морскія, и скоты полевые, и звѣри дубровныя, и поля, и лѣса, и горы, и все земнородное, возмолитесь къ Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ!»

Чуланъ бабы Алены отдѣляла дощатая перегородка отъ болѣе просторной кельи, въ которой жилъ старецъ Корнилій съ ученикомъ своимъ Тихономъ. Ни слова не произнесъ Тихонъ во время разговора на плоту, но слушалъ съ бѣльшимъ волненіемъ, чѣмъ кто-либо. Когда всѣ разошлись, старецъ поѣхалъ въ челнокѣ на берегъ для свиданія и бесѣды съ другими раскольниками о предстоящемъ великомъ самосожженіи цѣлыхъ тысячъ гонимыхъ людей старой вѣры въ лѣсахъ Керженскихъ за Волгою. Тихонъ вернулся

въ свою пловучую келью одинъ, легъ, но такъ же, какъ въ сосѣднемъ чуланѣ баба Алена, не могъ заснуть и думать о томъ, что слышалъ въ ту ночь. Онъ чувствовалъ, что отъ этихъ мыслей зависитъ все его будущее, что наступаетъ мгновение, которое какъ ножъ раздѣлитъ жизнь его пополамъ. «Я теперь, какъ на ножевомъ остреѣ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—въ которую сторону свалюсь, въ ту и пойду».

Вмѣстѣ съ будущимъ вставало передъ нимъ и прошлое.

Тихонъ былъ единственный сынъ, послѣдній отпрыскъ нѣкогда знатнаго, но давно уже опальнаго и захудалаго рода князей Запольскихъ. Мать его умерла отъ родовъ. Отецъ, стрѣлецкій голова, участвовалъ въ бунтѣ, сталъ за Милославскихъ, за старую Русь и старую вѣру противъ Петра. Во время розыска 1698 года былъ осужденъ, пытанъ въ застѣнкахъ Преображенскаго и казненъ въ Кремлѣ на Красной площади. Всѣхъ родныхъ и друзей его также казнили или сослали. Восемилѣтній Тихонъ остался круглымъ сиротою на попеченіи стараго дядьки Емельяна Пахомыча. Ребенокъ былъ слабъ и хилъ; страдалъ припадками, похожими на черную немочь; отца любилъ со страстною нѣжностью. Опасаясь за здоровье мальчика, дядька скрывалъ отъ него смерть отца, сказывалъ Тихону, будто бы отецъ уѣхалъ по дѣламъ въ далекую саратовскую вотчину. Но ребенокъ плакалъ тосковалъ, бродилъ какъ тѣнь въ огромномъ опустѣломъ домѣ и сердцемъ чуялъ бѣду. Наконецъ не выдержалъ. Однажды, послѣ долгихъ тщетныхъ разспросовъ, убѣжалъ изъ дому одинъ, чтобы пробраться въ Кремль, гдѣ жилъ дядя, и разузнать у него объ отцѣ. Дяди въ то время не было въ живыхъ, его казнили вмѣстѣ съ отцомъ Тихона.

У Спасскихъ воротъ мальчикъ встрѣтилъ большія телѣги, нагруженныя доверху трупами казненныхъ стрѣльцовъ, кое-какъ набросанными, полунагими. Подобно зарѣзанному скоту, который тащатъ съ бойни, везли ихъ къ общей могилѣ, къ живодерной ямѣ, куда сваливали вмѣстѣ со всякою поганью и падалью: таковъ былъ указъ царя.

Изъ бойницъ кремлевскихъ стѣнъ торчали бревна: безчисленные трупы висѣли на нихъ «какъ полти» — соленая астраханская рыба, которую вѣшали пучками сушиться на солнцѣ.

Безмолвный народъ цѣлыми днями толпился на Красной площади, не смѣя подходить близко къ мѣсту казней, глядя издали. Протѣснившись сквозь толпу, Тихонъ увидѣлъ у Лобнаго мѣста, въ лужахъ крови, длинныя, толстыя бревна, служившія плахами. Осужденные, тѣсняясь другъ къ другу, иногда по тридцати человѣкъ сразу, клали на нихъ головы въ рядъ. Въ то время какъ царь пировалъ въ хоромахъ, выходившихъ окнами на площадь, ближніе бояре, шуты и любимцы рубили головы. Недовольный ихъ работою—руки неумѣлыхъ палачей дрожали, — царь велѣлъ привести къ столу, за которымъ пировалъ, двадцать осужденныхъ и тутъ же казнилъ ихъ собственноручно подъ заздравныя клики, подъ звуки музыки: выпивалъ стаканъ и отрубалъ голову; стаканъ за стаканомъ, ударъ за ударомъ; вино и кровь лились вмѣстѣ, вино смѣшивалось съ кровью.

Тихонъ увидалъ также висѣлицу, устроенную наподобіе креста, для мятежныхъ стрѣлецкихъ поповъ, которыхъ вѣшалъ самъ всешутѣйшій патріархъ Никита Зотовъ; множество пыточныхъ колесъ съ привязанными къ нимъ раздробленными членами колесованныхъ; желѣзныя спицы и колья, на которыхъ торчали полуистлѣвшія головы: ихъ нельзя было снимать, по указу царя, пока онѣ совсѣмъ не истлѣютъ. Въ воздухѣ стоялъ смрадъ. Вороны носились надъ площадью стаями.

Мальчикъ вглядѣлся пристальнѣе въ одну изъ головъ. Она чернѣла явственно на голубомъ прозрачномъ небѣ съ нѣжно-золотистыми и розовыми облаками: вдали — главы кремлевскихъ соборовъ горѣли какъ жаръ: слышался вечерній благовѣсть. Вдругъ показалось Тихону, будто бы все—и небо, и главы соборовъ, и земля подъ нимъ шатается, что онъ самъ проваливается. Въ торчавшей на спицѣ мертвой головѣ съ черными дырами вмѣсто вытекшихъ глазъ узналъ онъ голову отца. Затрещала барабанная дробь. Изъ-

за угла выступила рота Преображенцевъ, сопровождавшая телѣги съ новыми жертвами. Осужденные сидѣли въ бѣлыхъ рубахахъ, съ горящими свѣчами въ рукахъ, со спокойными лицами. Впереди ѣхалъ на конѣ всадникъ высокаго роста. Лицо его было тоже спокойно, но страшно. Это былъ Петръ. Тихонъ раньше никогда не видѣлъ его, но теперь тотчасъ узналъ. И ребенку показалось, что мертвая голова отца своими пустыми глазницами смотритъ прямо въ глаза царю. Въ то же мгновенье онъ лишился чувствъ. Отхлынувшая въ ужасѣ толпа раздавила бы мальчика, если бы не замѣтилъ его старикъ, давнишній пріятель Пахомыча, нѣкто Григорій Талицкій. Онъ поднялъ его и отнесъ домой. Въ ту ночь у Тихона сдѣлался такой припадокъ падучей, какого еще никогда не было. Онъ едва остался живъ.

Григорій Талицкій, человѣкъ неизвѣстный и бѣдный, жившій перепискою старинныхъ книгъ и рукописей, одинъ изъ первыхъ началъ доказывать, что царь Петръ есть антихристъ. Какъ обвиняли его впоследствии во время розыска, «отъ великой своей ревности противъ антихриста и сумнительнаго страха сталъ онъ кричать въ народъ злыя слова въ хулу и поношеніе государя». Сочинивъ тетрадки *О пришествіи въ міръ антихриста и о скончаніи свѣта*, онъ задумалъ напечатать ихъ и «бросать листы въ народъ безденежно» для возмущенія противъ царя. Григорій часто бывалъ у Пахомыча и бесѣдовалъ съ нимъ о царѣ-антихристѣ, о послѣднемъ времени. Старецъ Корнилій, тогда жившій въ Москвѣ, также участвовалъ въ этихъ бесѣдахъ. Маленькій Тихонъ слушалъ трехъ стариковъ, которые какъ три зловѣщія ворона, въ сумерки, въ заустѣломъ домѣ собирались и каркали: «приближается конецъ вѣка, пришли времена лютыя, пришли года тяжкіе; не стало вѣры истинной, не стало стѣны каменной, не стало столповъ крѣпкихъ — погибла вѣра христіанская. А въ послѣднее время—будетъ антихристово пришествіе; загорится вся земля и выгоритъ въ глубину на шестьдесятъ локтей за наше великое беззаконіе». Они рассказывали о видѣніи «нѣкоего мерзкаго и пристрашнаго чермнаго змія, который въ никоніанскихъ цер-

квахъ, во время богослуженія, на плечахъ архіереевъ, вмѣсто святого омофора висить, ползая и стрегочуще; или ночью, обогнувшись около стѣнъ царскихъ палатъ, голову и хоботъ имѣя внутри палаты, шепчетъ на ухо царю. И унылыя бесѣды переходили въ еще болѣе унылыя пѣсни:

Говорить Христось, Царь Небесный:

Охъ, вы, люди мои, люди,
Вы бѣгите-ка въ пустыни,
Въ лѣса темные, въ вертепи.
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами.
Умирайте, мои свѣты,
Не умрете—оживете,
Божья царства не минете!

Съ особенною жадностью слушалъ онъ рассказъ о сокровенныхъ обителяхъ среди дремучихъ лѣсовъ и топей за Волгою, о невидимомъ Китежѣ-градѣ на озерѣ Свѣтлоярѣ. То мѣсто кажется пустыннымъ лѣсомъ. Но тамъ есть и церкви, и дома, и монастыри, и множество людей. Лѣтними ночами на озерѣ слышится звонъ колоколовъ и въ ясной водѣ отражаются золотыя маковки церквей. Тамъ поистинѣ царство земное: и покой, и тишина, и веселіе вѣчное; святые отцы процвѣтали тамъ, какъ лиліи, какъ кипарисы и финики, какъ многоцѣнный бисеръ и звѣзды небесныя; отъ устъ ихъ исходитъ непрестанная молитва къ Богу, какъ еиміамъ благоуханный и кадило избранное; а когда наступить ночь, молитва ихъ видима бываетъ, какъ столпы пламенные съ искрами; и такъ силенъ тотъ свѣтъ, что можно читать и писать безъ свѣчи. Ихъ возлюбилъ Господь и хранить, какъ зѣницу ока, покрывая невидимо дланью Своею до скончанія вѣка. И не узрятъ они скорби и печали отъ звѣря-антихриста, только о насъ, грѣшныхъ, день и ночь печалуютъ—объ отступленіи нашемъ и всего царства Русскаго, что антихристъ въ немъ царствуетъ. Въ невидимый градъ ведетъ сквозь чащи и дебри одна только узкая, окруженная всякими дивами и страхами, тропа Батыева, которой никто не мо-

жетъ найти, кромѣ тѣхъ, кого Самъ Богъ управить въ то благоутишное пристанище.

Слушая эти рассказы, Тихонъ стремился туда, въ дремучіе лѣса и пустыни. Съ невыразимой грустью и сладостью повторялъ онъ вслѣдъ за Пахомычемъ древній стихъ о юномъ пустыникѣ, Іосафѣ царевичѣ:

Прекрасная мати пустыня!
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Поставлю я малую хижу.
Разгуляюсь я, младъ юношъ,
Іосафій царевичъ,
Во зеленой во дубровѣ.
Кукушка въ ней воскукуетъ,
Умильный глазъ испущаетъ—
И та меня поучаетъ.
Въ тебѣ, мать-пустыня,
Гнилыя колоды—
Мнѣ райская пища,
Сахарное яство;
Холодныя воды—
Медвяное пойло.

Съ ранняго дѣтства у Тихона бывало иногда, особенно передъ припадками, странное чувство, ни на что не похожее, нестерпимо жуткое и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкое, всегда новое, всегда знакомое. Въ чувствѣ этомъ былъ страхъ и удивленіе, и воспоминаніе, точно изъ какого-то иного міра, но больше всего—любопытство, желаніе, чтобы скорѣе случилось то, что должно случиться. Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ онъ объ этомъ, да и не сумѣлъ бы этого выразить никакими словами. Впослѣдствіи, какъ уже началъ онъ думать и сознавать, чувство это стало въ немъ сливаться съ мыслью о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи.

Порою самыя зловѣщія карканія трехъ стариковъ оставляли его равнодушнымъ, а что-нибудь случайное, мгновенное—цвѣтъ, звукъ, запахъ—пробуждало въ немъ это чувство со внезапною силою. Домъ его стоялъ въ Замоскворѣчьи, на склонѣ Воробьевыхъ горъ; садъ кончался обрывомъ, откуда видна была вся Москва—груды черныхъ

избъ, бревенчатыхъ срубовъ, напоминавшихъ деревню, надъ ними бѣлокаменные стѣны Кремля и безчисленныя золотыя главы церквей. Съ этого обрыва мальчикъ подолгу смотрѣлъ на тѣ великолѣпныя и страшныя закаты, которые бывають иногда позднею бурною осенью. Въ мертвенно-синихъ, лиловыхъ, черныхъ или воспаленно-красныхъ, точно окровавленныхъ тучахъ чудились ему то исполинскій Змій обвившійся вокругъ Москвы, то семиглавый Звѣрь, на которомъ сидитъ блудница съ чашею мерзостей, то воинства ангеловъ, которые гонять бѣсовъ, разя ихъ огненными стрѣлами, такъ что рѣки крови льются по небу, то лучезарный Сіонъ, невидимый Градъ, сходящій съ неба на землю во славу грядущаго Господа. Какъ будто тамъ, на небѣ, уже совершалось въ таинственныхъ знаменіяхъ то, что и на землѣ должно было когда-то совершиться. И знакомое чувство конца охватывало мальчика. Это же самое чувство рождали въ немъ и нѣкоторыя будничныя мелочи жизни: запахъ табака, видъ первой, попавшейся ему на глаза русской книги, отпечатанной въ Амстердамѣ, по указу Петра, новоизобрѣтенными «гражданскими литерами», видъ нѣкоторыхъ вывѣсокъ надъ новыми лавками Нѣмецкой слободы; особая форма париковъ со смѣшными буклями, длинными, какъ жидовскіе пейсы или собачьи уши; особое выраженіе на старыхъ русскихъ, недавно бородатыхъ и только что выбритыхъ лицахъ. Однажды, восьмидесятилѣтняго дѣда Еремѣича, жившаго у нихъ въ саду пасѣчника, царскіе пристава схватили на городской заставѣ, насильно обрили ему бороду и обрѣзали, окургузили по установленной мѣркѣ, до колѣнъ, полы кафтана. Дѣдъ, вернувшись домой, плакалъ какъ ребенокъ, потомъ скоро заболѣлъ и умеръ отъ горя. Тихонъ любилъ и жалѣлъ старика. Но, при видѣ плачущаго, куцаго и бригатаго дѣда, не могъ удержаться отъ смѣха, такого страннаго, неестественнаго, что Пахомычъ испугался, какъ бы у него не сдѣлался припадокъ. И въ этомъ смѣхѣ былъ ужасъ конца. Однажды зимою появилась комета—звѣзда съ хвостомъ, какъ называлъ ее Пахомычъ. Мальчикъ давно хотѣлъ, но не смѣлъ взглянуть на нее; нарочно отвертывался, жму-

рилъ глаза, чтобы не видѣть. Но увидѣлъ нечаянно, когда разъ вечеромъ дядька несъ его на рукахъ въ баню черезъ глухой переулокъ, замеченный снѣжными сугробами. Въ концѣ переулка, межъ черныхъ избъ надъ бѣлымъ снѣгомъ, внизу, на самомъ краю черно-синяго неба сверкала огромная, прозрачная, нѣжная звѣзда, немного склоненная, какъ будто убѣгающая въ неизмѣримыя пространства. Она была не страшная, а точно родная и такая желанная, милая, что онъ глядѣлъ не нее и не могъ наглядѣться. Знакомое чувство сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сжало сердце его нестерпимымъ восторгомъ и ужасомъ. Онъ весь потянулся къ ней, какъ будто просыпаясь, съ нѣжною сонной улыбкою. И въ то же мгновение Пахомычъ почувствовалъ въ тѣлѣ его страшную судорогу. Крикъ вырвался изъ груди мальчика. Съ нимъ сдѣлался второй припадокъ падучей.

Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, забрали его, такъ же какъ и другихъ шляхетныхъ дѣтей, въ «школу математическихъ и навигацкихъ, то-есть мореходныхъ, хитростныхъ искусствъ». Школа помѣщалась въ Сухаревой башнѣ, гдѣ занимался астрономическими наблюденіями генераль Яковъ Брюсъ, котораго считали колдуномъ и чернокнижникомъ: кривая баба, торговавшая на Второй Мѣщанской мочеными яблоками, видѣла, какъ однажды зимнею ночью Брюсъ полетѣлъ со своей вышки прямо къ мѣсяцу верхомъ на подзорной трубѣ. Пахомычъ ни за что не отдалъ бы дитя въ такое проклятое мѣсто, если бы ребята не забирали силою.

Укрывавшіеся дворянскіе недоросли, привезенные изъ своихъ помѣстій подъ конвоемъ, иногда женатые, тридцатилѣтніе и даже сорокалѣтніе младенцы, сидѣли рядомъ съ настоящими дѣтьми на одной партѣ и зубрили по одной книжкѣ, съ картинкою, изображавшею учителя, который огромнымъ пукомъ розогъ сѣчетъ разложеннаго на скамейкѣ школьника — съ подписью: *Всякъ человекъ въ тиши поучайся*. Всѣ буквари обильно украшались розочными виршами:

Благослови, Боже, оныя лѣса,
Яже розги родятъ на долгіе времена.
Малымъ розга березова ко умиленію,
А старымъ жезлъ дубовый ко подкрѣпленію.

И царскимъ указомъ предписывалось: «выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по чело-вѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлысть въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ будетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря какой бы виновный фамиліи ни былъ».

Но какъ ни вбивали въ головы науку малымъ — хлы-стомъ и розгою, большимъ — плетями и батогами, всѣ одинаково плохо учились. Иногда въ минуты отчаянія пѣвали они «пѣснь вавилонскую». Начинали старшіе хриплыми съ перепоею басами.

Житье въ школѣ не по насъ,
Въ одинъ день сѣкутъ пять разъ.

Малыши подтягивали визгливыми дискантами:

Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

И дисканты и басы сливались въ дружный хоръ:

И лозами по бедрамъ,
И палями по рукамъ.
Ни съ другого слова въ рожу,
Со спины деруть всю кожу.
Геометрію смекай,
А пустыя щи хлебай.

Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

О, проклятое чернило!
Сердце наше изсушило.
И бумага, и перо
Сокрушаютъ насъ зѣло,
Хоть какого молодца
Сгубить школа до конца.

Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Немногому научился бы Тихонъ въ школѣ, если бы не обратилъ на него вниманія одинъ изъ учителей, кенигс-

бергскій нѣмецъ, пасторъ Глюкъ. Выучившись русскому языку съ грѣхомъ пополамъ у бѣглаго польскаго монаха, Глюкъ пріѣхаль въ Россію обучать «московскихъ юношей, аки мягкую и ко всякому изображенію угодную глину». Онъ разочаровался скоро не столько въ самихъ юношахъ, сколько въ русскомъ способѣ «муштровать ихъ, какъ цыганскихъ лошадей», вбивать имъ въ головы науку плетьюми. Глюкъ былъ человекъ умный и добрый, хотя пьяница. Пилъ же съ горя, потому что не только русскіе, но и нѣмцы считали его сумасшедшимъ. Онъ писалъ головоломное сочиненіе, Комментаріи на комментаріи Ньютона къ Апокалипсису, гдѣ всѣ христіанскія откровенія о кончинѣ міра доказывались точнѣйшими астрономическими выкладками на основаніи законовъ тяготѣнія, изложенныхъ въ недавно вышедшихъ Ньютоновыхъ «Philosophiae Naturalis Principia Mathematica».

Въ ученикѣ своемъ, Тихонѣ, онъ открылъ необыкновенныя способности къ математикѣ и полюбилъ его какъ родного.

Старый Глюкъ самъ въ душѣ былъ ребенокомъ. Съ Тихономъ говорилъ онъ, особенно будучи навеселѣ, какъ со взрослымъ и единственнымъ другомъ. Рассказывалъ ему о новыхъ философскихъ ученіяхъ и гипотезахъ, о Magna Instauro Бэкона, о геометрической этикѣ Спинозы, о *вихряхъ* Декарта, о монадахъ Лейбница, но всего вдохновеннѣе—о великихъ астрономическихъ открытіяхъ Коперника, Кэплера, Ньютона. Мальчикъ многого не понималъ, но слушалъ эти сказанія о чудесахъ науки съ такимъ же любопытствомъ, какъ бесѣды трехъ стариковъ о невидимомъ Китежѣ-градѣ.

Пахомычъ считалъ всю вообще науку нѣмцевъ, въ особенности же «звѣздохетіе», «остроумію», безбожною.

— Проклятый Коперникъ,—говорилъ онъ,—Богу соперникъ: тягостную землю поднялъ отъ кентра земного на воздухъ. Ему одному только приснилось, будто солнце и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противно священнымъ писаніямъ. Смѣются надъ нимъ богословы!»

— Истинная философія,—говорилъ пасторъ Глюкъ,— вѣрѣ не только полезна, но и нужна. Многіе святыя отцы въ наукахъ философскихъ преизяществовали. Знаніе природы христіанскому закону не противно; и кто природу изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ; физическія разсужденія о твари служатъ къ прославленію Творца, какъ и въ Писаніи сказано: *Небеса повѣдаютъ славу Господню.*

Но Тихонъ угадывалъ смутнымъ чутьемъ, что въ этомъ согласіи науки съ вѣрою не все такъ просто и ясно для самого Глюка, какъ онъ думалъ, или только старается думать. Не даромъ иногда, въ концѣ ученаго спора съ самимъ собою о множествѣ міровъ, о непостижимости космическихъ пространствъ, сильно выпившій старикъ, забывая присутствіе ученика, опускалъ, какъ будто въ изнеможеніи, на край стола свою лысую, со съѣхавшимъ на сторону парикомъ, голову, отяжелѣвшую не столько отъ вина, сколько отъ головокружительныхъ метафизическихъ мыслей, и глухо стоналъ, повторяя знаменитое восклицаніе Ньютона:

— О, физика, спаси меня отъ метафизики!

Однажды Тихонъ—ему было тогда уже девятнадцать лѣтъ, онъ кончалъ школу и хорошо читалъ по-латински—случайно открылъ валявшійся на рабочемъ столѣ учителя, привезенный имъ изъ Голландіи, рукописный сборникъ писемъ Спинозы и прочелъ первыя на глаза попавшіяся строки: «Между свойствами человѣка и Бога такъ же мало общаго, какъ между созвѣздіемъ Пса и псомъ, лающимъ животнымъ. Если бы треугольникъ имѣлъ даръ слова, то и онъ сказалъ бы, что Богъ есть не что иное, какъ совершенный треугольникъ, а кругъ—что природа Бога въ высшей степени кругла». И въ другомъ письмѣ—объ Евхаристіи: «О, безумный юноша! Кто же такъ околдовалъ васъ, что вы вообразили, будто можно проглатывать святое и вѣчное, будто святое и вѣчное можетъ находиться во внутренностяхъ вашихъ? Ужасны таинства вашей церкви: они противорѣчатъ здравому смыслу». Тихонъ закрылъ книгу и больше не читалъ. Первый разъ въ жизни испыталъ онъ отъ мысли то чувство, которое

прежде испытывалъ только отъ внѣшнихъ впечатлѣній—ужасъ конца.

Въ Сухаревой башнѣ у генерала Якова Вилимовича Брюса была обширная библіотека и «кабинетъ математическихъ, механическихъ и другихъ инструментовъ, также натуралій—звѣрей, инсектъ, кореньевъ, всякихъ рудъ и минераловъ, антиквитетовъ, древнихъ монетъ, медалей, рѣзныхъ камней, личинъ и вообще какъ иностранныхъ, такъ и внутреннихъ куріозностей». Брюсъ поручилъ пастору Глюку составить вѣдомость, или опись, всѣмъ предметамъ и книгамъ. Тихонъ помогаль ему и цѣлые дни проводилъ въ библіотекѣ.

Однажды яснымъ лѣтнимъ вечеромъ онъ сидѣлъ на самомъ верху складной, двигавшейся на колесикахъ библиотечной лѣсенки предъ стѣной, сверху донизу уставленной книгами, наклеивая номера на корешки и сравнивая новую опись со старою, безграмотною, въ которой заглавія иностранныхъ книгъ списаны были русскими буквами. Сквозь высокія окна съ мелкими круглыми стеклами въ свинцовомъ переплетѣ, какъ въ старинныхъ голландскихъ домахъ, падали лучи солнца косыми пыльными снопами на сверкающія мѣдныя машины—небесныя сферы, астролябіи, компасы, наугольники, циркули, масштабы, ватерпасы, подзорныя трубы, «микроскопіумы», на чучела разныхъ дикихъ звѣрей и птицъ, на огромную кость мамонтовой головы, на чудовищныхъ китайскихъ идоловъ и мраморныя личины прекрасныхъ эллинскихъ боговъ, на безконечныя полки книгъ въ однообразныхъ кожаныхъ и пергаментныхъ переплетахъ. Тихону нравилась эта работа. Здѣсь, въ царствѣ книгъ, была такая же уютная тишина, какъ въ лѣсу или на старомъ, людьми покинутомъ, солнцемъ излюбленномъ кладбищѣ. Доносился только съ улицы вечерній благовѣстъ, напоминавшій звонъ китежскихъ колоколовъ, да сквозь отворенныя въ сосѣднюю комнату двери слышались голоса пастора Глюка и Брюса. Отужиновъ, сидѣли они за столомъ, курили и пили, бесѣдуя.

Тихонъ только что наклеилъ новые номера на инкварто и октаво, обозначенныя въ старой описи подъ номеромъ 473:

«Филозофія Франциско Бакона на англійскомъ языкѣ въ трехъ томахъ»; подъ номеромъ 308: «Медитаціонъ де прима филозофіи черезъ Декартесъ на голанскомъ языкѣ»; подъ номеромъ 532: «Математикаль элемансъ натураль филозофіи чрезъ Исака Неотона». Ставя книги на полку, въ глубинѣ ея оцупаль онъ и вытѣщилъ завалившееся, очень ветхое, изъѣденное мышами октаво подъ номеромъ 461: «Лионардо Давинчи, трактатъ о живописномъ письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ». Это былъ первый, изданный въ Амстердамѣ, въ 1582 году, нѣмецкій переводъ «Trattato della pittura». Въ книгу отдѣльнымъ листкомъ вложенъ былъ гравированный на деревѣ портретъ Леонардо. Тихонъ вглядывался въ странное, чуждое и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто знакомое, въ незапамятномъ снѣ видѣнное лицо и думалъ, что, вѣрно, у Симона Мага, летавшаго по воздуху, было такое же точно лицо.

Голоса въ сосѣдней комнатѣ стали раздаваться громче. Брюсъ о чемъ-то спорилъ съ Глюкомъ. Они говорили по-нѣмецки. Тихонъ выучился этому языку у пастора. Нѣсколько отдѣльныхъ словъ поразили его, и онъ съ любопытствомъ прислушался, все еще держа въ рукахъ книгу Леонардо.

— Какъ же вы не видите, достопочтенный, что Ньютонъ былъ не въ здоровомъ умѣ, когда писалъ свои Комментаріи къ Апокалипсису? — говорилъ Брюсъ. — Онъ, впрочемъ, въ этомъ и самъ признается въ письмѣ къ Бентлею отъ 13 сентября 1693 года: «я потерялъ связь своихъ мыслей и не чувствую прежней твердости разсудка», — попросту, значить, ряхнулся.

— Ваше превосходительство, я желалъ бы лучше быть сумасшедшимъ съ Ньютонѣмъ, чѣмъ здоровомыслящимъ со всей остальною двуногою тварью! — воскликнулъ Глюкъ и залпомъ выпилъ стаканъ.

— О. вкусахъ не спорять, любезный пасторъ, — продолжалъ Яковъ Вилимовичъ, засмѣявшись сухимъ, рѣзкимъ, точно деревяннымъ смѣхомъ, — но вотъ что всего любопытнѣе: въ то самое время, когда сэръ Исаакъ Ньютонъ сочи-

няль свои Комментаріи,—на другомъ концѣ міра, именно здѣсь, у насъ, въ Московіи, дикіе изувѣры, которыхъ называютъ раскольниками, сочинили тоже свои комментаріи къ Апокалипсису и пришли почти къ такимъ же выводамъ, какъ Ньютонъ. Ожидая со дня на день кончины міра и второго пришествія, одни изъ нихъ ложатся въ гробы и сами себя отпѣваютъ, другіе сжигаются. Ихъ за то гонятъ и преслѣдуютъ; а я сказалъ бы объ этихъ несчастныхъ словами философа Лейбница: «я не люблю трагическихъ событій и желалъ бы, чтобы всѣмъ на свѣтѣ жилось хорошо; что же касается заблужденія тѣхъ, которые спокойно ждутъ кончины міра, то оно мнѣ кажется совсѣмъ невиннымъ». Такъ вотъ что, говорю я, всего любопытнѣе: въ этихъ апокалипсическихъ бредняхъ крайній Западъ сходится съ крайнимъ Востокомъ и величайшее просвѣщеніе—съ величайшимъ невежествомъ, что, дѣйствительно, могло бы, пожалуй, внушить мысль, что конецъ міра приближается, и что всѣ мы скоро отправимся къ чорту!..

Онъ опять засмѣялся своимъ рѣзкимъ, деревяннымъ смѣхомъ и прибавилъ что-то, чего не разслышалъ Тихонъ, должно-быть, очень вольнодумное, потому что Глюкъ, у котораго, какъ всегда въ концѣ ужина, парикъ съѣхалъ на сторону, и въ головѣ шумѣло, вдругъ яростно вскочилъ, отодвинулъ стулъ и хотѣлъ выбѣжать изъ комнаты. Но Яковъ Вилимовичъ удержалъ и успокоилъ его нѣсколькими добрыми словами. Брюсъ былъ единственнымъ покровителемъ Глюка. Онъ уважалъ и любилъ его за безкорыстную любовь къ наукѣ. Но, будучи скептикомъ и даже, какъ утверждали многіе, совершеннымъ атеистомъ, не могъ видѣть бѣднаго пастора, этого «Донкишота астрономіи», чтобы не подразнить его и не посмѣяться надъ злополучными комментаріями къ Апокалипсису, надъ примиреніемъ науки съ вѣрою. Брюсъ полагалъ, что надо выбрать одно изъ двухъ—или вѣру безъ науки или науку безъ вѣры.

Яковъ Вилимовичъ наполнилъ стаканъ Глюка и, чтобы утѣшить его, началъ спрашивать о подробностяхъ Ньютонова Апокалипсиса. Старикъ отвѣчалъ сперва неохотно,

но потомъ опять увлекся и сообщилъ разговоръ Ньютона съ друзьями о кометѣ 1680 года. Когда его однажды спросили о ней, вмѣсто отвѣта онъ открылъ свои *Начала* и указалъ мѣсто гдѣ, сказано: *Stellae fixae refici possunt*. Неподвижныя звѣзды могутъ возстановляться отъ паденія на нихъ кометъ.—«Почему же вы не писали о солнцѣ такъ же откровенно, какъ о звѣздахъ?»—«Потому, что солнце ближе насъ касается», отвѣчалъ Ньютонъ и потомъ прибавилъ, смѣясь: «я, впрочемъ, сказалъ достаточно для тѣхъ, кто желаетъ понять!»

— Какъ мотылекъ, летящій на огонь, комета упадетъ на солнце,—воскликнулъ Глюкъ,—и отъ этого паденія солнечный жаръ возрастетъ до того, что все на землѣ истребитъ огнемъ. Въ Писаніи сказано: *небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ*. Тогда исполнятся оба пророчества—того, кто вѣрилъ, и того, кто зналъ.

— «*Hypotheses non fingo!*—Я не сочиняю гипотезъ!» заключилъ онъ вдохновенно, повторяя великое слово Ньютона.

Тихонъ слушалъ—и давнее, вѣщее карканье трехъ стариковъ, трехъ вороновъ соединялось для него съ точнѣйшими выводами знанія. Закрывъ глаза, увидѣлъ онъ глухой переулочекъ, занесенный снѣжными сугробами, и въ концѣ его, внизу, надъ бѣлымъ снѣгомъ, межъ черныхъ избъ, на краю черно-синяго неба огромную, прозрачную, нѣжную звѣзду. И такъ же, какъ въ дѣтствѣ, знакомое чувство сжало сердце его нестерпимымъ восторгомъ и ужасомъ. Онъ уронилъ книгу Леонардо, которая задѣла, падая, трубку астролябіи и повалила ее на полъ съ грохотомъ. Прибѣжалъ Глюкъ. Онъ зналъ, что Тихонъ страдаетъ припадками. Увидѣвъ его вверху лѣстницы, дрожащаго, блѣднаго, онъ бросился къ нему, обнялъ, поддержалъ и помогъ сойти. На этотъ разъ припадокъ миновалъ. Пришелъ также Брюсъ. Они спрашивали Тихона съ участіемъ. Но онъ молчалъ: чувствовалъ, что нельзя ни съ кѣмъ говорить объ этомъ.

— Бѣдный мальчикъ! — сказалъ Яковъ Вилимовичъ Глюку, отводя его въ сторону.—Нашъ разговоръ напугалъ

его. Здѣсь они всѣ таковы—только и думаютъ о кончинѣ міра. Я замѣтилъ, что въ послѣднее время какое-то безуміе распространяется среди нихъ, какъ зараза. Богъ знаетъ, чѣмъ кончитъ этотъ несчастный народъ!

По выходѣ изъ школы Тихонъ долженъ былъ поступить, какъ всѣ шляхетныя дѣти, въ военную службу. Пахомычъ умеръ. Глюкъ собирался въ Швецію и Англію, по порученію Брюса, для закупки новыхъ математическихъ инструментовъ. Онъ приглашалъ съ собою Тихона, который, забывъ свои дѣтскіе страхи и предостереженіе Пахомыча, все съ большей любовью предавался изученію математики. Здоровье окрѣпло, припадки не повторялись. Давнее любопытство влекло его въ другіе края, въ «царство Стекольное», почти столько же для него таинственное, какъ невидимый Китежъ-градъ. По ходатайству Якова Вилимовича, навигацкій ученикъ Запольскій, въ числѣ другихъ «младенцевъ Россійскихъ», посланъ былъ царскимъ указомъ для окончанія наукъ за море. Они пріѣхали съ Глюкомъ въ Петербургъ въ началѣ іюня 1715 года. Тихону исполнилось 25 лѣтъ; онъ былъ ровесникомъ царевича Алексѣя, но по виду все еще казался мальчикомъ. Черезъ нѣсколько дней изъ Кроншлота отходилъ купеческій корабль, на которомъ они должны были плыть въ Стокгольмъ—Стекольный.

Вдругъ все измѣнилось. Петербургъ видомъ своимъ, столь не похожимъ на Москву, поразилъ Тихона. Цѣлыми днями онъ бродилъ по улицамъ, смотрѣлъ и удивлялся: безконечные каналы, перспективы, дома на сваяхъ, вбитыхъ въ зыбкую тину болотъ, построенные въ рядъ «линейно», по указу, «такъ, чтобы никакое строеніе за линію или изъ линіи не строилось», бѣдныя мазанки среди лѣсовъ и пустырей, крытыя по-чухонски дерномъ и берестою, дворцы затѣйливой архитектуры «на прусскій маниръ», унылые гварнизонныя магазейны, цейхаузы, амбары, церкви съ голландскими шпицами и курантнымъ боемъ—все было плоско, пошло, буднично и въ то же время похоже на сонъ. Порою, въ пасмурныя утра, въ дымкѣ грязно-желтаго тумана, чудилось ему, что весь этотъ городъ подыметъ вмѣстѣ съ

туманомъ и разлетится, какъ сонъ. Въ Китежѣ-градѣ то, что есть,—невидимо, а здѣсь, въ Петербургѣ, наоборотъ, видимо то, чего нѣтъ; но оба города одинаково призрачны. И снова рождалось въ немъ жуткое чувство, котораго онъ уже давно не испытывалъ,—чувство конца. Но оно не разрѣшалось, какъ прежде, восторгомъ и ужасомъ, а давило тупо безконечною тоскою. Однажды на Троицкой площади у «кофейнаго дома» Четырехъ Фрегатовъ встрѣтилъ онъ человѣка высокаго роста въ кожаной курткѣ голландскаго шкипера. И точно такъ же, какъ и въ Москвѣ, на Красной площади, у Лобнаго мѣста, гдѣ торчавшая на колу мертвая голова отца его смстрѣла пустыми глазницами прямо въ глаза этому самому человѣку,—Тихонъ тотчасъ узналъ его: это былъ Петръ. Страшное лицо какъ будто сразу объяснило ему страшный городъ; на нихъ обоихъ была одна печать.

Въ тотъ же день встрѣтилъ онъ старца Корнилія, обрадовался ему, какъ родному, и уже не покидалъ его. Ночевалъ у старца въ кельѣ, дни проводилъ на плотяхъ на баркахъ съ утаенными, бѣглыми людьми. Слушалъ рассказы о житіи великихъ пустынныхъ отцовъ на далекомъ Сѣверѣ, въ лѣсахъ Поморскихъ, Онежскихъ и Олонецкихъ, гдѣ Корнилій, уйдя изъ Москвы, провелъ много лѣтъ, о тамошнихъ страшныхъ горяхъ—многотысячныхъ самосожженіяхъ. Оттуда шелъ онъ теперь за Волгу на Керженецъ проповѣдывать «Красную смерть».

Тихонъ учился не даромъ. Многому, чему вѣрили эти люди, онъ уже не вѣрилъ; думалъ иначе, но чувствовалъ такъ же, какъ они. Самое главное—чувство конца—у нихъ было общее съ нимъ. То, о чемъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, чего никто изъ ученыхъ людей и не понималъ бы, они понимали—этимъ только и жили. Все, что съ ранняго дѣтства онъ слышалъ отъ Пахомыча, теперь вдругъ ожило въ душѣ его съ новой силою. Опять потянуло его въ лѣса, въ пустыни, въ сокровенныя обители, въ «благоутишное пристанище». Какъ будто при свѣтѣ бѣлыхъ ночей надъ просторомъ Невы, сквозь бой голландскихъ курантовъ, опять ему слышался звонъ китежскихъ колоколовъ.

И опять съ томительной грустью и сладостью повторялъ онъ стихъ объ Іосафѣ-царевичѣ:

Прекрасная мати пустыня!
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ...

Надо было рѣшить, надо было выбрать одно изъ двухъ: или навсегда вернуться въ міръ, чтобы жить, какъ всѣ живутъ, служить человѣку, который погубилъ отца его и, можетъ-быть, погубить Россію; или навсегда уйти изъ міра, сдѣлаться нищимъ, бродягою, однимъ изъ утаенныхъ, бѣглыхъ людей, «настоящаго града не имѣющихъ, грядущаго—взыскующихъ»; на западъ съ пасторомъ Глюкомъ—въ городъ Стекольный, или на востокъ со старцемъ Корниліемъ—въ невидимый Китежъ-градъ. Что онъ выберетъ, куда пойдетъ,—онъ самъ еще не зналъ, колебался, медлил послѣднимъ рѣшеніемъ, какъ будто ждалъ чего-то. Но въ эту ночь, послѣ разговора на плоту о Петрѣ-антихристѣ, почувствовалъ, что медлить нельзя. Завтра отправляется корабль въ Стокгольмъ и завтра же старецъ Корнилій, которому грозилъ доносъ, долженъ бѣжать изъ Петербурга. Онъ звалъ съ собою Тихона.

«Я теперь какъ на ножевомъ остреѣ,—опять подумалъ онъ.—Въ которую сторону свалюсь, въ ту и пойду. Одна жизнь, одна смерть. Разъ ошибешься, второй не поправишь».

Но въ то же время онъ чувствовалъ, что не имѣетъ силы рѣшить, и что двѣ судьбы, какъ два конца мертвой петли, соединяясь, стягиваясь, давятъ и душатъ его. Онъ всталъ, взялъ съ полки рукописную книгу: *Слово св. Ипполита о второмъ пришествіи*, и, чтобы отдохнуть отъ мыслей, началъ разсматривать, при свѣтѣ лампы, горѣвшей передъ образомъ, заставныя картинки. На одной изъ нихъ, слѣва, сидѣлъ на престолѣ антихристъ, въ зеленомъ, съ красными отворотами и мѣдными пуговицами, преображенскомъ мундирѣ, въ треуголкѣ, со шпагою, похожій лицомъ на царя Петра Алексѣевича, и указывалъ рукою впередъ. Передъ нимъ, вправо, Преображенской и Семеновской гвардіи отрядъ направлялся къ скиту среди темнаго лѣса. Вверху на

горахъ съ тремя пещерами молились иноки. Солдаты, руководимые синими бѣсами, взбирались вверхъ по горному склону. Внизу подпись: «Тогда пошлетъ въ горы и вертепы, и пропасти земные полки свои бѣсовскіе, дабы искать укрывшихся отъ глазъ его и тѣхъ привести на поклоненіе себѣ». На другой картинкѣ солдаты разстрѣливали связанныхъ старцевъ: «Оружіемъ отъ діавола падутъ».

За дощатой перегородкой въ сосѣдномъ чуланѣ все еще вздыхала и плакала баба Алена, молясь Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Тихонъ положилъ книгу, опустился на колѣни передъ образомъ. Но молиться не могъ. Тоска напала на него, какой онъ еще никогда не испытывалъ. Пламя догорѣвшей лампы, въ послѣдній разъ вспыхнувъ, потухло. Наступила тьма. И что-то подползало, подкрадывалось въ этой тьмѣ, хватало его за горло темною, теплою, мягкою, словно косматою, лапою. Онъ задыхался. Холодный потъ выступалъ на тѣлѣ. И опять ему казалось, что онъ летитъ стремглавъ, проваливается въ черную тьму, какъ зіяющую бездну—пасть самого Звѣря. «Все равно», подумалъ онъ, и вдругъ нестерпимымъ свѣтомъ загорѣлась въ сознаниіи мысль: все равно, какой изъ двухъ путей онъ выберетъ, куда пойдетъ—на востокъ или западъ; и здѣсь, и тамъ, на послѣднихъ предѣлахъ востока и запада—одна мысль, одно чувство: скоро конецъ. *Ибо какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Сына человѣческаго.* И въ немъ какъ будто сверкнула эта послѣдняя соединяющая молнія. «Ей, гряди, Господи Іисусе!» воскликнулъ онъ, и въ то же мгновеніе въ концѣ кельи вспыхнулъ бѣлый, страшный свѣтъ. Раздался оглушительный трескъ, какъ будто небо распалось и рушилось. Это была та самая молнія, которая такъ напугала Петра, что онъ выронилъ икону изъ рукъ у подножія Венусъ. Баба Алена услышала сквозь вой, свистъ и грохотъ бури ужасный нечеловѣческій крикъ: у Тихона сдѣлался припадокъ падучей.

Онъ очнулся на кормѣ барки, куда, во время припадка, вынесли его изъ душевой кельи. Было раннее утро. Вверху

голубое небо, внизу бѣлый туманъ. Звѣзда блестяла на востокъ сквозь туманъ, звѣзда Венеры. И на островѣ Кейвусарѣ, Петербургской сторонѣ, на большой Дворянской, надъ куполомъ дома, гдѣ жилъ Бутурлинъ, «митрополитъ всепьянѣйшій», позолоченная статуя Вакха, подъ первымъ лучомъ солнца, вспыхнула огненно-красной, кровавой звѣздой въ туманѣ, какъ будто земная звѣзда обмѣнялась таинственнымъ взглядомъ съ небесною. Туманъ порозовѣлъ, точно въ тѣло блѣдныхъ призраковъ влилась живая кровь. И мраморное тѣло богини Венусъ въ средней галлерей надъ Невою сдѣлалось теплымъ и розовымъ, словно живымъ. Она улыбнулась вѣчною улыбкой солнцу, какъ будто радуясь, что солнце восходитъ и здѣсь, въ Гиперборейской полночи. Тѣло богини было воздушнымъ и розовымъ, какъ облако тумана; туманъ—живымъ и теплымъ, какъ тѣло богини. Туманъ былъ тѣломъ ея—и все было въ ней, и она во всемъ.

Тихонъ вспомнилъ свои ночныя мысли и почувствовалъ въ душѣ спокойную рѣшимость: не возвращаться къ пастору Глюку и бѣжать со старцемъ Корниліемъ.

Барка, на которой онъ лежалъ, сдвинутая бурей, уперлась кормою въ тотъ самый плотъ, гдѣ ночью шелъ разговоръ объ антихристѣ. Иванушка, успѣвшій выспаться, сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, какъ ночью, и пѣлъ ту же пѣсенку. И музыка или только призракъ музыки—заглушенные туманомъ звуки менуэта:

Покинь, Купидо, стрѣлы,
Уже мы все не цѣлы—

сливались съ унылой, протяжною пѣснью Иванушки, который, глядя на востокъ—начало дня, пѣлъ вѣчному Западу—концу всѣхъ дней:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя!
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ Западу,
Сѣкира лежитъ при корени.
Приходятъ времена послѣднія!

III.

На берегу Невы, у церкви Всѣхъ Скорбящихъ, рядомъ съ домомъ царевича Алексѣя, находился домъ царицы Марѣы Матвѣевны, вдовы своднаго брата Петрова, царя Θεодора Алексѣевича. Θεодоръ умеръ, когда Петру было десять лѣтъ. Восемнадцатилѣтняя царица прожила съ нимъ въ супружествѣ всего четыре недѣли. Послѣ его смерти она помѣшалась въ умѣ отъ горя и тридцать три года прожила въ заключеніи. Никуда не выходила изъ своихъ покоевъ, никого не узнавала. При чужеземныхъ дворахъ считали ее давно умершею. Петербургъ, который она мелькомъ видѣла изъ оконъ своей комнаты — мазанковыя зданія, построенныя «голландскою и прусскою манирою», церкви шпицомъ, Нева съ верейками и барками, каналы,—все это представлялось ей, какъ страшный и нелѣпый сонъ. А сновидѣнія казались дѣйствительностью. Она воображала, что живетъ въ Московскомъ Кремлѣ; въ старыхъ теремахъ, и что, выглянувъ въ окно, увидитъ Ивана Великаго. Но никогда не выглядывала, боялась свѣта дневного. У нея въ хоромахъ была вѣчная темнота, окна завѣшены. Она жила при свѣчахъ. Вѣковые запаны и завѣсы скрывали отъ взоровъ людскихъ послѣднюю московскую царицу. Торжественный и пышный царскій чинъ соблюдался *на Верху*. Служители далѣе сѣней не смѣли входить безъ «обсылки». Здѣсь время остановилось, и все навѣки было неподвижно—такъ, какъ во времена Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Безумная сказка сложилась въ ея больномъ умѣ, будто бы мужъ ея, царь Θεодоръ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ, у Гроба Господня, молится за Русскую землю, на которую идетъ антихристъ съ несмѣтными полчищами ляховъ и нѣмцевъ; на Руси нѣтъ царя, а тотъ царь, который и есть, не истинный; онъ—самозванецъ, оборотень, Гришка Отрепьевъ, бѣглый пушкарь, нѣмецъ съ Кукуевской Слободы; но Господь не до конца прогнѣвался на православныхъ; когда исполнятся времена и сроки, еди-

ный благовѣрный царь всея Руси, Θεодоръ, солнышко красное, вернется въ свою землю съ грозною ратью, въ силѣ и славѣ, и побѣгутъ передъ нимъ бусурманскія полчища, какъ ночь передъ солнцемъ, и сядетъ онъ вмѣстѣ съ царицею на дѣдовскій престолъ, и возстановитъ судъ и правду въ землѣ своей; весь народъ придетъ къ нему и поклонится; и низринуть будетъ антихристъ со всѣми своими нѣмцами. Тогда же скоро и міру конецъ и второе страшное пришествіе Христово. Все это близко, при дверяхъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ праздника Венеры въ Лѣтнемъ саду царица Марія пригласила Алексѣя въ домъ царицы Марѣы. Здѣсь уже не разъ бывали у нихъ тайныя свиданія. Тетка передавала ему вѣсти и письма отъ матери, опальной царицы Евдокіи Θεодоровны, во иночествѣ Елены, первой жены Петра, насильно постриженной имъ и заключенной въ Суздальско-Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Алексѣй, войдя въ домъ царицы Марѣы, долго пробирался по темнымъ бруснянымъ переходамъ, сѣнямъ, клѣткамъ, подклѣткамъ и лѣстницамъ. Всюду пахло деревяннымъ масломъ, рухлядью, ветошью, какъ будто пылью и гнилью вѣковъ. Всюду были келейки, горенки, тайнички, боковушки, чуланчики. Въ нихъ ютились старья-престарья верховыя боярыни и боярышни, комнатныя бабы, мамы, казначеи, портомои, мѣховницы, постельницы, юродивые, нищіе, странницы, государевы богомольцы, дураки и дурки, дѣвочки-сиротинки, столѣтніе сказочники-бахари и игрецы-домрачеи, которые воспѣвали былины подъ звуки заунывныхъ домръ. Дряхлые слуги въ полинялыхъ мухояровыхъ кафтанахъ, сѣдые, шершавые, точно мохомъ обросшіе, хватили царевича за полы, цѣловали его въ ручку, въ плечико. Слепые, нѣмые, хромые, сѣрые, сивые отъ старости, безликіе, слѣдуя за нимъ, скользили по стѣнамъ, какъ призраки, кишѣли, копошились, ползали въ темнотѣ переходовъ, какъ въ сырыхъ щеляхъ мокрицы. Навстрѣчу ему попался дуракъ Шамыра, вѣчно хихикавшій и щипавшійся съ дуркою Манькою. Самая древняя изъ верховыхъ боярынь, любимая царицею, такъ же какъ и она выжившая изъ ума, толстая, вся

заплывшая желтымъ жиромъ, трясущаяся, какъ студень, Сундулѣя Вахрамѣевна, повалилась ему въ ноги и почему-то завывала, причитая надъ нимъ какъ надъ покойникомъ. Царевичу стало жутко. Вспомнилось слово отца: «оный дворъ царевны Марѣы отъ набожности есть гошпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ».

Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, вступивъ въ болѣе свѣтлую и свѣжую угловую горницу, гдѣ ожидала его тетка, царевна Марья Алексѣевна. Окна выходили на голубой и солнечный просторъ Невы съ кораблями и барками. Голыя бревенчатая стѣны, какъ въ избѣ. Только въ красномъ углу кіотъ съ образами и тускло теплившеюся лампадкою. По стѣнамъ лавки. Сидѣвшая за столомъ тетка привстала и обняла царевича съ нѣжностью. Марья Алексѣевна одѣта была по-старинному, въ повойникѣ, шерстяномъ шушунѣ смирнаго, то-есть темнаго, вдовьяго цвѣта, съ коричневыми крапинками. Лицо у нея было некрасивое, блѣдное и одутловатое, какъ у старыхъ монахинь. Но въ злыхъ тонкихъ губахъ, въ умныхъ, острыхъ, точно колючихъ глазахъ было что-то властное и твердое, напоминавшее царевну Софью — «злое сѣмя Милославскихъ». Такъ же, какъ Софья, ненавидѣла она брата и всѣ дѣла его, «душою о старинѣ горѣла». Петръ щадилъ ее, но называлъ старою вороною за то, что она ему вѣчно каркала.

Царевна подала Алексѣю письмо отъ матери изъ Суздаля. То былъ отвѣтъ на недавнюю, слишкомъ сухую и краткую записочку сына: «Матушка, здравствуй! Пожалуй, не забывай меня въ своихъ молитвахъ». Сердце Алексѣя забилося, когда онъ сталъ разбирать безграмотныя строки съ неуклюже нацарапанными дѣтскими буквами знакомаго почерка.

«Царевичъ Алексѣй Петровичъ, здравствуй. А я, бѣдная, въ печаляхъ своихъ еле жива, что ты, мой батюшка, меня покинулъ, что въ печаляхъ такихъ оставилъ, что забылъ рожденіе мое. А я за тобою ходила рабски. А ты меня скоро забылъ. А я тебя ради по сіе число жива. А если бы не ради тебя, то бы на свѣтѣ не было меня въ такихъ напастяхъ и въ бѣдахъ, и въ нищетѣ. Горькое, горь-

кое мое житіе! Лучше бы я на свѣтъ не родилась. Не вѣдаю, за что мучаюсь. А я же тебя не забыла, всегда молюся за здоровье твое Пресвятой Богородицѣ, чтобы она сохранила тебя и во всякой бы чистотѣ соблюла. Образъ здѣсь есть Казанской Пресвятой Богородицы, по явленію построена церковь. А я за твое здоровье обѣщались и подымала образъ въ домъ свой, да сама ночью проводила, на раменахъ своихъ несла. А было мнѣ видѣніе мѣсяца Маія двадцать третіе число. Явилась пресвѣтлая и пречистая Царица Небесная и обѣщались у Господа Бога, своего Сына, упросить, да печаль мою на радость претворить. И слышала я, недостойная, отъ пресвѣтлой Жены — рекла она такое слово: «предпочла-де ты мой образъ и проводила до храма моего, и я-де тебя возвеличу и сына-де твоего сохраню». А ты, радость моя, чадо мое, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ своемъ. Отпиши, другъ мой, Олешенька, хоть едину строчку, утоли мое рыданіе слезное, дай хоть мало мнѣ отдохнуть отъ печали, помилуй мать свою и рабу, пожалуй, отпиши! Рабски тебѣ кланяюся».

Когда Алексѣй дочиталъ письмо, царевна Марья отдала ему монастырскіе гостинцы—образокъ, платочекъ, вышитый шелками собственною рукою смиренной инокини Елены, да двѣ липовыя чашечки, «чѣмъ водку пьютъ». Эти жалобные подарки больше тронули его, нежели письмо.

— Забылъ ты ее,—произнесла Марья, глядя ему прямо въ глаза.—Не пишешь и не посылаешь ей ничего.

— Опасаюсь,—молвилъ церевичъ.

— А что?—возразила она съ живостью, и острые глаза точно укололи его.—Хотя бы тебѣ и пострадать? Ничего! Вѣдь за мать, не за кого иного...

Онъ молчалъ. Тогда она начала ему рассказывать шопотомъ на ухо, что слышала отъ пришедшаго изъ обители Суздальской юрода Михайла Босого: тамошняя радость обвеселила, тамъ не прекращаются видѣнія, знаменія, пророчества, гласы отъ образовъ; архіерей новгородскій Іовъ сказываетъ: «тебѣ въ Питербурхѣ худо готовится, только Богъ тебя избавить, чаю; увидишь, что у васъ будетъ».

И старцу Виссаріону, что живеть въ Ярославской стѣнѣ замурованъ, было откровеніе, что скоро перемѣнѣ быть: «либо государь умреть, либо Питербурхъ разорится». И епископу Досіею Ростовскому явился св. Дмитрій-царевичъ и предрекъ, что нѣкоторое смятеніе будетъ и скоро совершится.

— Скоро! Скоро!—заклѣчила царевна.—Много вопіющихъ: «Господи мсти и дай *совершенство* и дѣлу конецъ!»

Алексѣй зналъ, что «совершенство» — значитъ смерть отца.

— Попомни меня!—воскликнула Марья пророчески.— Питербурхъ недолго за нами будетъ. Быть ему пусту!

И взглянувъ въ окно на Неву, на бѣлые домики среди зеленыхъ болотистыхъ топей, повторила злорадно:

— Быть пусту, быть пусту! Къ чорту въ болото провалится! Какъ выросъ, такъ и сгинетъ, грибокъ поганый. И мѣста его не найдутъ, окаяннаго!

Старая ворона раскаркалась.

— Бабы сказки,—безнадежно махнулъ рукой Алексѣй.—Мало ли пророчествъ мы слышали? Все вздоръ!

Она хотѣла что-то возразить, но вдругъ опять взглянула на него своимъ острымъ, колючимъ взоромъ.

— Что это, царевичъ, лицо у тебя какое? Неожется, что ли? Аль пьешь?

— Пью. Насильно поять. Третьяго дня на спускѣ корабельномъ замертво вынесли. Лучше бы я на каторгѣ былъ или лихорадкою лежалъ, чѣмъ тамъ былъ!

— А ты пилъ бы лѣкарства, болѣзнь бы себѣ притворялъ, чтобы тебѣ на тѣхъ спускахъ не быть, коли вѣдаешь такой отца своего обычай.

Алексѣй помолчалъ, потомъ тяжело вздохнулъ.

— Охъ, Марьюшка, Марьюшка, горько мнѣ!.. Ужъ я чуть знаю себя отъ горести. Если бы не помогала сила Божья, едва можно человѣку въ умѣ быть... Я бы радъ хоть куды скрыться... Уйти бы прочь отъ всего!

— Куда тебѣ отъ отца уйти? У него рука долга. Вездѣ найдетъ.

— Жаль мнѣ,—продолжалъ Алексѣй,—что не сдѣлалъ такъ, какъ приговаривалъ Кикинъ, чтобы уѣхать во Фран-

цію или къ цесарю. Тамъ бы я покойнѣе здѣшняго жилъ, пока Богъ изволить. Много вѣдь нашей братьи-то бѣгствомъ спасалось. Да нѣтъ такого образа, чтобы уѣхать. Ужъ и не знаю, что со мною будетъ, тетенька, голубушка!.. Я ничему не радъ, только дай мнѣ свободу и не трогай никуда. Либо отпустить въ монастырь. И отъ наслѣдства бы отрекся, жилъ бы, отдалясь отъ всего, въ покоѣ, ушелъ бы въ свои деревнишки, гдѣ бы животъ скончатъ!

— Полно-ка ты, полно, Петровичъ! Государь вѣдь челоуѣкъ не безсмертенъ: воля Божья придетъ—умретъ. Вотъ, говорятъ, болѣзнь у него падучая, а такіе люди недолго живутъ. Дастъ Богъ совершеніе... Чаю, что не умедлится... Погоди, говорю, доведется и намъ свою пѣсенку спѣть. Тебя въ народѣ любятъ и пьютъ про твое здоровье, называя надеждою Россійскою. Наслѣдство тебя не минуетъ!

— Что наслѣдство, Марьюшка! Быть мнѣ пострижену, и не то что нынѣ отъ отца, а и послѣ него мнѣ на себя ждать того же: что Василья Шуйскаго, постригши, отдадутъ куда въ полонъ. Мое житье худое...

— Какъ же быть, соколикъ? Часъ терпѣть, вѣкъ жить. Потерпи, Алешенька!

— Долго я терпѣлъ, больше не могу!—воскликнулъ онъ съ неудержимымъ порывомъ, и лицо его поблѣднѣло.— Хоть бы ужъ одинъ конецъ! Истома пуще смерти...

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но голосъ его пресѣкся. Онъ глухо простоналъ: «О, Господи, Господи!», уронилъ руки на столъ, прижалъ къ ладонямъ лицо, стиснулъ голову пальцами и не заплакалъ, а только весь, какъ отъ нестерпимой боли, съежился. Судорога безслезнаго рыданія сотрясала все его тѣло.

Царевна Марья склонилась надъ нимъ, положила на плечо его свою маленькую твердую и властную руку; точно такія же руки были у царевны Софьи.

— Не малодушествуй, царевичъ, — проговорила она медленно, съ тихою и ласковою строгостью.— Не гнѣви Бога, не ропщи. Помни Іова: благо есть надѣяться на Господа,

понеже весь животъ нашъ и движеніе въ руцѣ Божіей. Можетъ Онъ и противными полезно намъ устроить. Аще Богъ съ кѣмъ, что сотворить тому человѣкъ? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое, Господь воздастъ за мя! Положись весь на Христа, Алешенька, другъ мой сердешненькой: выше силы не попуститъ Онъ быть искушенію.

Она умолкла. И подъ эти родные, съ дѣтства знакомые звуки молитвенныхъ словъ, подъ этою ласковою, твердою рукою, онъ тоже затихъ.

Постучались въ дверь. То Сундулѣя Вахрамѣевна пришла за ними отъ царицы Марѣы.

Алексѣй поднялъ голову. Лицо его все еще было блѣдно, но уже почти спокойно. Онъ взглянулъ на образъ съ тускло теплившеюся лампадкою, перекрестился и сказалъ

— Твоя правда, Марьюшка! Буди воля Божья во всемъ. Онъ за молитвами Богоматери и всѣхъ святыхъ, какъ хочетъ, совершитъ или разрѣшитъ о насъ, въ чемъ надежду мою имѣлъ и имѣть буду.

— Аминь!—произнесла царевна.

Они встали и пошли въ постельныя хоромы царицы Марѣы.

IV.

Несмотря на солнечный день, въ комнатѣ было темно, какъ ночью, и горѣли свѣчи. Ни одинъ лучъ не проникалъ сквозь плотно забитыя войлоками, завѣшенныя коврами окна. Въ спертomъ воздухѣ пахло роснымъ ладаномъ и гуляфною водкою—розовою водою,—куреньями, которыя клали въ печныя топли для духу. Комнату загромождали казенки, поставцы, шкафы, скрины, шкатуни, коробки, ларцы, кованые сундуки, обитые полосами луженаго желѣза подголовки, кипарисовыя укладки, со всякими мѣхами, платьями и бѣлою казною—бѣльемъ. По срединѣ комнаты возвышалось царицыно ложе подъ шатровою сѣнью — пологомъ изъ алтабаса пунцоваго съ травами блѣдно-зеленаго золота съ одѣяломъ изъ кизылбашской золотной камки на собо-

ляхъ съ горностаевою опушкой. Все было пышное, но ветхое, истертое, истлѣвшее, такъ что, казалось, должно было разсыпаться, какъ прахъ могильный, отъ прикосновенія свѣжаго воздуха. Сквозь открытую дверь видна была сосѣдняя комната—крестовая, вся залитая сіяніемъ лампадъ передъ иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, усыпанныхъ драгоценными камнями. Тамъ хранилась всякая святыня: кресты, панагіи, складни, крабицы, коробочки, ставики съ мощами; смирна, ливанъ, чудотворные меды, святая вода въ вощанкахъ; на блюдечкахъ кассія, въ сосудѣ свинцовомъ муро, освященное патріархами; свѣчи зажженные отъ огня небеснаго; песокъ Іорданскій; частицы Купины Неопалимой, дуба Мамврійскаго; млеко Пречистой Богородицы; камень лазоревый—небеса, «гдѣ стоялъ Христосъ на воздухѣ»; камень во влагалищѣ суконномъ—«отъ него благоуханіе, а какой камень, про то невѣдомо»; онучки Пафнутія Боровскаго; зубъ Антипія Великаго, отъ зубной скорби исцѣляющій, отобранный на себя Иваномъ Грознымъ изъ казны убіеннаго сына.

У ложа въ золоченыхъ креслахъ, похожихъ на «царское мѣсто», съ рѣзнымъ двуглавымъ орломъ и «коруною» на спинкѣ, сидѣла царица Марѳа Матвѣевна. Хотя зеленая муравленная печка съ узорчатыми городками и гзымзами была жарко натоплена, зябкая больная старуха куталась въ тѣлогрѣю киндячную на песцовомъ мѣху. Жемчужная рясна и поднизи свѣшивались на лобъ ея изъ-подъ золотого кокошника. Лицо было не старое, но точно мертвое, каменное: густо набѣленное и нарумяненное, по-древнему чину Московскихъ царицъ, казалось оно еще мертвеннѣе. Живы были только глаза, прозрачно-свѣтлые, но съ неподвижнымъ, какъ будто невидящимъ взоромъ; такъ смотрять днемъ ночныя птицы. У ногъ ея сидѣлъ на полу монашекъ и что-то рассказывалъ.

Когда вошелъ царевичъ съ теткою, Марѳа Матвѣевна поздоровалась съ ними ласково и пригласила послушать странничка Божья. Это былъ маленькій старичокъ съ личкомъ совсѣмъ дѣтскимъ, очень веселымъ; голосокъ у него

былъ тоже веселый, пѣвучій и пріятный. Онъ разсказывалъ о своихъ странствіяхъ, о скитскомъ житіѣ на Аѳонѣ и Соловкахъ. Сравнивая ихъ, отдавалъ предпочтеніе обители греческой передъ русскою.

— Называется обитель та Аѳонская *Садъ Пресвятой Богородицы*, на него же всегда зреть съ небесъ Матерь Пречистая, снабждаетъ и хранитъ его нерушимо. И помощью ея стоитъ онъ и цвѣтеть, и плодъ приносить, внѣшній и внутренній, внѣ—красный, внутрь—душеспасительный. И всякъ, проникнувшій въ тотъ садъ, какъ бы въ преддверіе райское, и узрѣвшій доброту и красоту его, не захочетъ вспять возвратиться. Воздухъ тамъ легкій, и высота холмовъ и горъ, и теплота, и свѣтъ солнечный и различіе древесъ и плодовъ, и близость прежеланнаго края, Іерусалима, творятъ веселіе вѣчное. Соловецкій же островъ имѣетъ уныніе и страхъ, ожесточеніе и тьму, и мразь, тартару подобный. Обрѣтается же на островѣ томъ и нечто душѣ вредящее: живутъ множество птицъ бѣлыхъ — чайки. Все лѣто плодятся, дѣтей выводятъ, гнѣзда вьютъ на землѣ при путяхъ, гдѣ ходятъ монахи въ церковь. И великая отъ птицъ сихъ тщета творится инокамъ. Первое: лишаются благоутишія. Второе: какъ видятъ ихъ бьющихся да играющихъ, да сходящихся, то мыслью плѣняются и въ страсти приходятъ. Третіе: что и жены, и дѣвицы, и монашки часто бываютъ въ обители той. Въ Аѳонской же горѣ сего соблазна нѣтъ: ни чайки не прилетаютъ, ни жены не приходятъ. Единая Жена, двумя крылами орлицы парящая—Церковь Святая, привитаетъ въ пустынѣ той сладостной, доколѣ не исполнится воля Господня и времена, кои положилъ Онъ во власти Своей, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Когда онъ кончилъ разсказъ, царица попросила выйти изъ комнатъ всѣхъ, даже Марью, и осталась наединѣ съ царевичемъ.

Она его почти не знала, не помнила, кто онъ и какъ ей родствомъ доводится, даже имя его все забывала, а звала просто внучкомъ, но любила, жалѣла какою-то странною

вѣщею жалостью, точно знала о судьбѣ его то, чего онъ самъ еще не зналъ.

Она долго смотрѣла на него молча своимъ свѣтлымъ неподвижнымъ взоромъ, словно застаннымъ пленкою, какъ взоръ ночныхъ птицъ. Потомъ вдругъ печально улыбнулась и стала тихо гладить ему рукою щеку и волосы:

— Сиротинка ты мой бѣдненькій! Ни отца, ни матери. И заступиться некому. Загрызуть овечку волки лютые, заклюютъ голубчика бѣлаго вороны черные. Охъ, жаль мнѣ тебя, жаль родненькій! Не жилецъ ты на свѣтѣ...

Отъ этого безумнаго бреда послѣдней царицы, казавшейся здѣсь, въ Петербургѣ, жалобнымъ призракомъ старой Москвы, отъ этой тлѣющей роскоши, отъ этой тихой, теплой комнаты, въ которой какъ будто остановилось время, вѣяло на царевича холодомъ смерти и ласкою самага дальняго дѣтства. Сердце его грустно и сладко заныло. Онъ поцѣловалъ мертвенно-блѣдную, исхудалую руку, съ тонкими пальцами, съ которой спадали тяжелые древніе царскіе перстни.

Она опустила голову, какъ будто задумалась, перебирая круглыя кральковыя четки: отъ тѣхъ кральковъ—коралловъ—духъ нечистый бѣгаетъ, «понеже кралекъ крестообразно растеть».

— Все мятется, все мятется, очень худо дѣется!—заговорила она опять, точно въ бреду, съ возрастающей тревогою.—Читалъ ли ты, внучекъ, въ Писаніи: *Дѣти, послѣдняя година. Слышали вы что грядеть, и нынѣ въ міръ есть уже.* Это о немъ, о сынѣ погибели, сказано. Уже пришелъ онъ ко вратамъ двора. Скоро, скоро будетъ. Ужъ и не знаю, дождусь ли, увижу ли друга сердешненькаго, солнышко мое красное, благовѣрнаго царя Θεодора Алексѣевича? Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на него, какъ приидеть онъ въ силѣ и славѣ, съ невѣрными брань сотворить, и побѣдить, и возсядетъ на престолѣ величества, и поклонятся, и воскликнуть ему всѣ народы: Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!

Глаза ея загорѣлись было, но тотчасъ вновь, какъ угли пепломъ, подернулись прежнею мутною пленкою.

— Да нѣтъ, не дождусь, не увижу! Прогнѣвила я грѣшная, Господа... Чуеть, охъ, чуеть сердце бѣду. Тошно мнѣ, внучекъ, тошнехонько... И сны-то нынче снятся все такіе недобрые, вѣщіе...

Она оглянулась боязливо, приблизила губы къ самому уху его и прошептала:

— Знаешь ли, внучекъ, что мнѣ намедни приснилось? Онъ самъ, во снѣ ли, въ видѣніи ли—не вѣдаю, а только онъ самъ приходилъ ко мнѣ; никто другой, какъ онъ!

— Кто, царица?

— Не разумѣешь? Слушай же, какъ тотъ сонъ мнѣ приснился,—можетъ, тогда и поймешь. Лежу я, будто бы, на этой самой постели и словно жду чего-то. Вдругъ—настежь дверь, и входитъ онъ. Я его сразу узнала. Рослый такой, да ражій, а кафтанишка куцый, нѣмецкій; во рту пипка, табачище тянетъ; рожа бритая, усъ кошачій. Подошелъ ко мнѣ, смотритъ и молчитъ. И я молчу: чтò-то, думаю, будетъ. И тошно мнѣ стало, скучно, такъ скучно—смерть моя... Перекреститься хочу—рука не подымается, молитву прочесть—языкъ не шевелится. Лежу какъ мертвая. А онъ за руку меня беретъ, щупаетъ. Огонь и морозъ по спинѣ. Взглянула я на образъ, а и образъ-то представляется мнѣ разными видами: будто бы не Спасовъ ликъ пречистый, а нѣмчинъ поганый: рожа пухлая, синяя, точно утопленникъ... А онъ все ко мнѣ: «Больна-де ты, говоритъ, Марѳа Матвѣевна, гораздо больна. Хочешь, я тебѣ моего дохтура пришлю? Да что ты на меня такъ воззрилась? Аль не узнала?»—Какъ, говорю, мнѣ тебя не узнать? Знаю. Мало ли мы такихъ, какъ ты, видывали!—«Кто же де я, говоритъ, скажи, коли знаешь?»—Извѣстно, говорю, кто. Нѣмецъ ты, нѣмцевъ сынъ, солдатъ-барабанщикъ.—Осклабился во всю рожу, порскнулъ на меня, какъ котъ шальной.—«Ряхнулась же ты, видно, старуха, совсѣмъ ряхнулась! Не нѣмецъ я, не барабанщикъ, а боговѣнчанный царь всея Руси, твоего же покойнаго мужа царя Θεодора сводный братъ».—Тутъ уже

злость меня взяла. Такъ бы ему въ морду и плюнула, такъ бы и крикнула: «Песъ ты, собачій сынъ, самозванецъ, Гришка Отрепьевъ, анаема,—вотъ ты кто!» Да ну его, думаю, къ шути. Что мнѣ съ нимъ браниться? И плюнуть-то на него не стоитъ. Вѣдь это мнѣ только сонъ, греза нечистая попущеніемъ Божиимъ мерещится. Дуну—и сгинетъ, рассыплется.—А коли ты царь, говорю, какъ же тебя по имени звать?—«Петръ, говоритъ, имя мое».—Какъ сказалъ онъ: «Петръ», такъ меня ровно что и осѣнило. Э, думаю, такъ вотъ ты кто! Ну, погоди же. Да не будь дура, языкомъ не могу, такъ хоть въ умѣ творю заклятіе святое: «Врагъ сатана! отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые, въ пропасти земныя, въ моря бездонныя, на горы дикія, бездомныя, безлюдныя, идѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная! изыде отъ меня въ тартараръ, въ адъ кромѣшный, въ пепло преисподнее. Аминь! Аминь! Аминь! Разсыпья! Дую на тебя и плюю!»—Какъ прочитала заклятіе, такъ онъ и сгинулъ, точно сквозь землю провалился,—нѣтъ отъ него и слѣда, только табачищемъ смердитъ. Проснулась я, вскрикнула, прибѣжала Вахрамѣевна, окропила меня святою водою, окурила ладаномъ. Встала я, пошла въ моленную, пала передъ образомъ Владычицы Пречистой Влахернскія Божіей Матери, да какъ вспомнила и вздумала обо всемъ, тутъ только и уразумѣла, кто это былъ.

Царевичъ давно уже понялъ, что приходилъ къ ней отецъ не во снѣ, а наяву. И вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, какъ бредъ сумасшедшей передается ему, заражаетъ его.

— Кто жъ это былъ, царица?—повторилъ онъ съ жаднымъ и жуткимъ любопытствомъ.

— Не разумѣешь? Аль забылъ, что у Ефрема-то въ книгѣ о второмъ пришествіи сказано: «во имя Симона *Петра* имѣетъ быть гордый князь міра сего—антихристъ». Слышишь? Имя его—Петръ. Онъ самый и есть!

Она уставила не него глаза свои, расширенные ужасомъ, и повторила задыхающимся шопотомъ:

— Онъ самый и есть. Петръ—антихристъ... антихристъ!

ТРЕТЯЯ КНИГА.

Дневникъ царевича Алексѣя.

I.

Дневникъ фрейлины Арнгеймъ.

1 мая 1714 г.

Проклятая страна, проклятый народъ! Водка, кровь и грязь. Трудно рѣшить, чего больше. Кажется, грязи. Хорошо сказалъ датскій король: «ежели московскіе послы снова будутъ ко мнѣ, построю для нихъ свиной хлѣвъ, ибо гдѣ они постоятъ, тамъ полгода жить никто не можетъ отъ смрада». По опредѣленію одного француза: «Московитъ—человѣкъ Платона, животное безъ перьевъ, у котораго есть все, что свойственно природѣ человѣка, кромѣ чистоты и разума».

И эти смрадные дикари, крещенные медвѣди, которые становятся изъ страшныхъ жалкими, превращаясь въ европейскихъ обезьянъ, себя однихъ считаютъ людьми, а всѣхъ остальныхъ—скотами. Въ особенности же къ намъ, нѣмцамъ, ненависть у нихъ врожденная, непобѣдимая. Они полагаютъ себя оскверненными нашимъ прикосновеніемъ. Лютеране для нихъ немногимъ лучше дьявола.

Ни минуты не осталась бы я въ Россіи, если бы не долгъ любви и вѣрности къ ея высочеству, моей милостивой госпожѣ и сердечному другу кронпринцессѣ Софіи Шарлоттѣ. Что бы ни случилось, я ея не покину!

Буду писать этотъ дневникъ, такъ же какъ обыкновенно говорю, по-нѣмецки, отчасти по-французски. Но нѣкоторыя шутки, пословицы, пѣсни, слова указовъ, отрывки разговоровъ, рядомъ съ переводомъ, буду сохранять и по-русски.

Отецъ мой—чистый нѣмецъ изъ древняго рода саксонскихъ рыцарей, мать — полька. За первымъ мужемъ, польскимъ шляхтичемъ, долго жила она въ Россіи, недалеко отъ Смоленска, и хорошо изучила русскій языкъ. Я воспитывалась въ городѣ Торгау, при дворѣ польской королевы, гдѣ также было много московитовъ. Съ дѣтства слышала русскую рѣчь. Говорю плохо, не люблю этого языка, но хорошо понимаю.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить сердце, когда бываетъ слишкомъ тяжело, я рѣшила вести записки, подражая болтуну изъ древней басни, который, не смѣя ввѣрить тайны своей людямъ, нашепталъ ее болотнымъ тростникамъ. Я не желала бы, чтобы строки эти когда-либо увидѣли свѣтъ; но мнѣ отраднo думать, что онѣ попадутся на глаза единственному изъ людей, чье мнѣніе для меня всего дороже въ мірѣ—моему великому учителю, Готфриду Лейбницу.

* * *

Въ то самое время, когда думала о немъ, получила отъ него письмо. Просить разузнать о жалованьи, которое слѣдуетъ ему въ качествѣ состоящаго на русской службѣ тайнаго юстицъ-рата. Боюсь, что никогда не увидитъ онъ этого жалованья

Чуть не плакала отъ грусти и радости, когда читала письмо его. Вспоминала наши тихія прогулки и бесѣды въ галлерейхъ Зальцдаленскаго замка, въ липовыхъ аллеяхъ Герренгаузена, гдѣ нѣжные зефиры въ листьяхъ и шелестъ фонтановъ какъ бы вѣчно напѣваютъ нашу любимую пѣсенку изъ *Mercure Galant*:

Chantons, dançons, tout est tranquille

Dans cet agréable séjour.

Ah, le charmant azile!

N'y parlons que de jeux, de plaisirs et d'amours.

Вспоминала слова учителя, которымъ я тогда почти вѣрила: «Я славянинъ, какъ и вы. Мы съ вами должны радоваться, что въ жилахъ нашихъ течетъ славянская кровь. Этому племени принадлежитъ великая будущность. Россія соединить Европу съ Азіей, примирить Западъ съ Востокомъ. Эта страна—какъ новый горшокъ, еще не принявшій чужого вкуса; какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно написать все, что угодно; какъ новая земля, которая будетъ вспахана для новаго сѣва. Россія въ послѣдствіи могла бы просвѣтить и самую Европу, благодаря тому, что избѣгла бы тѣхъ ошибокъ, которыя у насъ ужъ слишкомъ вкоренились». И онъ заключилъ съ вдохновенной улыбкой: «Я, кажется, призванъ судьбою быть русскимъ Солономъ, законодателемъ новаго міра. Овладѣть умомъ одного человѣка—такого, какъ царь, и устремить его ко благу людей—значитъ больше, чѣмъ выиграть сотню сраженій!»

Увы, мой бѣдный, великій мечтатель, если бы вы знали и видѣли все, что я узнала и увидѣла въ Россіи!

Вотъ и сейчасъ, пока я пишу, печальная дѣйствительность напоминаетъ мнѣ, что я не въ сладостномъ пріютѣ Герренгаузена, этой нѣмецкой Версали, а въ глубинѣ Московской Тартаріи.

Подъ окнами слышатся крики, вопли, ругательства: это дворовые люди сосѣдки нашей, царевны Натальи Алексѣевны, дерутся съ нашими людьми. Русскіе бьютъ нѣмцевъ. Вижу,—увы!—на дѣлѣ соединеніе Азіи съ Европою, Востока съ Западомъ!

Прибѣжалъ нашъ секретарь, блѣдный, дрожащій, въ разорванномъ платьѣ, съ окровавленнымъ лицомъ. Увидѣвъ его, кронпринцесса едва не упала въ обморокъ. Послали за царевичемъ. Но онъ боленъ своей обычной болѣзью—пьянъ.

2 мая.

Мы живемъ во дворцѣ кронпринца Алексѣя, мазанковымъ домицкѣ въ два жилья съ черепичною кровлею, на самомъ берегу Невы. Помѣщеніе такъ тѣсно, что почти весь

придворный штатъ ея высочества расположился въ трехъ сосѣднихъ домахъ, нанятыхъ Сенатомъ. Въ одномъ изъ нихъ—ни дверей, ни оконъ, ни печей и никакой мебели: Ея высочеству пришлось отдѣлать его на свой счетъ и пристроить конюшню.

Вчера вернулся владѣлецъ дома, нѣкто Гидеоновъ, служащій у царевны Натальи, приказалъ выгнать нашихъ людей и выбросить вещи на дворъ. Потомъ сталъ выводить изъ конюшни лошадей ея высочества и ставить туда своихъ: Кронпринцесса велѣла сломать конюшню, дабы перенести ее на другое мѣсто. Но когда шталмейстеръ привелъ рабочихъ, Гидеоновъ послалъ туда своихъ людей, которые жестоко избили и прогнали нашихъ. Шталмейстеръ грозилъ пожаловаться царю. Гидеоновъ отвѣчалъ, смѣясь: «жалуйтесь на здоровье, а я и раньше васъ пожалуюсь!»

Хуже всего то, что онъ увѣряетъ, будто бы дѣлаетъ все по приказанію царевны. Эта царевна—старая дѣва, самое злое существо въ мірѣ. Въ глаза любезничаетъ, а за спиной, всякій разъ, какъ произноситъ имя ея высочества, плюетъ, приговаривая: «Эдакая нѣмка! Фря! Что она себѣ воображаетъ? А придется-таки ей хвостъ поджечь!»

Итакъ, наши бѣдные конюхи живутъ подъ открытымъ небомъ. Во всемъ городѣ не нашлось бы для нихъ помѣщенія и за сто червонцевъ: такая здѣсь тѣснота. Когда объ этомъ говорятъ царю, онъ отвѣчаетъ, что черезъ годъ будетъ довольно домовъ. Но тогда они уже не будутъ нужны, по крайней мѣрѣ, нашимъ людямъ, ибо, вѣроятно, большая часть ихъ отправится на тотъ свѣтъ.

* * *

Въ Европѣ не повѣрили бы, если бы узнали о бѣдности, въ которой мы живемъ. Деньги, назначенныя на содержаніе кронпринцессы, выдаются такъ не правильно и скудно, что ихъ никогда не хватаетъ. А между тѣмъ тутъ страшная дороговизна. За что въ Германіи платятъ грошъ, за то здѣсь—четыре. Мы задолжали всѣмъ купцамъ, и они намъ скоро перестанутъ вѣрить. Не говоря уже о людяхъ

нашихъ, мы иногда сами нуждаемся въ свѣчахъ, въ дровахъ, въ съѣстныхъ припасахъ. У царя ничего нельзя добыться. потому что ему все некогда. А царевичъ пьянъ.

— Свѣтъ исполненъ горечи,—сказала мнѣ сегодня ея высочество.—Начиная съ самаго дѣтства, то-есть съ шестилѣтняго возраста, я не знаю, что такое радость, и не сомнѣваюсь, что судьба готовитъ мнѣ еще большія несчастія въ будущемъ...

Глядя вдаль, какъ будто уже видя это будущее, она повторяла: «мнѣ не миновать бѣды!»—съ такимъ безнадежнымъ спокойствіемъ, что я не находила словъ для утѣшенія, только молча цѣловала ей руки.

Раздался пушечный выстрѣлъ, и мы должны были спѣшить собираться на увеселительную прогулку по Невѣ—водяную ассамблею.

Здѣсь такъ заведено, что по выстрѣлу и флагамъ, вывѣшеннымъ въ разныхъ концахъ города, всѣ барки, верейки, яхты, торншхоуты и буеры должны собираться у крѣпости. За неявку—штрафъ.

Мы тотчасъ отправились на нашемъ буерѣ съ десятью гребцами и долго развѣзжали съ прочими лодками взадъ и впередъ по Невѣ, постоянно слѣдуя за адмираломъ, не смѣя ни отставать, ни обгонять, тоже подъ штрафомъ,—здѣсь штрафы на все.

Играла музыка—трубы и валторны. Звуки повторяло эхо крѣпостныхъ бастіоновъ.

Намъ и безъ того было грустно. А холодная, блѣдно-голубая рѣка съ плоскими берегами, блѣдно-голубое, какъ ледъ, прозрачное небо, сверканіе золотого шпица на церкви Петра и Павла, деревянной, выкрашенной въ желтую краску, подъ мраморъ, унылый бой курантовъ,—все наводило еще большую грусть, особенную, какой никогда нигдѣ я не испытывала, кромѣ этого города.

Между тѣмъ видъ его довольно красивъ. Вдоль низкой набережной, убитой черными смолеными сваями,—блѣдно-розовые кирпичные дома затѣйливой архитектуры, похожіе на голландскіе кирпичи, съ острыми шпицами, слухо-

выми окнами на высокихъ крышахъ и огромными рѣшетчатыми крыльцами. Подумаешь, настоящій городъ. Но тутъ же рядомъ — бѣдныя лачужки, крытыя дерномъ и берестою; дальше — топь да лѣсъ, гдѣ еще водятся олени и волки. На самомъ взморьѣ — вѣтряныя мельницы, точно въ Голландіи. Все свѣтло-свѣтло, ослѣпительно и блѣдно, и грустно. Какъ будто нарисованное или нарочно сдѣланное. Кажется, спишь и видишь небывалый городъ во снѣ.

Царь, со всѣмъ своимъ семействомъ въ особомъ буерѣ, стоялъ у руля и правилъ. Царицы и принцессы въ канифасныхъ кофточкахъ, красныхъ юбкахъ и круглыхъ клеенчатыхъ шляпахъ — все «на голландскій манеръ» — настоящія саардамскія корабельщицы. «Я приучаю семейство мое къ водѣ, — говоритъ царь, — кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ».

Онъ почти всегда беретъ ихъ съ собою въ плаванье, особенно въ свѣжую погоду, запираетъ наглухо въ каюту и все лавируетъ противъ вѣтра, пока хорошенько не укачаетъ ихъ и, *salvo honore*, не выветъ, — тутъ только онъ доволенъ!

Мы боялись, какъ бы не рѣшили ѣхать въ Кроншлотъ. Участники одной изъ подобныхъ прогулокъ въ прошломъ году не могутъ ее вспомнить безъ ужаса: застигнутые бурей, они едва не утонули, попали на мель, просидѣли нѣсколько часовъ по поясъ въ водѣ, наконецъ, добрались до какого-то острова, развели огонь и совершенно голые — мокрое платье должны были снять — покрылись добытыми у крестьянъ суровыми санными одѣялами и такъ провели всю ночь, грѣясь у костра, безъ питья, безъ пищи, новые Робинзоны

На этотъ разъ судьба насъ помиловала: на адмиральскомъ буерѣ спущенъ былъ красный флагъ, что означало конецъ прогулки.

Мы возвращались каналами, осматривая городъ.

Каналовъ здѣсь множество. «Если Богъ продлитъ мнѣ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ!»

хвастаетъ царь. «Управить все, какъ въ Голландіи водится»—обычныя слова указовъ о строеніи города.

У царя страсть къ прямымъ линіямъ. Все прямое, правильное кажется ему прекраснымъ. Если бы возможно было, онъ построилъ бы весь городъ по линейкѣ и циркулю. Жителямъ указано «строиться линейно, чтобы никакое строеніе за линію или изъ линіи не строилось, но чтобъ улицы и переулки были ровны и изрядны». Дома, выходящіе за прямую линію, ломаютъ безжалостно.

Гордость царя—безконечно длинная, прямая, пересѣкающая весь городъ, «Невская перспектива». Она совсѣмъ пустынная среди пустынныхъ болотъ, но уже обсажена тощими липками, въ три, четыре ряда, и похожа на аллею. Содержится въ большой чистотѣ. Каждую субботу подметаютъ ее плѣнные шведы.

Многіе изъ этихъ геометрически правильныхъ линій воображаемыхъ улицъ—почти безъ домовъ. Торчатъ только вѣхи. На другихъ, уже обстроенныхъ, видны слѣды плуговъ, борозды недавнихъ пашень.

Дома возводятся, хотя изъ кирпичей, приготовленныхъ «по Витрувіеву наставленію», но такъ поспѣшно и непрочны, что грозятъ паденіемъ. Когда проѣзжаютъ по улицѣ, они трясутся: болотистая почва—слишкомъ зыбкая. Враги царя предсказываютъ, что когда-нибудь весь городъ провалится.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, старый баронъ Левенвольдъ, генеральный комиссаръ Лифляндіи, человѣкъ любезный и умный, рассказывалъ намъ много любопытнаго объ основаніи города.

Для возведенія первыхъ земляныхъ валовъ Петропавловской крѣпости нужна была сухая земля, а ея поблизости не было—все болотная тина да мохъ. Тогда придумали таскать къ бастіонамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ куляхъ, рогожахъ и даже просто въ полахъ платья. При этой Сизифовой работѣ двѣ трети несчастныхъ погибло, въ особенности вслѣдствіе безбожнаго воровства и мошенничества тѣхъ, кому поручено было ихъ содержать. По цѣлымъ мѣсяцамъ не видали они хлѣба, котораго, впро-

чемъ, иногда и за деньги трудно достать въ этомъ пустынномъ краю; питались капустой да рѣпой, страдали поносомъ, цынгою, пухли отъ голода, мерзли въ землянкахъ, подобныхъ звѣринымъ норамъ, умирали какъ мухи. Сооруженіе одной лишь крѣпости на островѣ Веселомъ—Lust-Eiland (хорошо названіе!) стоило жизни сотнѣ тысячъ переселенцевъ, которыхъ сгоняли сюда силою, какъ скотъ, со всѣхъ концовъ Россіи. Воистину, этотъ противоестественный городъ, страшный Парадизъ, какъ называетъ его царь, основанъ на костяхъ человѣческихъ!

Здѣсь ни съ живыми, ни съ мертвыми не церемонятся. Мнѣ собственными глазами случалось видѣть на Съѣстномъ рынкѣ, или у Гостиного двора, какъ мертвое тѣло рабочаго, завернутое въ рогожу, привязанное веревками къ шесту, несутъ два человѣка, а много что везутъ на дровняхъ, со всѣмъ голое, на кладбище, гдѣ зарываютъ въ землю безъ всякаго обряда. Бѣдняковъ умираетъ каждый день столько, что хоронить ихъ по-христіански некогда.

Однажды, проѣзжая въ лодкѣ по Невѣ, въ жаркій лѣтній день, замѣтили мы на голубой водѣ сѣрыя пятна: то были кучи комариныхъ труповъ—въ здѣшнихъ болотахъ ихъ множество. Они плыли изъ Ладожскаго озера. Одинъ изъ нашихъ гребцовъ зачерпнулъ ихъ полную шляпу.

Слушая рассказы Левенвольда о строеніи Петербурга, я закрыла глаза, и мнѣ представилось, что трупы людей, сѣрыхъ-сѣрыхъ, маленькихъ, безчисленныхъ, какъ эти кучи комариныхъ труповъ, плывутъ по Невѣ безъ конца—и никто ихъ не знаетъ, не помнитъ.

Вернувшись домой, сѣла писать дневникъ, въ моей крошечной комнаткѣ, настоящей птичьей клѣткѣ, въ мезанинѣ, подъ самою крышею.

Было душно. Я открыла окно. Запахло весенней водою, дегтемъ, сосновыми стружками. На самомъ берегу Невы двое плотниковъ, молодой и старый, чинили лодку. Слышался стукъ молотковъ и протяжная, грустная пѣсня, которую пѣлъ молодой очень медленно, повторяя все одно и то же.

Вотъ нѣсколько словъ этой пѣсни, насколько я могла ихъ слышать:

Какъ во городѣ, во Санктптерѣ,
Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Молодой матросъ корабли снастилъ.

Глядя на вечернее, блѣдно-зеленое, какъ ледъ, прозрачное и холодное небо Парадиза, я слушала грустную пѣсню, подобную плачу, и мнѣ самой хотѣлось плакать.

3 мая.

Сегодня ея высочество была у царицы, жаловалась на Гидеонова, просила также о болѣе правильной выдачѣ денегъ. Я присутствовала при свиданіи.

Царица, какъ всегда, любезна.

— *Saarische Majestät Euch sehr lieb*,—сказала она, между прочимъ, кронпринцессѣ на своемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Ей-ей, царское величество васъ очень любитъ: «Истинно, говоритъ, Катерина, твоя невѣстка зѣло пригожа, какъ станомъ, такъ и нравомъ.—Ваше величество, говорю, ты любишь свою дочь больше меня.—Нѣтъ, говоритъ, а самъ смѣется,—не больше, но скоро буду такъ же любить. Сынъ мой, говоритъ, право, не стоитъ такой доброй жены».

Изъ этихъ словъ мы могли понять, что царь не очень-то любитъ царевича.

Когда ея высочество, чуть не со слезами, стала просить за мужа, царица обѣщала быть его заступницей, все съ тою же любезностью, увѣряя, что «любить ее, какъ свое родное дитя, и что если бы носила ее подъ сердцемъ, то не могла бы сильнѣе любить».

Не нравится мнѣ эта русская приторность; боюсь, какъ бы тутъ не оказался медъ на остреѣ ножа.

Кажется, впрочемъ, и ея высочество себя не обманываетъ. Однажды, при мнѣ выразилась она, что царица «хуже всѣхъ»—*pire que tout le reste*.

Сегодня, возвращаясь домой со свиданія, замѣтила:

— Она никогда не проститъ мнѣ, если у меня родится сынъ.

Одна старая женщина изъ простаго народа, когда зашла у насъ рѣчь о царицѣ, шепнула мнѣ на ухо: «не подобаесть ей на царствѣ быть—вѣдь она не природная и не русская; и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята: приведена подъ знамя въ одной рубахѣ и отдана подъ карауль; караульный, нашъ же офицеръ, надѣлъ на нее кафтанъ. Богъ знаетъ, какого она чина. Мыла, говорятъ, сорочки съ чухонками».

Я вспомнила объ этомъ сегодня, когда ея высочество, здороваясь съ царицею, по придворному этикету, хотѣла поцѣловать у нея платье. Правда, та не допустила этого—сама обняла и поцѣловала ее. Но какая все-таки насмѣшка судьбы, что принцесса Вольфенбюттельская, наслѣдница великихъ Вельфовъ, которые оспаривали корону у германскихъ императоровъ еще въ тѣ дни, когда о Гогенцоллернахъ и Габсбургахъ никто не слыхалъ,—цѣлуетъ платье у этой женщины, мывшей бѣлье съ чухонками!

4 мая.

Послѣ теплыхъ, какъ будто лѣтнихъ дней, вдругъ опять зима. Холодъ, вѣтеръ, мокрый снѣгъ съ дождемъ. По Невѣ идетъ ладожскій ледъ. Говорятъ, впрочемъ, что здѣсь выпадаетъ снѣгъ и въ іюнѣ.

Нашъ «дворецъ» доведенъ до такого запущенія, что крыша оказалась дырявою, и сегодня ночью, во время сильнаго дождя, въ спальнѣ ея высочества текло съ потолка, хорошо еще, что мимо постели. На полу образовалась лужа.

Потолокъ украшенъ аллегорической живописью: пылающій жертвенникъ, увитый розами; по бокамъ купидоны съ двумя гербами—русскимъ орломъ и брауншвейгскимъ конемъ; между ними двѣ соединенныя руки съ надписью: «Non unquam junxit nobiliora fides.—Никогда болѣе благородныхъ не соединяла вѣрность». Какъ разъ на жертвенникѣ выступило черное пятно отъ сырости, и съ пламени Гименея капала грязная, холодная вода.

Припомнилась мнѣ свадебная рѣчь археолога Экгарта, въ которой доказывалось, что женихъ и невѣста происходятъ отъ Византійскаго императора Константина Порфиророднаго. Хороша страна, гдѣ каплетъ едва не на брачное ложе Порфирородной наслѣдницы!

5 мая.

Явился, наконецъ, кронпринцъ съ другой половины дома, гдѣ живетъ отдѣльно отъ насъ, такъ что мы не видимъ его иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Произошло объясненіе. Я слышала все изъ сосѣдней комнаты, гдѣ должна была остаться по желанію ея высочества.

На всѣ ея просьбы и жалобы по Гидеоновскому дѣлу, по невыдачѣ денегъ, онъ отвѣчалъ, пожимая плечами:

— *Mich nichts angehn. Bekümmere mich nich an Sie.*— Это меня не касается. Мнѣ до васъ дѣла нѣтъ!

Потомъ разразился упреками за то, что она, будто бы, наговариваетъ на него отцу.

— Какъ вамъ не стыдно?—заплакала ея высочество.— Пощадите хоть собственную честь! Въ Германіи нѣтъ такого сапожника или портного, который позволилъ бы такъ обращаться со своею женою...

— Вы въ Россіи, не въ Германіи.

— Я это слишкомъ чувствую. Но если бы исполнено было все, что обѣщано...

— Кто обѣщаль?

— Не вы ли сами, вмѣстѣ съ царемъ, подписывали брачный договоръ?

— *Halten Maul! Ich Sie nichts versprochen.* — Заткните глотку! Ничего я вамъ не обѣщаль. Вы отлично знаете, что мнѣ навязали васъ на шею!

Онъ вскочилъ и опрокинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ.

Я готова была броситься на помощь къ ея высочеству. Мнѣ казалось, что онъ ее ударить. Я его такъ ненавидѣла въ эту минуту, что, кажется, убила бы.

— Das danke Ihnen der Henker!—Да наградить васъ за это палачъ!—воскликнула кронпринцесса, внѣ себя отъ гнѣва и горя.

Съ непристойнымъ ругательствомъ онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Кажется, въ этомъ человѣкѣ воплотилось все дикое и подлое, что только есть въ этой дикой и подлой странѣ. Одного не могу рѣшить, кто онъ въ большей мѣрѣ—дуракъ или негодяй?

Бѣдная Шарлотта! — ея высочество, которая съ каждымъ днемъ оказываетъ мнѣ все бѣольшую дружбу не по заслугамъ, сама просила, чтобы я ее называла такъ,—бѣдная Шарлотта! Когда я подошла къ ней, она кинулась въ мои объятія и долго не могла произнести ни слова, только вся дрожала. Наконецъ сказала, рыдая:

— Если бы я не была беременна и могла добрымъ путемъ возвратиться въ Германію, я согласилась бы съ радостью питаться тамъ черствымъ хлѣбомъ и водою! Я почти съ ума схожу отъ горя, не знаю, что говорю и дѣлаю. Молю Бога, чтобы Онъ меня укрѣпилъ, и чтобы отчаянье не довело меня до чего-нибудь ужаснаго!

Потомъ прибавила уже съ тихими слезами и съ обыкновенною покорностью, которая иногда меня пугаетъ въ ней больше всякаго отчаянья:

— Я—несчастливая жертва семьи, которой не принесла я ни малѣйшей пользы, а сама умираю отъ горя медленной смертью...

* * *

Мы еще обѣ плакали, когда пришли сказать, что пора ѣхать на маскарадъ. Глотая слезы, мы стали наряжаться въ маски. Таковъ здѣсь обычай: хочешь, не хочешь, а веселись, когда приказано.

Маскарадъ былъ на Троицкой площади, у кофейнаго дома, «австеріи», подъ открытымъ небомъ. Такъ какъ это мѣсто—низкое, болотистое, съ никогда не просыхающею грязью, то часть площади устлали бревнами и сверху досками;

образовался помостъ, на которомъ и толпились маски. Къ счастью, погода опять внезапно измѣнилась: вечеръ былъ тихій и теплый. Но къ ночи съ рѣки поднялся туманъ, густой-густой, бѣлый какъ молоко, и окуталъ всю площадь. Многіе, особенно дамы въ слишкомъ легкихъ нарядахъ, простуживались отъ сырости, чихали и кашляли. Въмѣсто лѣкарства поили ихъ водкою. Гренадеры, по обыкновенію, разносили ее въ ушатахъ. Въ бѣломъ облакѣ тумана, освѣщеннаго зеленоватымъ свѣтомъ долгой зари—позже, въ іюлѣ, здѣсь заря во всю ночь—всѣ эти маски—арлекины, скарамуши, паяцы, пастушки, нимфы, китайцы, арабы, медвѣди, журавли, драконы—казались смѣшными и страшными призраками.

Тутъ же, рядомъ съ помостомъ, гдѣ мы танцовали, виднѣлись черные колья съ желѣзными спицами, на которыхъ торчали мертвые, почти истлѣвшія головы казненныхъ. Въ смолистомъ запахѣ весенней хвои, березовыхъ почекъ, которымъ теперь наполненъ весь городъ, чудился мнѣ смрадъ этихъ головъ. И опять казалось, какъ постоянно здѣсь кажется, что все это—сонъ.

6 мая.

Неожиданное примиреніе. Подойдя къ полуоткрытой двери въ комнату ея высочества, я увидѣла нечаянно въ зеркалѣ, что она сидитъ въ креслѣ, а кронпринцъ, наклонившись къ ней и держа голову ея обѣими руками, цѣлуетъ въ лобъ съ почительной нѣжностью. Я хотѣла было скрыться, но она, замѣтивъ меня тоже въ зеркалѣ, сдѣлала мнѣ знакъ рукою. Я поняла, что она приказываетъ мнѣ остаться въ сосѣдней комнатѣ. Бѣдняжкѣ хотѣлось, должно-быть, похвастать своимъ счастьемъ.

— Der Mensch, der sagen, ich Sie nicht liebe habe, lügt wie Teuffel!—Кто говоритъ, что я васъ не люблю, лжетъ, какъ дьяволъ!—говорилъ царевичъ, какъ я догадалась, объ одной изъ тѣхъ презрѣнныхъ сплетенъ насчетъ ея высочества, которыхъ здѣсь ходитъ множество (ее обвиняютъ даже въ измѣнѣ мужу).—Я вамъ вѣрю, знаю, что вы дс-

брая, а тѣ, кто говорить о васъ дурно, не стоятъ вашего мизинца...

Онъ разспрашивалъ ее о дѣлахъ, непріятностяхъ, объ ея здоровьѣ, беременности, съ такимъ участіемъ, и слова и черты его лица полны были такимъ умомъ и добротою, что, казалось, предо мною совсѣмъ другой человѣкъ. Я глазамъ и ушамъ своимъ не вѣрила, вспоминая то, что вчера еще происходило въ этой самой комнатѣ.

Когда онъ ушелъ, и мы остались однѣ, Шарлотта сказала мнѣ.

— Удивительный человѣкъ! Онъ вовсе не то, чѣмъ кажется. Никто его не знаетъ. Какъ онъ любитъ меня! Ахъ, милая Юльяна, только бы любовь — и все хорошо, все можно вынести... Когда у меня родится ребенокъ— молю Бога, чтобъ сынъ—я буду совсѣмъ счастлива!

Я не возражала; у меня не хватило бы духу разувѣрять ее; она была уже и теперь такъ счастлива. На долго ли? Бѣдная, бѣдная!

* * *

Можетъ-быть, я несправедлива къ царевичу? можетъ-быть, онъ, дѣйствительно, «не то, чѣмъ кажется»?

Это самый скрытный изъ людей. Когда не пьянъ, сидитъ, запершись, со своими старыми книгами и рукописями; изучаетъ, говорятъ, всемірную исторію, теологію, не только русскую, но и католическую и протестантскую, разъ восемь, будто бы, прочелъ нѣмецкую Библію; или бесѣдуетъ съ монахами, странниками, старцами, людьми самаго низкаго званія.

Одинъ изъ его служителей, Федоръ Эварлаковъ, молодой человѣкъ, не глупый и тоже большой любитель чтенія— онъ беретъ у меня всякія книги, даже латинскія—сказалъ мнѣ однажды о кронпринцѣ слова, которыя я тогда же записала по-русски въ памятную книжку, подарокъ Лейбница, которую всегда ношу съ собою:

— Царевичъ имѣетъ великое горячество къ попамъ, и попы—къ нему, и почитаетъ ихъ, какъ Бога; а они его

всѣ святымъ называютъ, и въ народѣ жъ ими всегда блажимъ.

Помню, Лейбницъ мнѣ рассказывалъ, что, представившись царевичу, лѣтомъ 1711 года въ Вольфенбюттелѣ, въ герцогскомъ замкѣ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о своемъ любимомъ предметѣ—соединеніи Востока съ Западомъ, Китая и Россіи съ Европою—и затѣмъ прислалъ ему, черезъ его воспитателя, барона Гюйсена, извлеченіе изъ писемъ о китайскихъ дѣлахъ. Лейбницъ утверждалъ, что, наперекоръ всему, что говорятъ о царевичѣ, онъ очень уменъ; но умъ у него совсѣмъ иной, чѣмъ у отца. «Должно-быть, въ дѣда», замѣтилъ Лейбницъ.

Ея высочество показывала мнѣ копію съ письма Королевской Берлинской Академіи Наукъ къ герцогу Людвигу Рудольфу Вольфенбюттельскому, отцу Шарлотты. Въ письмѣ этомъ говорится о предстоящей возможности распространить истинное христіанское просвѣщеніе въ Россіи, «благодаря особой и чрезвычайной склонности наслѣднаго принца къ наукамъ и книгамъ».

Видѣла я также отчетъ о засѣданіи той же Берлинской Академіи въ 1711 году, гдѣ одинъ изъ членовъ ея, конректоръ Фришъ заявилъ: *наслѣдникъ царя еще больше любитъ науки, чѣмъ самъ царь, и будетъ имъ въ свое время не меньше покровительствовать.*

Странно! Когда я сегодня смотрѣла на нихъ обоихъ въ зеркалѣ,—точно въ волшебномъ «зеркалѣ гаданій»,—мнѣ почудилось въ этихъ двухъ лицахъ, такихъ различныхъ, одна черта сходства—тѣнь какой-то предчувственной грусти, какъ будто оба они жертвы, и обоимъ предстоитъ великое страданіе. Или это мнѣ только такъ показалось въ темномъ зеркалѣ?

8 мая.

Присутствовали въ Адмиралтействѣ при спускѣ большого семидесятипушечнаго корабля. Царь, одѣтый какъ простой плотникъ, въ красной вязаной фуфайкѣ, запачканной дегтемъ, съ топоромъ въ рукахъ, лазилъ между подпорками подъ самый киль, осматривая, все ли въ порядкѣ,

не обращая вниманія на опасность—недавно, при спускѣ, два человѣка были убиты. «Тружусь, какъ Ной, надъ ковчегомъ Россіи», припомнились мнѣ слова царя. Снявъ шляпу передъ великимъ адмираломъ, какъ подчиненный предъ начальникомъ, онъ спросилъ, пора ли начинать, и, получивъ приказаніе, сдѣлалъ первый ударъ топоромъ. Сотни другихъ топоровъ начали рубить подпорки; въ то же время снизу отдернули балки, державшія корабль съ обѣихъ сторонъ на штапелѣ. Онъ скользилъ съ намазанныхъ жиромъ полозьевъ, сначала медленно, потомъ полетѣлъ какъ стрѣла, такъ что полозья сломались вдребезги, и поплылъ по водѣ, качаясь и впервые разсѣкая волны, при громѣ музыки, пушечной пальбѣ и кликахъ народа.

Мы сѣли въ шлюпки и поѣхали на новый корабль. Царь былъ уже тамъ. Переодѣвшись въ мундиръ морского шаутбенахта—чинъ, въ которомъ онъ теперь состоитъ — со звѣздою и голубою орденскою лентою черезъ плечо, принималъ онъ гостей. Стоя на палубѣ, окрестили новорожденного первымъ кубкомъ вина. Царь произнесъ рѣчь. Вотъ отдѣльные слова, которыя мнѣ припоминаются:

— Нашъ народъ, какъ дѣти, которыя за азбуку не примутся, пока приневолены не будутъ, и которымъ сперва досадно кажется, а какъ выучатся, то благодарятъ,—что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ли неволью сдѣлано? и уже благодареніе слышится за многое, отъ чего и плодъ произошелъ. Не принявъ горькаго, не видать и сладкаго...

— Не корми колачомъ, да не бей въ спину кирпичомъ!— замѣтилъ одинъ изъ шутовъ, старыхъ бояръ, должно-быть, уже пьяный, своему сосѣду на ухо, шопотомъ, какъ разъ у меня за спиной.

— Имѣемъ,—продолжалъ царь,—образцы другихъ просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ, которые также начинали съ малаго. Пора и намъ за свое приниматься, сперва за малое, а потомъ будутъ люди, кои не оставятъ и великихъ дѣлъ. Вѣдаю, что самъ не совершу и не увижу сего, ибо долготя дней ненадежна, — однако начну, да будетъ другимъ

послѣ меня легче сдѣлать. А съ насъ довольно нынѣ и сей единой славы, что мы начинаемъ...

Я любовалась царемъ. Онъ былъ прекрасенъ.

Спустились въ каюты. Дамы сѣли отдѣльно отъ кавалеровъ, въ смежной залѣ, куда во время пира не смѣлъ входить никто изъ мужчинъ, кромѣ царя. Въ перегородкѣ, раздѣлявшей обѣ залы, было небольшое круглое, задернутое красною тафтой оконце, въ родѣ люка. Я сѣла рядомъ съ нимъ: приподымая занавѣску, я могла видѣть и отчасти слышать то, что происходило въ мужскомъ отдѣленіи. Кое-что по обыкновенію записывала тутъ же въ памятную книжку.

Длинные узкіе столы, расположенные въ видѣ подковы, уставлены были холодными закусками, острыми соленьями и копченьями, возбуждающими жажду. Ёда дешевая, вина дорогія. На подобныя празднества царь выдаетъ изъ собственной казны Адмиралтейству тысячу рублей—по-здѣшнему, деньги огромныя. Садилась какъ попало, безъ соблюденія чиновъ: простые корабельщики рядомъ съ первыми сановниками. На одномъ концѣ стола возсѣдалъ шутовскій князь-папа, окруженный кардиналами. Онъ возгласилъ торжественно:

— Миръ и благословеніе всей честной кумпаніи! Во имя Отца Бахуса и Сына Ивашки Хмельницкаго, и Духа Виннаго причащайтесь! Пьянство Бахусово да будетъ съ вами!

— Аминь!—отвѣтилъ царь, исполнявшій при папѣ должность протодьякона.

Всѣ по очереди подходили къ его святѣйшеству, кланялись ему въ ноги, цѣловали руку, принимали и выпивали большую ложку перцовки: это чистый спиртъ, настоянный на красномъ индійскомъ перцѣ. Кажется, чтобы вынудить у злодѣевъ признаніе, достаточно бы пригрозить имъ этой ужасной перцовкой. А здѣсь ее должны пить всѣ, даже дамы.

Пили за здравіе всѣхъ членовъ царской семьи, кромѣ царевича съ супругою, хотя они тутъ же присутствовали.

Каждый тостъ сопровождался пушечнымъ залпомъ. Палили такъ, что стекла на одномъ окнѣ разбились.

Пьянѣли тѣмъ скорѣе, что въ вино тайкомъ подливали водку. Въ низкихъ каютахъ, набитыхъ народомъ, стало душно. Скидывали камзолы, срывали другъ съ друга парики насильно. Одни обнимались и цѣловались, другіе ссорились, въ особенности первые министры и сенаторы, которые уличали другъ друга во взяткахъ, плутовствахъ и мошенничествахъ.

— Ты имѣешь метреску, которая тебѣ вдвое коштуетъ противъ жалованья!—кричалъ одинъ.

— А рыжечки меленькіе въ сулечкѣ забылъ?—возражалъ другой.

Рыжечки были червонцы, преподнесенные ловкимъ просителемъ въ боченкѣ, подъ видомъ соленыхъ грибовъ

— А съ пеньковаго постава въ Адмиралтейство сколько хапнулъ?

— Эхъ, братцы, что другъ друга корить? Всяка жива душа колачика хочетъ. Грѣшный честень, грѣшный плутъ, яко всѣ грѣхомъ живутъ!

— Взятки не что иное, какъ акциденція.

— Ничего не брать съ просителей есть дѣло сверхъестественное.

— Однако, по закону...

— Что законъ?—дышло. Куда хочешь, туда и воротишь...

Царь слушалъ внимательно. Таковъ у него обычай: когда уже все пьяно, ставится двойная стража у дверей съ приказомъ не выпускать никого; въ то же время царь, который самъ, сколько бы ни пилъ, никогда не пьянѣетъ, нарочно ссорить и дразнить своихъ приближенныхъ; изъ пьяныхъ перебранокъ часто узнаетъ то, чего никакъ иначе не узналъ бы. По пословицѣ: когда воры бранятся, крестьянинъ получаетъ краденый товаръ. Пиръ становится розыскомъ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ поругался съ вице-канцлеромъ Шафировымъ. Князь назвалъ его жидомъ.

— Я жидъ, а ты пирожникъ—«пироги подовые!»—возразилъ Шафировъ.—Отець твой лаптемъ щи хлебаль.

Изъ-подъ бочки тебя тащили. Недорогой ты князь—взять изъ грязи да посаженъ въ князи!..

— Ахъ ты, жидъ пархатый! Я тебя на ноготокъ да щелкну, только мокренько будетъ...

Долго ругались. Русскіе вообще большіе мастера на ругань. Кажется, такого сквернословія, какъ здѣсь, нигдѣ не услышишь. Имъ зараженъ воздухъ. Въ одномъ изъ ругательствъ, и самомъ позорномъ, которое, однако, употребляютъ всѣ отъ мала до велика, слово «мать» соединяется съ гнуснѣйшими словами. Оно такъ и называется матернымъ словомъ. И этотъ народъ считаетъ себя христіаннѣйшимъ!

Истошивъ ругательства, вельможи стали плевать другъ другу въ лицо. Всѣ стояли кругомъ, смотрѣли и смѣялись. Здѣсь подобныя схватки—обычное дѣло и кончаются безъ всякихъ послѣдствій.

Князь Яковъ Долгорукій подрался съ княземъ - кесаремъ Ромодановскимъ. Эти два почтенные, убѣленные сѣдинами старца, ругаясь тоже по-матерному, вцѣпились другъ другу въ волосы, начали душить и бить другъ друга кулаками. Когда стали разнимать ихъ, они выхватили шпаги.

— Ei, dat ist nitt parmittet!—крикнулъ по-голландски царь, подходя и становясь между ними. — Протодьяконъ Петръ Михайловъ имѣетъ отъ папы указъ: «во время шумства унимать словесно и ручно».

— Сатисфакціи требую!—вопилъ князь Яковъ.—Учитель мнѣ великій афронтъ...

— Камратъ,—возразилъ царь,—на князя-кесаря гдѣ сыскать управы, кромѣ Бога? Я вѣдь и самъ человекъ подневольный, у его величества въ командѣ состою. Да и какой афронтъ? Нынѣ вся кумпанія отъ Бахуса не оскорблена. Sauffen—gauffen, напьемся—подеремся, проспимся—помиримся.

Враговъ заставили выпить штрафъ перцовкою, и скоро они, вмѣстѣ свалились подъ столъ.

Шуты галдѣли, гоготали, блевали, плевали въ лицо не только другъ другу, но и порядочнымъ людямъ. Особый хоръ, такъ называемая *весна*, изображалъ пѣніе птицъ въ

лѣсу, отъ соловья до малиновки, разными свистами, такими громкими, что звукъ отражался отъ стѣны оглушающимъ эхо. Раздавалась дикая плясовая пѣсня съ почти бессмысленными словами, напоминавшими крики на шабашѣ вѣдьмъ:

Ой, жги, ой, жги!
Шинь-пень, шиваргань!
Бей трепака,
Не жалѣй каблука!

Въ нашемъ дамскомъ отдѣленіи, пьяная старая баба-шутиха, князь-игуменья Ржевская, настоящая вѣдьма, тоже пустилась въ плясъ, задравъ подолъ и напѣвая хриплымъ съ перепоя голосомъ:

Заиграй, моя дубинка,
Завалай моя волынка!
Свекоръ съ печки свалился,
За колоду завалился.
Кабы знала, возвѣстила,
Я повыше бѣ подмостила,
Я повыше бѣ подмостила,
Свекру голову сломила.

Глядя на нее, царица, со сбившейся на бокъ прическою, вся потная, красная, пьяная, прихлопывала, притопывала: «ой, жги! ой, жги!», и хохотала, какъ безумная. Въ началѣ попойки приставала она къ ея высочеству, убѣждая пить довольно странными пословицами, которыхъ на этотъ счетъ у русскихъ множество: «Чарка на чарку—не палка на палку», «Безъ поливки и капуста сохнетъ», «И курица пьетъ». Но, видя, что кронпринцессѣ почти дурно, сжалилась, оставила ее въ покоѣ и даже потихоньку сама подливала ей, а кстати и намъ, фрейлинамъ, воды въ вино, что на подобныхъ пирахъ считается великимъ преступленіемъ.

Въ концѣ ночи—мы просидѣли за столомъ отъ шести часовъ вечера до четырехъ утра—нѣсколько разъ подошла царица къ дверямъ, вызывая царя и спрашивая.

— Не пора ли домой, батюшка?

— Ничего, Катенька! Завтра день гулящій,—отвѣчалъ царь.

Приподымая занавѣску и заглядывая въ мужское отдѣленіе, я видѣла каждый разъ что-нибудь новое.

Кто-то, шагая прямо черезъ столъ, попалъ сапогомъ въ блюдо съ рыбнымъ студнемъ. Этотъ самый студень царь только что совалъ насильно въ ротъ государственному канцлеру Головкину, который терпѣть не могъ рыбы; денщики держали его за руки и за ноги; онъ бился, задыхался и весь побагровѣлъ. Бросивъ Головкина, царь принялся за ганноверскаго резидента Вебера; ласкалъ его, цѣловалъ, одною рукою обнималъ ему голову, другою—держалъ стаканъ у рта, умоляя выпить. Потомъ, снявъ съ него парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку; подымалъ ему губы и цѣловалъ въ десна. Говорятъ, причиной всѣхъ этихъ нѣжностей было желаніе царя выпытать у резидента какую-то дипломатическую тайну. Мусинъ-Пушкинъ, котораго щекотали подъ шейю — онъ очень боится щекотки, а царь пріучаетъ его къ ней — визжалъ, какъ поросенокъ подъ ножомъ. Великій адмиралъ Апраксинъ плакалъ навзрыдь. Тайный совѣтникъ Толстой ползалъ на четверенькахъ; онъ, впрочемъ, какъ оказалось впоследствии, не былъ слишкомъ пьянъ и притворялся, чтобы больше не пить. Вице-адмиралу Крюйсѣ раскроили голову бутылкою. Князь Меншиковъ упалъ замертво со страшно посинѣвшимъ лицомъ; его растирали и приводили въ чувство, чтобы онъ не умеръ: на такихъ попойкахъ часто умираютъ. Царскаго духовника, архимандрита Ѳедоса рвало. «Охъ, смерть моя! Матерь Пресвятая Богородица!» жалобно стоналъ онъ. Князь-папа храпѣлъ, навалившись всѣмъ тѣломъ на столъ, лицомъ въ лужѣ вина.

Свистъ, ревъ, звонъ разбитой посуды, матерная брань, оплеухи, на которыя уже никто не обращалъ вниманія, стояли въ воздухѣ. Смрадь, какъ въ самомъ грязномъ кабацѣ. Кажется, если бы прямо со свѣжаго воздуха привели кого-нибудь сюда, его сразу стошнило бы.

У меня въ глазахъ темнѣло; иногда я почти теряла сознание. Человѣческія лица казались какими-то звѣринными мордами, и страшнѣе всѣхъ было лицо царя — широкое,

круглое, съ немного косымъ разрѣзомъ большихъ, выпуклыхъ, точно выпученныхъ глазъ, съ торчащими кверху острыми усиками,—лицо огромной хищной кошки или тигра. Оно было спокойно и насмѣшливо. Взоръ ясенъ и пронизателенъ. Онъ одинъ былъ трезвъ и съ любопытствомъ заглядывалъ въ самыя гнусныя тайны, обнаженныя внутренности человѣческихъ душъ, которыя выворачивались передъ нимъ наизнанку въ этомъ застѣнкѣ, гдѣ орудіемъ пытки было вино.

Князя-папу разбудили и подняли со стола. Подъ столомъ князь-кесарь тоже успѣлъ выспаться. Ихъ заставили вдвоемъ другъ противъ друга плясать, поддерживая подъ руки, такъ какъ оба едва стояли на ногахъ. Папа въ шутовской тиарѣ, вѣнчанный голымъ Ваххомъ, имѣлъ въ рукѣ крестъ изъ чубуковъ. Кесарь — въ шутовской коронѣ, со скипетромъ въ рукѣ. Царевичъ лежалъ на полу, совершенно пьяный, какъ мертвый, между этими двумя шутами, двумя призраками древняго величія — русскимъ царемъ и русскимъ патріархомъ.

Что было потомъ—не помню, да и вспоминать не хочу,—слишкомъ гадко.

На сосѣднихъ корабляхъ пробили зорю. И у насъ слышался звукъ барабана: самъ царь — онъ отличный барабанщикъ — билъ отбой. Это значило: «съ Ивашкой Хмельницкимъ (русскимъ Ваххомъ) была великая баталія, и онъ всѣхъ пошибъ». Гренадеры выносили на рукахъ пьяныхъ вельможъ, какъ тѣла убитыхъ съ поля сраженія.

Когда мы увидѣли небо, намъ показалось, что мы выходимъ, говоря высокимъ слогомъ, изъ ада, а низкимъ — изъ помойной ямы.

9 мая.

Сегодня царь съ большимъ флотомъ выѣхалъ изъ Петербурга для военныхъ дѣйствій противъ шведовъ.

20 мая.

Давно не писала дневника. Ея высочество была больна послѣ попойки. Я отъ нея не отходила. Да и что писать?

Все такъ печально, что говорить и думать не хочется. Будь, что будетъ.

25 мая.

Я не ошиблась. Миръ оказался недолгимъ. Опять пробѣжала черная кошка между царевичемъ и ея высочествомъ; опять по цѣлымъ недѣлямъ не видятся. Онъ тоже боленъ. Доктора говорятъ—чахотка. Я думаю—просто водка.

4 іюня.

Пришелъ царевичъ, одѣтый по-дорожному, въ сѣромъ нѣмецкомъ рейзерокѣ, поговорилъ о чемъ-то постороннемъ и вдругъ объявилъ:

— Adieu. Ich gehe nach Karlsbad.

Кронпринцесса такъ растерялась, что не нашлась, что сказать, даже не спросила, на долго ли. Я думала, онъ шутить. Но оказалось, почти тотчасъ, выйдя отъ насъ, царевичъ сѣлъ въ почтовую карету — и былъ таковъ. Говорятъ, въ самомъ дѣлѣ, ѣдетъ на воды лѣчиться.

И вотъ мы одни, безъ царя и царевича.

Родители ея высочества, должно-быть, повѣривъ глупымъ здѣшнимъ сплетнямъ, разсердились на нее и тоже перестали ей писать. Мы покинуты всѣми.

7 іюля.

Письмо царя къ ея высочеству:

«Я бы не хотѣлъ васъ трудить такожь противъ совѣсти моей думать; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаестество необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вѣще года, того ради, когда благоволить Богъ вамъ приспѣтъ къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ гр. Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были».

Учинили анштальтъ: приставили къ ея высочеству трехъ почти незнакомыхъ ей женщинъ, канцлершу Головкину, генеральшу Брюсъ да старую бабу-шутиху, князь-игуменью

Ржевскую, ту самую, что плясала во время попойки. Эти три мегеры не спускаютъ съ нея глазъ, «охраняютъ», или, попросту,—шпіонятъ.

Что все это значить? Чего боятся? Какого обмана? Неужели подмѣны ребенка, дѣвочки—мальчикомъ, по проискамъ тѣхъ, кто желаетъ утвердить наслѣдство за родомъ царевича? Или это чрезмѣрная любезность царицы?

Теперь мы только поняли, какъ подозрѣваютъ и ненавидятъ насъ. Вся вина Шарлотты въ томъ, что она—жена мужа своего. Отецъ противъ сына, а мы между нихъ, какъ между двухъ огней.

«Послушно исполню волю вашего величества о назначеніи трехъ женщинъ для моей охраны,—отвѣтила Шарлотта царю,—тѣмъ болѣе, что мнѣ и на умъ никогда не приходило намѣреніе обмануть ваше величество и кронпринца; посему столь странное и мною незаслуженное распоряженіе мнѣ весьма огорчительно. Казалось бы, многократно обѣщанная милость и любовь вашего величества должны были служить мнѣ залогомъ, что никто не обидитъ меня клеветою, и что виновные будутъ наказаны, какъ преступники. Прискорбно, что мои завистники и преслѣдователи имѣютъ довольно силы къ подобной интригѣ. Богъ моя надежда на чужбинѣ. И какъ всѣми я покинута, Онъ услышитъ мои сердечные вздохи и сократитъ мои страданья!»

12 іюля.

Въ 7 часу утра ея высочество благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью.

О царевичѣ ни слуху, ни духу.

1 августа.

Получено извѣстіе о побѣдѣ русскихъ надъ шведами 27 іюля при Гангутѣ; взята, будто бы, въ плѣнъ цѣлая эскадра съ шаутбенахтомъ Эрншильдомъ. Весь день трезвонъ въ колокола и пальба изъ пушекъ. Здѣсь, впрочемъ, не жалѣютъ пороха, и по поводу самыхъ ничтожныхъ побѣдъ, захвативъ три, четыре гнилыя галеры, такъ палятъ, какъ будто міръ побѣжденъ

9 сентября.

Царь вернулся въ Петербургъ. Опять пальба, точно въ осажденномъ городѣ. Мы почти оглохли. Безконечныя триумфальныя шествія, фейерверки съ хвастливыми аллегоріями: царь прославляется, какъ завоеватель вселенной, Цезарь и Александръ. Была попойка, на которой, слава Богу, насъ не было. Опять, говорятъ, напились, какъ свиньи.

13 сентября.

Дождь, слякоть. Въ окнахъ—низкое, темное, точно каменное небо. На голыхъ сучьяхъ мокрыя вороны каркаютъ. Тоска, тоска!

19 сентября.

Застала кронпринцессу плачущей надъ старыми письмами царевича, которыя онъ писалъ женихомъ. Кривыя безсвязныя буквы на протянутыхъ карандашомъ линейкахъ. Пустые комплименты, дипломатическія любезности. И она надъ ними плачетъ, бѣдняжка!

Мы узнали стороной, что царевичъ живетъ въ Карлсбадѣ *incognito*; сюда вернется не раньше зимы

20 сентября.

Чтобъ забыться, не думать о нашихъ дѣлахъ, рѣшила записывать все, что вижу и слышу, о царѣ.

Правъ Лейбницъ: «*Quanto magis hujus Principis indolem prospicio, tanto eam magis admiror.*—Чѣмъ больше наблюдаю нравъ этого государя, тѣмъ больше ему удивляюсь».

1 октября.

Видѣла, какъ царь въ адмиралтейской кузницѣ коваль желѣзо. Придворные служили ему, разводили огонь, раздували мѣхи, носили уголья, марая шелкъ и бархатъ шитыхъ золотомъ кафтановъ.

— Вотъ оно—царь такъ царь! Даромъ хлѣба не ѣсть. Лучше бурлака работаетъ! — сказалъ одинъ изъ стоявшихъ тутъ простыхъ рабочихъ.

Царь былъ въ кожаномъ передникѣ, волосы подвязаны бечевкою, рукава засучены на голыхъ, съ выпуклами мышцами, рукахъ, лицо запачкано сажею. Исполинскаго роста кузнецъ, освѣщенный краснымъ заревомъ горна, похожъ былъ на подземнаго титана. Онъ ударялъ молотомъ по раскаленному добѣла желѣзу такъ, что искры сыпались дождемъ, наковальня дрожала, гудѣла, какъ будто готовая разлетѣться вдребезги.

— Ты хочешь, государь, сковать изъ Марсова желѣза новую Россію; да тяжело молоту, тяжело и наковальнѣ!— вспомнилось мнѣ слово одного стараго боярина.

* * *

«Время, подобно желѣзу горячему, которое, ежели остынетъ, не удобно кованію будетъ», говоритъ царь. И, кузнецъ Россіи, онъ куетъ ее, пока желѣзо горячо. Не знаетъ отдыха, словно всю жизнь спѣшитъ куда-то. Кажется если бъ и хотѣлъ, то не могъ бы отдохнуть, остановиться. Убиваетъ себя лихорадочною дѣятельностью, неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ, подобнымъ вѣчной судорогѣ. Врачи говорятъ, что силы его надорваны, и что онъ проживетъ недолго. Постоянно лѣчится желѣзными Олонецкими водами, но при этомъ пьетъ водку, такъ что лѣченіе только во вредъ.

Первое впечатлѣніе при взглядѣ на него—стремительность. Онъ весь — движеніе. Не ходитъ, а бѣгаетъ. Цесарскій посоль, графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, увѣряетъ, что согласился бы лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на аудіенціи, ибо долженъ, при тучности своей бѣгать за нимъ во все это время, такъ что весь обливается потомъ, даже въ русскій морозъ. «Время яко смерть,—повторяетъ царь.—Пропущеніе времени смерти невозвратной подобно».

* * *

Его стихіи — огонь и вода. Онъ ихъ любитъ, какъ существо, рожденное въ нихъ: воду — какъ рыба, огонь — какъ

саламандра. Страсть къ пушечной польбѣ, ко всякимъ опытамъ съ огнемъ, къ фейерверкамъ. Всегда самъ ихъ зажигаетъ, лѣзетъ въ огонь; однажды при мнѣ спалилъ себѣ волосы. Говоритъ, что пріучаетъ подданныхъ къ огню сраженій. Но это только предлогъ: онъ просто любитъ огонь

Такая же страсть къ водѣ. Потомокъ московскихъ царей, которые никогда не видѣли моря, онъ затосковалъ о немъ еще ребенкомъ въ душныхъ теремахъ Кремлевскаго дворца, какъ дикій гусенышъ въ курятникѣ. Плавалъ въ игрушечныхъ лодочкахъ по водовзводнымъ потѣшнымъ прудамъ. А какъ дорвался до моря, то уже не разставался съ нимъ. Большую часть жизни проводитъ на водѣ. Каждый день послѣ обѣда спитъ на фрегатѣ. Когда боленъ, совсѣмъ туда переселяется, и морской воздухъ его почти всегда исцѣляетъ. Лѣтомъ въ Петергофѣ въ огромныхъ садахъ ему душно. Устроилъ себѣ спальню въ Монплеzirѣ, домикѣ, одна сторона котораго омывается волнами Финскаго залива; окна спальни прямо въ море. Въ Петербургѣ Подзорный дворецъ построенъ весь на водѣ, на песчаной отмели Невскаго устья. Дворецъ въ Лѣтнемъ саду также окруженъ водою съ двухъ сторонъ: ступени крыльца спускаются въ воду, какъ въ Амстердамѣ и Венеціи. Однажды зимою, когда Нева уже стала и только передъ дворцомъ оставалась еще полынья окружностью не больше сотни шаговъ, онъ и по ней плавалъ взадъ и впередъ на крошечной гичкѣ, какъ утка въ лужѣ. Когда же вся рѣка покрылась крѣпкимъ льдомъ, велѣлъ расчистить вдоль набережной пространство, шаговъ сто въ длину, тридцать въ ширину, каждый день сметать съ него снѣгъ, и я сама видѣла, какъ онъ катался по этой площадкѣ, на маленькихъ красивыхъ шлюпкахъ или буерахъ, поставленныхъ на стальные коньки и полозья. «Мы, говоритъ, плаваемъ по льду, чтобъ и зимою не забыть морскихъ экзерцицій». Даже въ Москвѣ, на святкахъ, катался разъ по улицамъ на огромныхъ саняхъ, подобіи настоящихъ кораблей съ парусами. Любитъ пускать на воду молодыхъ дикихъ утокъ и гусей, подаренныхъ ему царицею.

И какъ радуется ихъ радости! Точно самъ онъ водяная пгица.

* *

Говорить, что началъ впервые думать о морѣ, когда прочелъ сказаніе лѣтописца Нестора о морскомъ походѣ кіевскаго князя Олега подъ Царьградъ. Если такъ, то онъ воскрешаетъ въ новомъ древнее, въ чужомъ родное. Отъ моря черезъ сушу къ морю—таковъ путь Россіи.

* * *

Иногда кажется, что въ немъ слились противорѣчія двухъ родныхъ ему стихій — воды и огня — въ одно существо, странное, чуждое — не знаю, доброе или злое, божеское или бѣсовское—но не человѣческое.

* * *

Дикая застѣнчивость. Я видѣла сама, какъ на пышномъ пріемѣ пословъ, сидя на тронѣ, онъ смущался, краснѣлъ, потѣлъ, часто для бодрости нюхалъ табакъ, не зналъ, куда дѣвать глаза, избѣгалъ даже взоровъ царицы; когда же церемонія кончилась, и можно было сойти съ трона, радъ былъ, какъ школьникъ. Маркграфиня Бранденбургская рассказывала мнѣ, будто бы при первомъ свиданіи съ нею, царь — правда, тогда совсѣмъ еще юный — отвернулся, закрылъ лицо руками, какъ красная дѣвушка, и только повторялъ одно: «*Je ne sais pas m'exprimer.*—Я не умѣю говорить...» Скоро, впрочемъ, оправился и сдѣлался даже слишкомъ развязнымъ: пожелалъ убѣдиться собственноручно, что не отъ природной костлявости нѣмокъ зависитъ жесткость ихъ талій, удивлявшая русскихъ, а отъ рыбаго уса въ корсетахъ. «*Il rougirait être un peu plus poli!*—Онъ бы могъ быть повѣжливѣе», замѣтила маркграфиня. Баронъ Мантейфель передавалъ мнѣ о свиданіи царя съ королевою прусскою: «онъ былъ настолько любезенъ, что подалъ ей руку, надѣвъ предварительно довольно грязную перчатку. За ужиномъ превзошелъ себя: не ковырялъ въ зубахъ, не

рыгаль и не производилъ другихъ неприличныхъ звуковъ (il n'a ni rotê, ni peté)».

Путешествуя по Европѣ, требоваль, чтобы никто не смѣль смотрѣть на него, чтобъ дороги и улицы, когда онъ проѣзжалъ по нимъ, были пусты. Входилъ и выходилъ изъ домовъ потайными ходами. Посѣщаль музеи ночью. Однажды, въ Голландіи, когда ему нужно было пройти черезъ залу, гдѣ засѣдали члены Генеральныхъ Штатовъ, — просилъ, чтобы президентъ велѣлъ имъ повернуться спиною; а когда тѣ, изъ уваженія къ царю, отказались, — стащилъ себѣ на носъ парикъ, быстро прошелъ черезъ залу, прихожую и сбѣжалъ по лѣстницѣ. Катаясь въ Амстердамѣ по каналу и видя, что лодка съ любопытными хочетъ приблизиться, пришелъ въ такое бѣшенство, что бросилъ въ голову кормчаго двѣ пустыя бутылки и едва не раскрылъ ему черепа. Настоящій дикарь-канибаль. Въ просвѣщенномъ европейцѣ — русской лѣшій.

Дикарь и дитя. Впрочемъ, всѣ вообще русскіе — дѣти. Царь среди нихъ только притворяется взрослымъ. Никогда не забуду, какъ на сельской ярмаркѣ близъ Вольфенбюттеля герой Полтавы ѣздилъ верхомъ на деревянныхъ лошадакахъ дрянной карусели, ловилъ мѣдныя кольца палочкой и забавлялся, какъ маленькій мальчикъ.

Дѣти жестоки. Любимая забава царя—принуждать людей къ противоестественному: кто не терпитъ вина, масла, сыра, устриць, уксуса, тому онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, наполняетъ этимъ ротъ насильно. Щекочетъ боящихся щекотки. Многіе, чтобъ угодить ему, нарочно притворяются, что не выносятъ того, чѣмъ онъ любитъ дразнить.

Иногда эти шутки ужасны, особенно во время святочныхъ попоекъ, такъ называемаго славленія. «Сія потѣха святокъ,—говорилъ мнѣ одинъ старый бояринъ,—такъ происходитъ трудная, что многіе къ тѣмъ днямъ приуготовляются, какъ бы къ смерти». Таскаютъ людей на канатѣ изъ проруби въ прорубь. Сажаютъ голымъ задомъ на ледъ. Спаиваютъ до смерти

Такъ, играя съ людьми, существо иной породы, фавнъ или кентавръ, калѣчить ихъ и убиваетъ нечаянно.

Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ, наблюдая, какъ пропитываютъ терпентиномъ обнаженные мускулы трупа и замѣтивъ крайнее отвращеніе въ одномъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, царь схватилъ его за шиворотъ, пригнулъ къ столу и заставилъ оторвать зубами мускуль отъ трупа.

Иногда почти невозможно рѣшить, гдѣ въ этихъ шуткахъ кончается дѣтская рѣзвость и начинается звѣрская лютость.

* * *

Вмѣстѣ съ дикою застѣнчивостью — дикое безстыдство, особенно съ женщинами.

«Il faut que Sa Majesté ait dans le corps une légion de démons de luxure. Мнѣ кажется, что въ тѣлѣ его величества — цѣлый легионъ демоновъ похоти», говоритъ лейбъ-медикъ Блюментростъ. Онъ полагаетъ, что «скорбутика» царя происходитъ отъ другой застарѣлой болѣзни, которую получилъ онъ въ ранней молодости.

По выраженію одного русскаго изъ новыхъ, у царя — «политическое снисхожденіе къ плотскимъ грѣхамъ». Чѣмъ больше грѣховъ, тѣмъ больше рекрутъ, а они ему нужны. Для него самого любовь — «только побужденіе натуры». Сднажды, въ Англии, по поводу жалобы одной куртизанки, недовольной подаркомъ въ пятьсотъ гиней, онъ сказалъ Меньшикову: «Ты думаешь, что и я такой же мотъ, какъ ты? За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердьемъ и умомъ; а эта худо служила—самъ знаешь чѣмъ!»

Царица совсѣмъ не ревнива. Онъ рассказываетъ ей всѣ свои похождения, но всегда кончаетъ съ любезностью: «ты все-таки лучше всѣхъ, Катенька!»

О денщикахъ царя ходятъ странные слухи. Одинъ изъ нихъ, генералъ Ягужинскій, угодилъ, будто бы, царю такими средствами, о которыхъ неудобно говорить. Красавецъ Лефортъ, по слову одного здѣшняго старичка-любез-

ника, находился у царя «въ столь крайней конфиденціи интригъ амурныхъ», что они имѣли общую любовницу. Говорять, и царица, прежде чѣмъ сойтись съ царемъ, была любовницей Меншикова, который замѣнилъ Лефорта. Меншиковъ, этотъ «мужъ изъ подлости происшедшій», который, по изреченію самого царя, «въ беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ рожденъ матерью и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой»,—имѣеть надъ нимъ почти непонятную власть. Царь, бывало, бьетъ его, какъ собаку, повалить и топчетъ ногами; кажется, всему конецъ; а глядишь—опять помирились и цѣлуются. Я собственными ушами слышала, какъ царь называлъ его своимъ «Алексашею миленькимъ», «дитяткомъ сердешненькимъ» (sein Herzenskind), и тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же. Этотъ бывший уличный пирожникъ дошелъ до такой наглости, что однажды, правда, во хмелю, сказалъ царевичу: «Не видать тебѣ короны, какъ ушей своихъ. Она моя!»

8 октября.

Сегодня хоронили одну голландскую купчиху, страдавшую водянкою. Царь собственноручно сдѣлалъ ей операцію, выпустилъ воду. Она, говорятъ, умерла не столько отъ болѣзни, сколько отъ операціи. Царь былъ на похоронахъ и на поминкахъ. Пилъ и веселился. Считаетъ себя великимъ хирургомъ. Всегда носитъ готовальню съ ланцетами. Всѣ, у кого какой-нибудь нарывъ или опухоль, скрываютъ ихъ, чтобы царь не началъ ихъ рѣзать. Какое-то болѣзненное анатомическое любопытство. Не можетъ видѣть трупа безъ вскрытія. Ближайшихъ родныхъ своихъ послѣ смерти анатомируетъ.

Любитъ также рвать зубы. Выучился въ Голландіи у площадныхъ зубодеровъ. Въ здѣшней кунсткамерѣ цѣлый мѣшокъ вырванныхъ имъ гнилыхъ зубовъ.

Циническое любопытство къ страданіямъ и циническое милосердіе. Своему пажу арапчонку собственноручно вытянулъ глисту.

Во всемъ существѣ—сочетаніе силы и слабости. Это и въ лицѣ: страшные глаза, отъ одного взора которыхъ люди падаютъ въ обморокъ, глаза слишкомъ правдивые; а губы тонкія, нѣжныя, съ лукавой усмѣшкой, почти женскія. Подбородокъ мягкій, пухлый, круглый, съ ямочкой.

О прострѣленной при Полтавѣ шляпѣ намъ прожужжали уши. Я не сомнѣваюсь, что онъ можетъ быть храбрымъ, особенно въ побѣдѣ. Впрочемъ, всѣ побѣдители храбры. Но такъ ли онъ всегда былъ храбръ, какъ это кажется?

Саксонскій инженеръ Галлартъ, участвовавшій въ Нарвскомъ походѣ 1700 года, рассказывалъ мнѣ, что царь, узнавъ о приближеніи Карла XII, передалъ все управленіе войсками герцогу де-Круи, съ инструкціей, наскоро написанной, безъ числа, безъ печати, совершенно будто бы «нелѣпою» (*nicht gehauen, nicht gestochen*), а самъ удалился «въ сильномъ разстройствѣ».

У плѣннаго шведа, графа Пиппера я видѣла медаль, выбитую шведами: на одной сторонѣ царь, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ коихъ летятъ бомбы на осажденную Нарву; надпись: *Петръ стоялъ у огня и грѣлся*—съ намекомъ на апостола Петра во дворѣ Каіафы; на другой—русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы и впереди Петръ; царская корона валится съ головы, шпага брошена; онъ утираетъ слезы платкомъ; надпись гласитъ: *Вышедъ вонъ, плакалъ горько*.

Пусть все это ложь; но почему объ Александрѣ или Цезарѣ такъ и солгать никто не посмѣлъ бы?

И въ Прутскомъ походѣ случилось нѣчто странное: въ самую опасную минуту передъ сраженіемъ царь готовъ былъ покинуть войско, съ тою цѣлью, чтобы вернуться со свѣжими силами. А если не покинулъ, то только потому, что отступленіе было отрѣзано. «Никогда,—писалъ онъ Сенату,—какъ и началъ служить, въ такой дисперациіи не были». Это вѣдь тоже почти значитъ: «вышедъ вонъ, плакалъ горько».

Блюментрость говорить,—а врачи знают о герояхъ то, чего не узнаютъ потомки,—будто бы царь не выноситъ никакой тѣлесной боли. Во время тяжелой болѣзни, которую считали смертельною, онъ вовсе не былъ похожъ на героя.

«И не можно думать, — воскликнулъ при мнѣ одинъ русскій, прославлявшій царя, — чтобы великій и неустрашимый герой сей боялся такой малой гадины—таракановъ!» Когда царь путешествуетъ по Россіи, то для его ночлеговъ строятъ новыя избы, потому что трудно въ русскихъ деревняхъ отыскать жилья безъ таракановъ. Онъ боится также пауковъ и всякихъ насѣкомыхъ. Я сама однажды наблюдала, какъ при видѣ таракана онъ весь поблѣднѣлъ, задрожалъ, лицо исказилось—точно призракъ или сверхъестественное чудовище увидѣлъ; кажется, еще немного, и съ нимъ сдѣлался бы обморокъ или припадокъ, какъ съ трусливою женщиною. Если бы пошутили съ нимъ такъ, какъ онъ шутить съ другими—пустили бы ему на голое тѣло съ полдюжины пауковъ или таракановъ,—онъ, пожалуй, умеръ бы на мѣстѣ, и ужъ, конечно, историки не повѣрили бы, что побѣдитель Карла XII умеръ отъ прикосновенія тараканьихъ лапокъ.

Есть что-то поразительное въ этомъ страхѣ царя-исполина, котораго всѣ трепещутъ, передъ крошечной безвредной тварью. Мнѣ вспомнилось ученіе Лейбница о монадахъ: какъ будто не физическая, а метафизическая, первозданная природа насѣкомыхъ враждебна природѣ царя. Мнѣ былъ не только смѣшонъ, но и страшенъ страхъ его: точно я вдругъ заглянула въ какую-то древнюю-древнюю тайну.

* * *

Когда однажды въ здѣшней кунсткамерѣ ученый нѣмецъ показывалъ царицѣ опыты съ воздушнымъ насосомъ, и подъ хрустальный колокольъ была посажена ласточка, царь, видя, что задыхавшаяся птичка шатается и бьется крыльями, сказалъ:

— Полно, не отнимай жизни у твари невинной; она — не разбойникъ.

— Я думаю, дѣтки по ней въ гнѣздѣ плачутъ! — прибавила царица; потомъ, взявъ ласточку, поднесла ее къ окну и пустила на волю.

Чувствительный Петръ! Какъ это странно звучить. А между тѣмъ въ тонкихъ, нѣжныхъ, почти женственныхъ губахъ его, въ пухломъ подбородкѣ съ ямочкой что-то похожее на чувствительность такъ и чудилось мнѣ въ ту минуту, когда царица говорила своимъ сладкимъ голоскомъ съ жеманно-приторной усмѣшкой: «дѣтки по ней въ гнѣздѣ плачутъ!»

Не въ этотъ ли самый день изданъ былъ страшный указъ: «Его Царское Величество усмотрѣть соизволилъ, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, ноздри выняты малознатны; того ради Его Царское Величество указалъ вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится такимъ каторжнымъ сбѣжать, — вездѣ утаиться было не можно, и для лучшей поимки были знатныи».

Или другой указъ въ Адмиралтейскомъ Регламентѣ.

«Ежели кто самъ себя убьетъ, тотъ и мертвый за ноги повѣшенъ быть имѣетъ».

* * *

Жестокъ ли онъ? Это вопросъ.

«Кто жестокъ, тотъ не герой» — вотъ одно изъ тѣхъ изреченій царя, которымъ я не очень вѣрю: они слишкомъ — для потомства. А вѣдь потомство узнаетъ, что жалѣя ласточекъ, онъ замучилъ сестру, мучаетъ жену и, кажется, замучаетъ сына.

* * *

Такъ ли онъ простъ, какъ это кажется? Тоже вопросъ. Знаю, сколько нынче ходитъ анекдотовъ о саардамскомъ царѣ-плотникѣ. Никогда, признаюсь, не могла я ихъ слушать безъ скуки: ужъ слишкомъ всѣ они нравоучительны, похожи на картинки къ прописямъ.

«Verstellte Einfalt.—Притворная простота», сказалъ о немъ одинъ умный нѣмецъ. Есть и у русскихъ пословица: «Простота хуже воровства».

Въ грядущихъ вѣкахъ узнають, конечно, всѣ педанты и школьники, что царь Петръ самъ себѣ штопаль чулки, чинилъ башмаки изъ бережливости. А того, пожалуй, не узнають, что намедни рассказывалъ мнѣ одинъ русскій купецъ, подрядчикъ строевого лѣса.

— Великое брусье дубовое лежитъ у Ладоги, пескомъ засыпано, гниетъ. А людей за порубку дуба бьютъ плетями да вѣшаютъ. Кровь и плоть человѣчья дешевле дубоваго лѣса!

Я могла бы прибавить: дешевле дырявыхъ чулковъ.

«C'est un grand poseur! — Это большой актеръ!» сказалъ о немъ кто-то. Надо видѣть, какъ, провинившись въ нарушеніи какого-нибудь шутовскаго правила, цѣлуется онъ руку князю-кесарю:

— Прости, государь, пожалуй! Наша братія, корабельщики, въ чинахъ неискусны.

Смотришь, и глазамъ не вѣришь: не различишь, гдѣ царь, гдѣ шутъ.

Онъ окружилъ себя масками. И «царь-плотникъ», не есть ли тоже маска—«машкерадъ на голландскій маниръ»?

И не дальше ли отъ простого народа этотъ новый царь въ мнимой простотѣ своей, въ плотничьемъ нарядѣ, чѣмъ старые московскіе цари въ своихъ златотканыхъ одеждахъ?

— Нынѣ-де стало не попрежнему жестоко,—жаловался мнѣ тотъ же купецъ,—никто ни о чемъ доложить не смѣетъ, не доводятъ правды до царя. Въ старину-то было по-проще!

Царскій духовникъ, архимандритъ Феодось, однажды при мнѣ хвалилъ царя въ лицо за «диссимуляцію», которую будто бы «учителя политичные въ первыхъ царствованія полагають регулахъ».

* * *

Я не сужу его. Говорю только то, что вижу и слышу. Героя видятъ всѣ, человѣка—немногіе. А если и сосплетничаю—мнѣ простится: я вѣдь женщина. «Это человѣкъ и очень хорошій, и очень дурной», сказалъ о немъ кто-то.

А я повторяю еще разъ: лучше ли онъ, хуже людей, не знаю, но мнѣ иногда кажется, что онъ—не совсѣмъ чело-
вѣкъ.

* * *

Царь набоженъ. Самъ читаетъ Апостоль на клиросѣ, поетъ такъ же увѣренно, какъ попы, ибо всѣ часы и службы знаетъ наизусть. Самъ сочиняетъ молитвы для солдатъ.

Иногда во время бесѣдъ о дѣлахъ военныхъ и государственныхъ, вдругъ подымаетъ глаза къ небу, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и произноситъ съ благоговѣніемъ изъ глубины сердца краткую молитву: «Боже, не отними милость Свою отъ насъ впредь!» или: «О, буди, Господи, милость Твоя на насъ, яко же уповахомъ на Тя!»

Это не лицемѣріе. Онъ, конечно, вѣритъ въ Бога, какъ самъ говоритъ, «уповаетъ на крѣпкаго въ браняхъ Господа». Но иногда кажется, что Богъ его—зовсе не христіанскій Богъ, а древній языческій Марсъ или самъ рокъ—Немезида. Если былъ когда-нибудь чело-
вѣкъ, менѣе всего похожій на христіанина, то это Петръ. Какое ему дѣло до Христа? Какое соединеніе между Марсовымъ желѣзомъ и Евангельскими лиліями?

Рядомъ съ набожностью кощунство.

У князя-папы, шутовского патріарха, панагію замѣняютъ глиняныя фляги съ колокольчиками, евангеліе—книга-погребецъ со склянками водки; крестъ—изъ чубуковъ.

Во время устроенной царемъ, лѣтъ пять тому назадъ, шутовской свадьбы карликовъ, вѣнчаніе происходило при всеобщемъ хохотѣ въ церкви; самъ священникъ отъ душившаго его смѣха едва могъ выговаривать слова. Таинство напоминало балаганную комедію.

Это кощунство, впрочемъ, безсознательное, дѣтское и дикое, такъ же какъ и всѣ его остальные шалости.

* * *

Прочла весьма любопытную новую книжку, изданную въ Германіи подъ заглавіемъ:

«Curieuse Nachricht von der itzigen Religion I. K. M. in Russland Petri Alezieviz und seines grossen Réiches, dass dieselbe itzo fast nach Evangelisch-Lutherischen Grundsätzen eingetrichtet sei. — Курьезное Извѣстіе о религіи царя Петра Алексѣевича и о томъ, что она въ Россіи нынѣ почти по Евангелически-Лютеранскому закону установлена».

Вотъ нѣсколько выписокъ:

«Мы не ошибемся, если скажемъ, что Его Величество представляетъ себѣ истинную религію въ образѣ лютеранства.

«Царь отмѣнилъ патріаршество и, по примѣру протестантскихъ князей, объявилъ себя Верховнымъ Епископомъ, то-есть Патріархомъ Церкви Россійской. Возвратясь изъ путешествія въ чужія земли, онъ тотчасъ вступилъ въ диспуты со своими попами, убѣдился, что они въ дѣлахъ вѣры ничего не смыслятъ, и учредилъ для нихъ школы, чтобъ они прилежнѣе учились, такъ какъ прежде едва умѣли читать.

«И нынѣ, когда руссы разумно обучаются и воспитываются въ школахъ, всѣ ихъ суевѣрныя мнѣнія и обычаи должны исчезнуть сами собою, ибо подобнымъ вещамъ не можетъ вѣрить никто, кромѣ самыхъ простыхъ и темныхъ людей. Система обученія въ этихъ школахъ совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной евангелической религіи. Монастыри сильно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притономъ для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и опасность бунта. Теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь полезному, и все устроено похвальнымъ образомъ. Чудеса и мощи также не пользуются прежнимъ уваженіемъ: въ Россіи, какъ и въ Германіи, стали уже вѣрить, что въ этихъ дѣлахъ много наплутано».

Я знаю, что царевичъ читалъ эту книжку. Съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ ее читать?

* * *

Однажды при мнѣ, за стаканами вина, въ дубовой рощицѣ въ Лѣтнемъ саду, у дворца, гдѣ царь любитъ бесѣдовать съ духовенствомъ, администраторъ духовныхъ дѣлъ, архимандритъ Θεодось, разсуждалъ о томъ, «коихъ ради винъ и въ каковомъ разумѣ были и нарицались императоры римскіе, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, понтифексами, архіереями многобожнаго закона». Выходило такъ, что царь есть верховный архіерей, первосвященникъ и патріархъ. Очень искусно и ловко этотъ русскій монахъ доказывалъ, по Левіаѳану англійскаго атеиста «Гоббезіа» (Гоббса), *civitatem et ecclesiam eandem rem esse*, что «государство и церковь есть одно и то же», разумѣется не съ тѣмъ, чтобы преобразить государство въ церковь, а, наоборотъ, церковь въ государство. Чудовищный звѣрь-машина Левіаѳанъ проглатывалъ церковь Божію, такъ что отъ нея и слѣда не оставалось. Разсужденія эти могли бы послужить любопытнымъ памятникомъ подобострастья и лести монашеской изволенію государеву.

* * *

Говорятъ, будто бы еще въ концѣ прошлаго 1714 года, царь, созвавъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, торжественно объявилъ, что «хочетъ быть одинъ начальникомъ Россійской Церкви и предоставляетъ учредить духовное собраніе подъ именемъ Святѣйшаго Синода».

* * *

Царь замышляетъ походъ на Индію по стопамъ Александра Великаго. Подражаніе Александру и Цезарю, соединеніе Востока и Запада, основаніе новой всемірной монархіи—есть глубочайшая и сокровеннѣйшая мысль русскаго царя.

* * *

Θеодось говоритъ въ лицо государю: «Ты богъ земной». Это вѣдь и значитъ: *Divus Caesar*, Кесарь божественный, Кесарь—Богъ.

* * *

Въ Полтавскомъ тріумфѣ русскій царь представленъ былъ на одной аллегорической картинѣ въ образѣ древняго бога солнца, Аполлона.

* * *

Я узнала, что мертвыя головы, которыя торчатъ на кольяхъ у Троицкой церкви противъ Сената,—головы раскольниковъ, казненныхъ за то, что они называли царя антихристомъ.

20 октября.

На кухню къ намъ заходитъ старенькій инвалидъ-каптенармусъ. Жалобное, точно изъѣденное молью существо, съ трясущейся головою, краснымъ носомъ и деревянною ногою. Самъ себя называетъ «магазинною крысою». Я его угощаю табакомъ и водкою. Бесѣдуемъ о русскихъ военныхъ дѣлахъ.

Онъ все смѣется, говорить веселыми прибаутками: «Служилъ солдатъ сто лѣтъ, не выслужилъ ста рѣпъ; сытъ крупницей, пьянъ водицей; шиломъ бреется, дымомъ грѣется; три у него доктора: Водка, Чеснокъ да Смерть».

Поступивъ почти ребенкомъ «въ барабанную науку», участвовалъ во всѣхъ походахъ отъ Азова до Полтавы, а въ награду получилъ отъ царя горсть орѣховъ, да поцѣлуй въ голову.

Когда говорить о царѣ, то какъ будто весь преобразается.

Сегодня рассказывалъ о битвѣ у Красной Мызы.

— Стояли мы храбро за домъ Пресвятой Богородицы, за его государево пресвѣтлое величество и за вѣру христіанскую, другъ за друга умирали. Возопили всѣ великимъ гласомъ: «Господи Боже, помогай!» И молитвами московскихъ чудотворцевъ шведскіе полки, конные и пѣшіе, порубили.

Старался также передать мнѣ рѣчь царя къ войскамъ:

— «Ребятюшки, родилъ я васъ по́томъ трудовъ моихъ. Государству безъ васъ, какъ тѣлу безъ души, быть нельзя.

Вы любовь имѣли къ Богу, ко мнѣ и къ отечеству—не щадили живота своего...»

Вдругъ вскочилъ на своей деревянной ногѣ; носъ покраснѣлъ еще больше; слезинка повисла на кончикѣ, какъ на спѣлой сливѣ роса; и, махая старою шляпенкой, онъ воскликнулъ:

— Вивать! Вивать! Петръ Великій, императоръ все-россійскій!

При мнѣ еще никто не называлъ царя императоромъ. Но я не удивилась. Въ мутныхъ глазкахъ «магазинной крысы» заблестѣлъ такой огонь, что странный холодъ пробѣжалъ по тѣлу моему—какъ будто пронеслось предо мной видѣніе древняго Рима: шелестъ побѣдныхъ знаменъ, топотъ мѣдныхъ когортъ и крикъ солдатъ, привѣтствіе «Кесарю божественному»: Divus Caesar Imperator!

23 октября.

Ѣздили въ Гостиный дворъ на Троицкой площади—мазанковый длинный дворъ, построенный итальянскимъ архитекторомъ Трезина, съ черепичною кровлею и крытымъ ходомъ подъ арками, какъ гдѣ-нибудь въ Веронѣ или Падуѣ. Заходили въ книжную лавку, первую и единственную въ Петербургѣ, открытую по указу царя. Завѣдуетъ ею тередорщикъ Василій Евдокимовъ. Здѣсь, кромѣ славянскихъ и переводныхъ книгъ, продаются календари, указы, реляціи, азбуки, планы сраженій, «царскія персоны», то-есть портреты, триумфальные входы. Книги идутъ плохо. Изъ цѣлыхъ изданій въ два, три года ни одного экземпляра не продано. Лучше всего расходятся календари и указы о взяткахъ.

Случившійся въ лавкѣ цейхдиректоръ первый петербургской типографіи, нѣкій Аврамовъ, очень странный, но неглупый малый, рассказываетъ намъ, съ какими трудами переводятся иностранныя книги на русскій языкъ. Царь постоянно торопитъ и требуетъ, подъ угрозой великаго штрафа, то-есть плетей, чтобы «книга не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ».

А переводчики жалуются: «отъ зѣло спутаннаго нѣмецкаго штиля невозможно поспѣшить; вещь отнюдь невразумѣнная, стропотная и жестокая, случалось иногда, что десять строкъ въ день не могъ внятно перевести». Борисъ Волковъ, переводчикъ иностранной коллегіи, придя въ отчаяніе надъ переводомъ *Le jardinage de Quintiny* (Огородная книга) и убоясь царскаго гнѣва, перерѣзалъ себѣ жилы.

Не легко дается русскимъ наука.

Большая часть этихъ переводовъ, которые стоятъ неимовѣрныхъ трудовъ, пота и, можно сказать, крови—никому не нужна и никѣмъ не читается. Недавно множество книгъ, не проданныхъ и не помѣщавшихся въ лавкѣ, сложили въ амбаръ на оружейномъ дворѣ. Во время наводненія залило ихъ водою. Одна часть подмочена, другая испорчена коноплянымъ масломъ, которое оказалось вмѣстѣ съ книгами, а третью съѣли мыши.

14 ноября.

Были въ театрѣ. Большое деревянное зданіе, «комедіальный амбаръ», недалеко отъ Литейнаго двора. Начало представленія въ 6 часовъ вечера. «Ярлыки», входные билеты, на толстой бумагѣ, продаются въ особомъ чуланѣ. За самое послѣднее мѣсто 40 копеекъ. Зрителей мало. Если бы не дворъ, актеры умерли бы съ голоду. Въ залѣ, хотя стѣны обиты войлоками, холодно, сыро, дуетъ со всѣхъ сторонъ. Сальные свѣчи коптятъ. Дрянная музыка фальшивить. Въ партерѣ все время грызутъ орѣхи, громко щелкая, и ругаются. Играли *Комедію о Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ*, русскій переводъ нѣмецкой передѣлки французскаго Донъ-Жуана. Послѣ cadaго явленія занавѣсъ, «шпалеръ», опускался, оставляя насъ въ темнотѣ, что означало перемѣну мѣста дѣйствія. Это очень сердило моего сосѣда, камергера Бранденштейна. Онъ говорилъ мнѣ на ухо: «Какая же это, чортъ, комедія!—*Welch ein Hund von Komödie ist das!*» Я едва удерживалась отъ смѣха. Донъ-Жуанъ въ саду говоритъ соблазненной имъ женщинѣ:

«Приди, любовь моя! Вспомяни удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овощь

любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Позволь чрезъ смотрѣніе цвѣтовъ наши очи и чрезъ изрядную оныхъ воню чувствованія наши наполнить».

Мнѣ понравилась пѣсенка:

Кто любви не знаетъ,
Тотъ не знаетъ обманства.
Называютъ любовь богомъ,
Однакожь, пуще мучить, нежели смерть.

Послѣ cadaго дѣйствія слѣдовала интермедія, которая оканчивалась потасовкою.

У Бибернштейна, успѣвшаго заснуть, вытащили изъ кармана шелковый платокъ, а у молодого Левенвольда—серебряную табакерку.

Представлена была также *Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровое превращенная*.

Аполлонъ грозитъ нимфѣ:

Склоню невольно тя подъ мои руки,
Да не буду такъ страдати сей муки.

Та отвѣчаетъ:

Аще ты такъ нагло поступаешь,
То имѣти мя отнюдь да не чаешь.

Въ это время у входа въ театръ подрались пьяные конюхи. Ихъ побѣждали усмирять; тутъ же высѣкли. Слова бога и нимфы заглушались воплями и непристойною бранью.

Въ эпилогѣ появились «машины и летанія».

Наконецъ утренняя звѣзда, Фосфорусъ, объявила:

Тако сіе дѣйство будетъ скончати:
Покорно благодаримъ, пора почивати.

Намъ дали рукописную афишу о предстоящемъ въ другомъ балаганѣ зрѣлищѣ: «Съ платежомъ по полтинѣ съ персоны, итальянскія маріонеты или куклы, длиною въ два аршина, по театру свободно ходитъ и такъ искусно представляютъ будутъ, какъ почти живыя, *Комедію о Докторъ Фавстъ*. Такожъ и ученая лошадь будетъ попрежнему дѣйствовать».

Признаюсь, не ожидала я встрѣтить Фауста въ Петербургѣ, да еще рядомъ съ ученою лошадыю!

Недавно въ этомъ же самомъ театрѣ давались «Драгія смѣяныя», или «Дражайшее потѣшеніе», *Précieuses ridicules* Мольера. Я достала и прочла. Переводъ сдѣланъ, по приказанію царя, однимъ изъ шутовъ его, «Самоѣдскимъ Королемъ», должно-быть, съ пьяныхъ глазъ, потому что ничего понять нельзя. Бѣдный Мольеръ! Въ чудовищныхъ самоѣдскихъ «галантеріяхъ»—грація пляшущаго бѣлаго медвѣдя.

· 23 ноября.

Лютый морозъ съ пронзительнымъ вѣтромъ—настоящая ледяная буря. Прохожіе не успѣваютъ замѣтить, какъ отмараживаютъ носы и уши. Говорятъ, въ одну ночь между Петербургомъ и Кроншлотомъ замерзло 700 человѣкъ рабочихъ.

На улицахъ, даже въ серединѣ города, появились волки. На-дняхъ, ночью у Литейнаго двора, слѣдовательно, не далеко отъ театра, гдѣ только что играли *Дафниса и Аполлона*, волки напали на часового и свалили его съ ногъ, другой солдатъ прибѣжалъ на помощь, но тотчасъ же былъ растерзанъ и съѣденъ. Также на Васильевскомъ островѣ, близъ дворца князя Меншикова, среди бѣла дня, волки загрызли женщину съ ребенкомъ.

Не менѣе волковъ страшны разбойники. Будки, шлагбаумы, рогатки, часовые съ «большими грановитыми дубинами» и ночные караулы наподобіе гамбургскихъ, повидимому, ничуть не стѣсняють мазуриковъ. Каждую ночь—либо кража со взломомъ, либо грабежъ съ убійствомъ.

30 ноября.

Подуль гнилой вѣтеръ—и все растаяло. Непроходимая грязь. Вонь болотомъ, навозною жижей, тухлою рыбою. Повальные болѣзни—горловые нарывы, сыпныя и брюшныя горячки.

4 декабря.

Опять морозъ. Гололедица. Такъ скользко, что шагу ступить нельзя, не опасаясь сломить шею.

И такія перемѣны всю зиму.

Не только свирѣпая, но и какъ будто сумасшедшая природа.

Противоестественный городъ. Гдѣ ужъ тутъ искусствамъ и наукамъ процвѣтать! По здѣшней пословицѣ—не до жиру, быть бы живу.

10 декабря.

Ассамблея у Толстого.

Зеркала, хрустали, пудра, мушки, фижмы и фантанжи, присѣданья и шарканья—совсѣмъ какъ въ Европѣ, гдѣ-нибудь въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

Самъ хозяинъ—человѣкъ любезный и ученый. Переводить «Метаморфосеосъ, то-есть Премѣнѣнїе Овидіево» и «Никóлы Махіавеля, мужа благороднаго, флорентійскаго, увѣщанїя политическія». Танцоваль со мной менуэтъ. Говорилъ «куплименты» изъ Овидія—сравнивалъ меня съ Галатеей за бѣлизну кожи, аки мрамора, и за черные волосы, «аки цвѣтъ гїацинта». Забавный старикъ. Умница, но въ высшей степени плуть. Вотъ нѣкоторыя изреченїя этого новаго Макиавелли:

«Надобно, когда счастье идетъ, не только руками, но и ртомъ хватать, и въ себя глотать».

«Въ высокой фортунѣ жить, какъ по стеклянному полу ходить».

«Безъ мѣры много давленный цитронъ, вмѣсто вкуса, даетъ горечь».

«Вѣдать разумъ и нравъ человѣческой—великая философія; и труднѣе людей знать, нежели многія книги наизусть помнить».

Слушая умныя рѣчи Толстого—онъ говорилъ со мной то по-русски, то по-итальянски—подъ нѣжную музыку французскаго менуэта, глядя на изящное собранїе кавалеровъ и дамъ, гдѣ все было почти совсѣмъ какъ въ Парижѣ или Лондонѣ, я не могла забыть того, что видѣла только что по дорогѣ: передъ Сенатомъ, на Троицкой площади тѣ же самыя кольца съ тѣми же самыми головами казненныхъ, кото-

рыя торчали тамъ еще въ маѣ, во время маскарада. Онѣ сохли, мокли, мерзли, оттаивали, опять замерзали и все-таки еще не совсѣмъ истлѣли. Огромная луна вставала изъ-за Троицкой церкви, и на красномъ заревѣ головы чернѣли явственно. Ворона, сидя на одной изъ нихъ, клевала лохмотья кожи и каркала. Это видѣніе носилось предо мной во время бала. Азія заслоняла Европу.

Пріѣхалъ царь. Онъ былъ не въ духѣ. Такъ трясъ головою и подергивалъ плечомъ, что наводилъ на всѣхъ ужасъ. Войдя въ залу, гдѣ танцовали, нашель, что жарко, и захотѣлъ открыть окно. Но окна забиты были снаружи гвоздями. Царь велѣлъ принести топоръ и вмѣстѣ съ двумя денщиками принялся за работу. Выбѣгалъ на улицу, чтобы видѣть, какъ и чѣмъ окно заколочено. Наконецъ-таки добился своего, вынулъ раму. Окно оставалось открытымъ недолго, и на дворѣ опять начиналась оттепель, вѣтеръ дулъ прямо съ запада. Но все-таки по комнатамъ пошли такіе сквозняки, что легко одѣтыя дамы и зябкіе старички не знали, куда дѣваться. Царь усталъ, вспотѣлъ отъ работы, но былъ доволенъ, даже повеселѣлъ.

— Ваше величество, — сказалъ австрійскій резидентъ Плейеръ, большой любезникъ, — вы прорубили окно въ Европу.

* * *

На сургучной печати, которою скрѣплялись письма царя въ Россію во время его перваго путешествія по Европѣ, представленъ молодой плотникъ, окруженный корабельными инструментами и военными орудіями съ надписью:

Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую.

* * *

Другая эмблема царя: Прометей, возвращающійся къ людямъ отъ боговъ, съ зажженнымъ факеломъ.

* * *

Царь говоритъ: «Я создамъ новую породу людей».

* * *

Изъ разказовъ «магазинной крысы»: царь, желая, чтобы вездѣ разводимъ былъ дубъ, садилъ однажды самъ дубовые желуди близъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ. Замѣтивъ, что одинъ изъ стоявшихъ тутъ сановниковъ трудамъ его усмѣхнулся,—царь гнѣвно промолвилъ:

— Понимаю. Ты мнишь, не доживу я матерыхъ дубовъ. Правда. Но ты—дуракъ. Я оставляю примѣръ прочимъ, дабы, дѣлая тоже, потомки со временемъ строили изъ нихъ корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь.

* * *

Изъ тѣхъ же разказовъ:

«По указу его величества велѣно дворянскихъ дѣтей записывать въ Москвѣ и опредѣлять на Сухареву башню для ученія навигаціи. И оное дворянство записало дѣтей своихъ въ Спасскій монастырь, что за Иконнымъ рядомъ, въ Москвѣ, учиться по-латыни. И услыша то, государь жестоко прогнѣвался, повелѣлъ всѣхъ дворянскихъ дѣтей московскому управителю, Ромодановскому, изъ Спасскаго монастыря взять въ Петербургъ, сваи бить по Мойкѣ рѣкѣ, для строенія пеньковыхъ амбаровъ. И объ оныхъ дворянскихъ дѣтяхъ генераль-адмиралъ графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, князь Яковъ Долгорукій и прочіе сенаторы, не смѣя утруждать его величества, милостивѣйшую помощницу, государыню Екатерину Алексѣевну просили слезно, стоя на колѣняхъ; токмо упротить отъ гнѣва его величества невозможно. И оный графъ и генераль-адмиралъ Апраксинъ взялъ мѣры собою представить: велѣлъ присматривать, какъ его величество поѣдетъ къ пеньковымъ амбарамъ мимо оныхъ трудившихся дворянскихъ дѣтей, и, по объявленіи, что государь поѣхалъ къ тѣмъ амбарамъ, Апраксинъ пошелъ къ трудившимся малолѣтнимъ, скинулъ съ себя кавалерію и кафтанъ и повѣсилъ на шесть, а самъ съ дѣтьми билъ сваи. И какъ государь возвратно ѣхалъ и увидѣлъ адмирала, что онъ съ малолѣт-

ними въ томъ же трудѣ, въ битіи свай употребилъ себя,—остановясь, говорилъ графу:

— «Федоръ Матвѣевичъ, ты—генераль-адмираль и кавалеръ, для чего ты бьешь свай?

«И на оное ему, государю, адмираль отвѣтствовалъ:

— «Бьютъ свай мои племянники и внучата. А я что за человекъ? Какое имѣю въ родствѣ преимущество? А пожалованная отъ вашего величества кавалерія виситъ на деревѣ—я ей безчестія не принесъ.

«И слыша то, государь поѣхалъ во дворець, и чрезъ сутки учиня указъ объ освобожденіи малолѣтнихъ дворянъ, опредѣлилъ ихъ въ чужестранныя государства для ученія разнымъ художествамъ,—такъ разгнѣванъ, что и послѣ біенія свай не миновали въ разныя художества употреблены быть».

* * *

Одинъ изъ немногихъ русскихъ, сочувствующихъ новымъ порядкамъ, сказалъ мнѣ о царѣ:

— На что въ Россіи ни взгляни, все его имѣетъ началомъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ. Сей во всемъ обновилъ или паче вновь родилъ Россію.

28 декабря.

Вернулся царевичъ такъ же внезапно, какъ уѣхалъ.

* * *

6 января 1715.

У насъ были гости: баронъ Левенвольдъ, австрійскій резидентъ Плейеръ, ганноверскій секретарь Веберъ, царскій лейбъ-медикъ Блюментростъ. Послѣ ужина, за стаканами рейнскаго, зашла рѣчь о вводимыхъ царемъ новыхъ порядкахъ. Такъ какъ не было никого посторонняго и никого изъ русскихъ, говорили свободно.

— Московиты,—сказалъ Плейеръ,—дѣлаютъ все по принужденію, а умри царь—и прощай наука! Россія—страна, гдѣ все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ. На нее дѣйствуетъ царь, какъ крѣпкая водка на желѣзо. Науку въ подданныхъ своихъ вбиваетъ батогами и палками, по рус-

ской пословицѣ: «палка нѣма, да дастъ ума»; «нѣтъ того спорѣе, что кулакомъ по шеѣ». Правду сказалъ Пуффендорфъ объ этомъ народѣ: «рабскій народъ рабски смиряется и жестокостью власти воздерживается въ повиновеніи любить». Можно бы о нихъ сказать и то, что говоритъ Аристотель о всѣхъ вообще варварахъ: «*Quod in libertate mali, in servitute boni sunt.*—Въ свободѣ—злы, въ рабствѣ—добры». Истинное просвѣщеніе внушаетъ ненависть къ рабству. А русскій царь, по самой природѣ власти своей—деспотъ, и ему нужны рабы. Вотъ почему усердно вводитъ онъ въ народъ цифирь, навигацію, фортификацію и прочія низшія прикладныя знанія, но никогда не допуститъ своихъ подданныхъ до истиннаго просвѣщенія, которое требуетъ свободы. Да онъ и самъ не понимаетъ и не любитъ его. Въ наукѣ ищетъ только пользы. *Regretum mobile*, эту нелѣпую выдумку шарлатана Орфиреуса, предпочитаетъ всей философіи Лейбница. Эзопа считаетъ величайшимъ философомъ. Запретилъ переводъ Ювенала. Объявилъ, что «за составленіе сатиры сочинитель будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ». Просвѣщеніе для власти русскихъ царей все равно, что солнце для снѣга: когда оно слабо, снѣгъ блеститъ, играетъ; когда сильно—таетъ.

— Какъ знать,—замѣтилъ Веберъ съ тонкой усмѣшкой!—можетъ-быть, русскіе болѣе сдѣлали чести Европѣ, принявъ ее за образецъ, нежели она была того достойна? Подражаніе всегда опасно: добродѣтели не столь къ нему удобны, какъ пороки. Хорошо сказалъ одинъ русскій: «заразительная гнилость чужеземная снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ, грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и хамствомъ наполнилось; изъ стараго ума выжили, новаго не нажили,—дураками умремъ!»

— Царь, — возразилъ баронъ Левенвольдъ, — вовсе не такой смиренный ученикъ Европы, какъ о немъ думаютъ. Однажды, когда восхищались при немъ французскими нравами и обычаями, онъ сказалъ: «Добро перенимать у французовъ художества и науки; а въ прочемъ Парижъ воняетъ». И прибавилъ съ пророческимъ видомъ: «Жалѣю, что го-

родъ сей отъ смрада вымретъ». Я самъ не слышалъ, но мнѣ передавали и другія слова его, которыя не мѣшало бы помнить всѣмъ друзьямъ русскихъ въ Европѣ: «L'Europe nous est nécessaire pour quelques dizaines d'années; après cela nous lui tournerons le dos.—Европа намъ еще нужна на нѣсколько десятковъ лѣтъ; послѣ того мы повернемся къ ней спиною».

Графъ Пипперъ привелъ выдержки изъ недавно вышедшей книжки *La crise du Nord*—о войнѣ Россіи со Швеціей, гдѣ доказывается, что «побѣды русскихъ предвѣщаютъ свѣтопреставленіе», и что «ничтожество Россіи есть условіе для благополучія Европы». Графъ напомнилъ также слова Лейбница, сказанныя до Полтавы, когда Лейбницъ былъ еще другомъ Швеціи: «Москва будетъ второй Турціей и откроетъ путь новому варварству, которое уничтожитъ все европейское просвѣщеніе».

Блюментрость успокоилъ насъ тѣмъ, что водка и венерическая проказа (*venereische Seuche*), которая въ послѣдніе годы съ изумительной быстротой распространилась отъ границъ Польши до Бѣлаго моря,—опустошать Россію меньше чѣмъ въ одно столѣтіе. Водка и сифилисъ—это, будто бы, два бича, посланные самимъ Промысломъ Божіимъ для избавленія Европы отъ новаго нашествія варваровъ.

— Россія,—заклучилъ Плейеръ,—желѣзный колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Рухнетъ, разобьется — и ничего не останется!

Я не слишкомъ люблю русскихъ; но все-таки я не ожидала, что мои соотечественники такъ ненавидятъ Россію. Кажется иногда, что въ этой ненависти—тайный страхъ; какъ будто мы, нѣмцы, предчувствуемъ, что кто-то кого-то непременно съѣстъ: или мы—ихъ, или они—насъ.

17 января.

— Такъ какъ же вы полагаете, фрейлейнъ Юліана, кто я такой, дуракъ или негодяй? — спросилъ меня царевичъ, встрѣтившись со мной сегодня поутру на лѣстницѣ.

Я сначала не поняла, подумала, онъ пьянъ, и хотѣла пройти молча. Но онъ загородилъ дорогу и продолжалъ, глядя мнѣ прямо въ глаза:

— Любопытно было бы также знать, кто кого съѣсть—мы васъ или вы насъ?

Тутъ только я догадалась, что онъ читалъ мой дневникъ. Ея высочество брала его у меня ненадолго, тоже хотѣла прочесть; царевичъ, должно-быть, заходилъ къ ней въ комнату, когда ея не было тамъ, увидѣлъ дневникъ и прочелъ.

Я такъ смутилась, что готова была провалиться сквозь землю. Краснѣла, краснѣла до корня волосъ, чуть не плакала, какъ пойманная на мѣстѣ преступленія школьница. А онъ все смотрѣлъ да молчалъ, какъ будто любовался моимъ смущеніемъ. Наконецъ, сдѣлавъ отчаянное усилие, я снова попыталась убѣжать. Но онъ схватилъ меня за руку. Я такъ и обмерла отъ страха.

— А что, попались-таки, фрейлейнъ,—разсмѣялся онъ веселымъ, добрымъ смѣхомъ.—Будьте впередъ осторожнѣе. Хорошо еще, что прочелъ я, а не кто другой. Ну, и острый же язычокъ у вашей милости,—бритва! Всѣмъ досталось. А вѣдь, что грѣха таить, много правды въ томъ, что вы говорите о насъ, ей-ей, много правды! И хоть не по шерсткѣ гладите, а за правду спасибо.

Онъ пересталъ смѣяться, и съ ясной улыбкой, какъ товарищъ товарищу, крѣпко пожалъ мнѣ руку, точно, въ самомъ дѣлѣ, благодарилъ за правду.

Станный человѣкъ. Станные люди вообще эти русскіе. Никогда нельзя предвидѣть, что они скажутъ или сдѣлаютъ.

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше кажется мнѣ, что есть въ нихъ что-то, чего мы, европейцы, не понимаемъ и никогда не поймемъ: они для насъ—какъ жители другой планеты.

2 февраля.

Когда я проходила сегодня вечеромъ по нижней галереѣ, царевичъ, должно-быть, услыхавъ шаги мои, оклик-

нулъ меня, попросилъ зайти въ столовую, гдѣ сидѣлъ у камелька, одинъ, въ сумеркахъ, усадилъ въ кресло противъ себя и заговорилъ со мной по-нѣмецки, а потомъ по-русски, такъ ласково, какъ будто мы были старыми друзьями. Я услышала отъ него много любопытнаго.

Но всего не буду записывать: небезопасно и для меня и для него, пока я въ Россіи. Вотъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ мыслей.

Больше всего удивило меня то, что онъ вовсе не такой защитникъ стараго, врагъ новаго, какимъ его считаютъ всѣ.

— Всякая старина свою плѣшь хвалить,—сказалъ онъ мнѣ русской пословицей.—А неправда у насъ, на Руси, весьма застарѣла, такъ что, хоромины ветхой всей не разобравъ и всякаго бревна не разсмотрѣвъ, — не очиститъ древней гнилости...

Ошибка царя, будто бы, въ томъ, что онъ слишкомъ торопится.

— Батюшкѣ все бы на скорую руку: тятъ-ляпъ—и корабль. А того не разсудить, что гдѣ скоро, тамъ не споро. Сбилъ, склотилъ, вотъ колесо, сѣлъ да поѣхалъ, ахъ, хорошо; оглянулся назадъ—однѣ спицы лежатъ.

18 февраля.

У царевича есть тетрадь, въ которую онъ выписываетъ изъ Церковно-Гражданской Лѣтописи Баронія статьи, какъ самъ выражается, «приличныя на себя, на отца и на другихъ—въ такой образъ, что прежде бывало не такъ, какъ нынѣ». Онъ далъ мнѣ эту тетрадь на просмотръ. Въ замѣткахъ виденъ умъ пытливый и свободный. По поводу нѣкоторыхъ слишкомъ чудесныхъ легендъ, правда, католическихъ, — примѣчаніе въ скобкахъ: «справиться съ греческимъ»; «вещь сумнительная»; «сіе не весьма правда».

Но всего любопытнѣе показались мнѣ замѣтки, въ которыхъ сравнивается прошлое чужое съ настоящимъ русскимъ.

«Лѣто 395.—Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хоть малымъ знакомъ отъ православія отличаются». Намекъ на неправославіе русскаго царя.

«Лѣто 455.—Валентинъ цесарь убить за поврежденіе уставовъ церковныхъ и за прелюбодѣянiе». Намекъ на уничтоженіе въ Россіи патріаршества, на бракъ царя съ Екатериною при жизни первой жены, Авдотьи Лопухиной.

«Лѣто 514.—Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій запрещалъ; похвала долгому, а короткому сопротивное». Намекъ на перемѣну русскаго платья.

«Лѣто 814.—Цесаря Льва монахъ прельстилъ на иконоборство. Также и у насъ». Намекъ на царскаго духовника, монаха Ѳедоса, который, говорятъ, совѣтуетъ царю отмѣнить почитаніе иконъ.

«Лѣто 854.—Михаиль цесарь церковными тайнами игралъ». Намекъ на учрежденіе Всепьянѣйшаго Собора, свадьбу шутовскаго патріарха и многія другія забавы царя. Вотъ еще нѣкоторыя мысли.

О папской власти: «Христось святителей всѣхъ уравниалъ. А что говорятъ—безъ рѣшенія Церкви спастися не можно—и то ложь явная, понеже Христось Самъ сказалъ: вѣруй въ Мя, живъ будетъ во вѣки,—а не въ церковь Римскую, которой въ то время не было, и покамѣстъ проповѣдь Апостольская въ Римъ не дошла, много людей спаслося».

«Магометанскія злочестія чрезъ бабъ расширились. Охота бабъ къ пророкамъ лживымъ».

Въ цѣлыхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ о Магометѣ сказано меньше, чѣмъ въ этихъ четырехъ словахъ, достойныхъ великаго скептика Бейля!

* * *

Намедни Толстой, говоря о царевичѣ, сказалъ мнѣ со своею лисьей усмѣшкой:

— Къ приведенію себя въ любовь — сей наилучшій способъ: въ нужныхъ случаяхъ умѣть прикрыться кожею простѣйшаго въ скотахъ.

Я не поняла тогда; теперь только начинаю понимать.

Въ сочиненіи одного стариннаго англійскаго писателя— имя забыла—подъ заглавіемъ *Трагедія о Гамлетъ, принцъ Датскомъ*, этотъ несчастный принцъ, гонимый врагами, притворяется не то глупцомъ, не то помѣшаннымъ.

Примѣру Гамлета не слѣдуетъ ли русскій принцъ? Не прикрывается ли «кожею простѣйшаго въ скотахъ»?

* * *

Говорятъ, царевичъ осмѣлился однажды быть откровеннымъ, доложилъ отцу о нестерпимыхъ бѣдствіяхъ народа. Съ той поры и впалъ въ немилость.

23 февраля.

Онъ любить свою дочку Наташу съ нѣжностью.

Сегодня цѣлое утро, сидя съ нею на полу, строилъ будки и домики изъ деревянныхъ чурокъ; ползая на четверенькахъ, представлялъ собаку, лошадь, волка. Кидаль мячикъ, и когда онъ закатывался подъ кровать или шкафъ, лазилъ туда за нимъ, пачкался въ пыли и паутинѣ. Уносилъ ее въ свою комнату, няньчилъ на рукахъ, показывалъ всѣмъ и спрашивалъ:

— Хороша, небось, дѣвочка? Гдѣ этакой другой сыскать?

Похожъ былъ самъ на маленькаго мальчика.

Наташа умна не по возрасту. Если тянется къ чему-нибудь, и пригрозятъ, что скажутъ мамѣ — сейчасъ при-смирѣетъ; если же просто велятъ перестать — начинаетъ смѣяться и шалить еще больше. Когда видитъ, что царевичъ не въ духѣ, — затихаетъ, только смотритъ на него пристально; а когда онъ къ ней обернется — громко хохочетъ и машетъ ручонками. Ласкаетъ его, совсѣмъ какъ взрослая.

У меня странное чувство, когда смотрю на эти ласки: кажется, что малютка не только любитъ, но и жалѣетъ царевича, словно что-то видитъ, знаетъ о немъ, чего никто еще не знаетъ. Странное, жуткое чувство — какъ тогда, когда я смотрѣла на отца и мать въ темное-темное, словно пророческое зеркало.

— Что она меня любить, я знаю: она вѣдь для меня все покинула, — сказалъ онъ мнѣ однажды о своей супругѣ.

Теперь, когда я лучше поняла царевича, я не могу винить его одного за то, что имъ такъ трудно вмѣстѣ. Оба невинны, оба виновны. Слишкомъ различны и несчастны, каждый по-своему. Малое, среднее горе сближаетъ, слишкомъ большое—раздѣляетъ людей.

Они, какъ два тяжело больные или раненые въ одной постели. Не могутъ другъ другу помочь; всякое движеніе одного причиняетъ боль другому.

Есть люди, которые такъ привыкли страдать, что, кажется, душа ихъ въ слезахъ—какъ рыба въ водѣ, безъ слезъ—какъ рыба на сушѣ. Ихъ мысли и чувства, разъ поникнувъ долу, уже никогда не подымутся, какъ вѣтви плакучей ивы. Ея высочество изъ такихъ людей.

У царевича и своего горя много; а каждый разъ, какъ приходитъ къ ней,—видитъ и чужое горе, которому нельзя помочь. Онъ жалѣетъ ее. Но любовь и шалость не одно и то же. Кто хочетъ быть любимымъ, бойся жалости. Ахъ, знаю, по собственному опыту знаю, какая мука жалѣть, когда нельзя помочь! Начинаешь, наконецъ, бояться того, кого слишкомъ жалѣлъ.

Да, оба невинны, оба несчастны, и никто имъ не можетъ помочь, кромѣ Бога. Бѣдные, бѣдные! Страшно подумать, чѣмъ это кончится, страшно—и все-таки ужъ лучше бы скорѣй конецъ.

7 марта.

Ея высочество опять беременна.

12 мая.

Мы въ Рождественѣ, мызѣ царевича, въ Копорскомъ уѣздѣ, въ семидесяти верстахъ отъ Петербурга.

Я была долго больна. Думали, умру. Страшнѣе смерти была мысль умереть въ Россіи. Ея высочество увезла меня съ собою сюда, въ Рождествено, чтобы дать мнѣ отдохнуть и окрѣпнуть на чистомъ воздухѣ.

Кругомъ лѣсъ. Тихо. Только деревья шумятъ, да птицы щебечутъ. Быстрая, словно горная, рѣчка Оредежь журчитъ внизу подъ крутыми обрывами изъ красной глины, на которой первая зелень березъ сквозитъ, какъ дымъ, зелень елокъ чернѣетъ, какъ уголь.

Деревянные срубы усадьбы похожи на простыя избы. Главныя хоромы въ два жилья съ высокимъ теремомъ, какъ у старыхъ московскихъ дворцовъ, еще не достроены. Рядомъ — часовенка съ колокольнею и двумя маленькими колоколами, въ которые царевичъ любитъ самъ звонить. У воротъ — старая шведская пушка и горка чугунныхъ ядеръ, заржавѣвшихъ, проросшихъ зеленой травой и весенними цвѣтами. Все вмѣстѣ—настоящій монастырь въ лѣсу.

Внутри хоромъ стѣны еще голыя, бревенчатыя. Пахнетъ смолою; всюду янтарныя капли струятся, какъ слезы. Образа съ лампадами. Свѣтло, свѣжо, чисто и невинно-молодо.

Царевичъ любитъ это мѣсто. Говоритъ, жилъ бы здѣсь всегда, и ничего ему больше не надо, только бы оставили его въ покоѣ.

Читаетъ, пишетъ въ библиотекѣ, молится въ часовнѣ, работаетъ въ саду, въ огородѣ, удить рыбу, бродитъ по лѣсамъ.

Вотъ и сейчасъ вижу его изъ окна моей комнаты. Только что копался въ грядкахъ, сажая луковицы гарлемскихъ тюльпановъ. Отдыхаетъ, стоитъ, опершись на лопату, и весь точно замеръ, къ чему-то прислушиваясь. Тишина безконечная. Только топоръ дровосѣка стучитъ гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсу, да кукушка кукуетъ. И лицо у него тихое, радостное. Что-то шепчетъ, напѣваетъ, должно-быть, одну изъ любимыхъ молитвъ—акаѳистъ своему святому, Алексѣю, человѣку Божьему, или псаломъ:

«Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь».

Нигдѣ я не видѣла такихъ вечернихъ зорь, какъ здѣсь. Сегодня былъ особенно странный закатъ. Все небо въ крови, Обагреныя тучи разбросаны, какъ ключья окровавленныхъ

одеждъ, точно совершилось на небѣ убійство, или какая-то страшная жертва. И на землю съ неба сочилась кровь. Среди черной, какъ уголь, острой щетины еловаго лѣса пятна красной глины казались пятнами крови.

Пока я смотрѣла и дивилась, откуда-то сверху, какъ будто изъ этого страшнаго неба, послышался голосъ:

— Фрейлейнъ Юліана! Фрейлейнъ Юліана!

То звалъ меня царевичъ, стоя на голубятнѣ, съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, которымъ здѣсь гоняють голубей. Онъ до нихъ большой охотникъ.

Я поднялась по шаткой лѣсенкѣ и, когда вступила на площадку, бѣлые голуби взвились, какъ снѣжные хлопья, на зарѣ порозовѣвшіе, обдавая насъ вѣтромъ и шелестомъ крыльевъ

Мы сѣли на скамью и, слово за слово, начали спорить, какъ часто въ послѣднее время,—о вѣрѣ.

— Вашъ Мартинъ Лютеръ всѣ свои законы издалъ по умствованію міра сего и по лакомству своему, а не по духовной твердости. А вы, бѣдные, обрадовались легкостному житію, что тотъ прелестникъ сказалъ легонько, тому и повѣрили, а узкій и трудный путь, отъ Самого Христа завѣщанный, оставили. И онъ, Мартинъ, явился самый все-свѣтлый дуракъ, и въ законѣ его сокровенъ великій ядъ адскаго аспида...

Я привыкла къ русскимъ любезностямъ и пропускаю ихъ мимо ушей. Спорить съ ними доводами разума — все равно, что выступать со шпагой противъ дубины. Но на этотъ разъ почему-то разсердилась и вдругъ высказала все, что у меня давно уже накипѣло на сердцѣ.

Я доказывала, что русскіе, считая себя лучше всѣхъ народовъ христіанскихъ, на самомъ дѣлѣ живутъ хуже язычниковъ; исповѣдуютъ законъ любви и творятъ такія жестокости, какихъ нигдѣ на свѣтѣ не увидишь; постятся и во время поста скотски пьянствуютъ; ходятъ въ церковь и въ церкви ругаются по-матерному. Такъ невѣжественны, что у насъ, нѣмцевъ, пятилѣтній ребенокъ знаетъ больше о вѣрѣ, чѣмъ у нихъ взрослые и даже священники. Изъ пол-

дюжины русских едва ли одинъ сумѣеть прочесть «Отче нашъ». На мой вопросъ, кто третье лицо Святой Троицы, одна благочестивая старушка назвала Николу Чудотворца. И дѣйствительно, этотъ Никола—настоящій русскій Богъ, такъ что можно подумать, что у нихъ вовсе нѣтъ другого Бога. Не даромъ, въ 1620 году, шведскій богословъ, Іоаннъ Ботвидъ защищалъ въ Упсальской академіи диссертацию: *Христіане ли москвиты?*

Не знаю, до чего бы я дошла, если бы не остановилъ меня царевичъ, который слушалъ все время спокойно—это спокойствіе меня и бѣсило.

— А что, фрейлейнъ, давно я васъ хотѣлъ спросить, во Христа-то вы сами вѣруете?

— Какъ, во Христа! Да развѣ неизвѣстно вашему высочеству, что всѣ мы, лютеране?..

— Я не о всѣхъ, а только о вашей милости. Говорилъ я какъ-то съ вашимъ уже учителемъ, Лейбницемъ, такъ тотъ вилялъ, вилялъ, водилъ меня за носъ, а я тогда же подумалъ, что онъ по-настоящему во Христа не вѣруетъ. Ну, а вы какъ?

Онъ смотрѣлъ на меня пристально. Я опустила глаза и почему-то вдругъ вспомнила всѣ свои сомнѣнія, споры съ Лейбницемъ, неразрѣшимыя противорѣчія метафизики и теологіи.

— Я думаю,—начала я тоже вилять,—что Христось—самый праведный и мудрый изъ людей...

— А не Сынъ Божій?

— Мы всѣ сыны Божіи!..

— И Онъ, какъ всѣ?

Мнѣ не хотѣлось лгать—я молчала.

— Ну вотъ то-то и есть!—проговорилъ онъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какого я еще никогда у него не видѣла. — Мудры вы, сильны, честны, славны. Все у васъ есть. А Христа нѣтъ. Да и на что вамъ? Сами себя спасаете. Мы же глупы, нищи, наги, пьяны, смрадны, хуже варваровъ, хуже скотовъ—и всегда погибаемъ. А Христось Батюшка съ нами есть и будетъ во вѣки вѣковъ. Имъ, Свѣтомъ, спасаемся!

Онъ говорилъ о Христѣ такъ, какъ, я замѣтила, здѣсь говорятъ о Немъ самые простые люди — мужики: точно Онъ у нихъ свой собственный, домашній, такой же, какъ они, мужикъ. Я не знаю, что это — величайшая гордость и кощунство или величайшее смиреніе и святость.

Мы оба молчали. Голуби опять слетались, и между нами, соединяя насъ, трепетали ихъ бѣлыя крылья.

Отъ ея высочества пришли за мною.

Сойдя съ вышки, я оглянулась на царевича въ послѣдній разъ. Онъ кормилъ голубей. Они окружили его. Сиделись ему на руки, на плечи, на голову. Онъ стоялъ въ вышинѣ, надъ чернымъ, словно обугленнымъ лѣсомъ, въ красномъ, словно окровавленномъ небѣ, весь покрытый, точно одѣтый, бѣлыми крыльями.

31 октября 1715.

Теперь, когда кончено все, кончаю и этотъ дневникъ.

Въ серединѣ августа (мы вернулись въ Петербургъ изъ Рождествена въ концѣ мая), недѣль за десять до разрѣшенія отъ бремени, ея высочество упала на лѣстницѣ и ударилась лѣвымъ бокомъ о верхнюю ступень. Говорятъ, споткнулась, оттого что на туфлѣ сломался каблукъ. На самомъ дѣлѣ, лишилась чувствъ, увидѣвъ, какъ внизу царевичъ, пьяный, обнималъ и цѣловалъ дворовую дѣвку Афросинью, свою любовницу.

Онъ живетъ съ нею давно, почти на глазахъ у всѣхъ. Вернувшись изъ Карлсбада, взялъ ее къ себѣ въ домъ, на свою половину. Я не писала объ этомъ въ дневникѣ, боясь, чтобъ не прочла ея высочество.

Знала ли она? Если и знала, то не хотѣла знать, не вѣрила, пока не увидѣла. Холопка — соперница герцогини Вольфенбюттельской, невестки императора! «Въ Россіи и небываемое бываетъ», какъ сказалъ мнѣ одинъ русскій. Отецъ—съ портомоей, сынъ—съ холопкою.

Одни говорятъ, что она чухонка, взятая въ плѣнъ солдатами, подобно царицѣ; другіе — что дворовая дѣвка

царевичева дядьки, Никифора Вяземскаго. Кажется, послѣднее вѣрнѣе.

Довольно красива, но сразу видна, какъ здѣсь говорятъ, «подлая порода». Высокая, рыжая, бѣлая; носъ немного вздернутый; глаза большіе, свѣтлые, съ косымъ и длиннымъ калмыцкимъ разрѣзомъ, съ какимъ-то дикимъ, козымъ взоромъ; и вообще въ ней что-то козье, какъ у самки сатира въ «Вакханаліи» Рубенса. Одно изъ тѣхъ лицъ, которыя насъ, женщинъ, возмущаютъ, а мужчинамъ почти всегда нравятся.

Царевичъ отъ нея, говорятъ, безъ ума. При первой встрѣчѣ съ нимъ, она, будто бы, была невинна и долго ему сопротивлялась. Онъ ей вовсе не нравился. Ни обѣщанія, ни угрозы не помогали. Но разъ, послѣ попойки, пьяный, онъ бросился на нее, въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, которые бываютъ у него, такъ же какъ у отца, избилъ ее, чуть не убилъ, грозилъ ножомъ и овладѣлъ силою. Русское звѣрство, русская грязь!

И это тотъ самый человѣкъ, который такъ похожъ былъ на святого, когда тамъ, въ лѣсахъ Рождествена, пѣлъ акаѳистъ Алексѣю, человѣку Божьему, и, окруженный голубями, говорилъ о «Христѣ-Батюшкѣ»! Впрочемъ, соединять подобныя крайности—особенный русскій талантъ—то, чего намъ, глупымъ нѣмцамъ, слава Богу, понять не дано.

— Мы, русскіе, — сказалъ мнѣ однажды самъ царевичъ, — мѣры держать не умѣемъ ни въ чемъ, но всегда по краямъ и пропастямъ блудимъ.

Ея высочество, послѣ паденія на лѣстницѣ, чувствовала боль въ лѣвомъ боку. «Меня по всему тѣлу точно булавками колетъ», говорила она. Но вообще была спокойна, словно что-то рѣшила и знала, что ея рѣшенія уже ничто не измѣнитъ. О царевичѣ больше никогда со мной не говорила и на судьбу не жаловалась. Разъ только сказала:

— Я считаю гибель мою неизбежною. Надѣюсь, что страданія мои скоро прекратятся. Ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ смерти. Это—мое единственное спасеніе.

12 октября благополучно разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, будущимъ наслѣдникомъ престола, Петромъ Алексѣвичемъ. Въ первые дни послѣ родовъ чувствовала себя хорошо. Но когда ее поздравляли, желали добраго здоровья, сердилась и просила всѣхъ молиться, чтобы Богъ послалъ ей смерть.

— Я хочу умереть и умру, — говорила она все съ тою же страшною спокойною рѣшимостью, которая уже не покидала ее до конца. Врачей и бабки не слушалась, какъ будто нарочно дѣлала все, что ей запрещали. На четвертый день сѣла въ кресло, велѣла вынести себя въ другую комнату, сама кормила ребенка. Въ ту же ночь ей стало хуже; началась лихорадка, рвота, судороги и такія боли въ животѣ, что она кричала сильнѣе, чѣмъ во время родовъ.

Узнавъ объ этомъ, царь, который самъ былъ боленъ, прислалъ князя Меншикова съ четырьмя лейбъ-медиками, Арескинымъ, Поликолою и двумя Блюментростами, чтобы составить консилиумъ. Они нашли ее при смерти—in mortis limine.

Когда убѣждали ее принять лѣкарство, она бросала на полъ стаканъ и говорила:

— Не мучьте меня. Дайте мнѣ спокойно умереть. Я не хочу жить.

За день до смерти призвала барона Левенвольда и сообщила ему свою послѣднюю волю: чтобъ никто изъ приближенныхъ, ни здѣсь, ни въ Германіи, не смѣлъ дурно говорить о царевичѣ; она умираетъ рано, прежде, чѣмъ думала, но довольна судьбой своей и никого ни въ чемъ не винить.

Потомъ простилась со всѣми. Меня благословила, какъ мать.

Въ послѣдній день царевичъ не отходилъ отъ нея. У него было такое лицо, что страшно было смотрѣть. Три раза падалъ въ обморокъ. Она не говорила съ нимъ, какъ будто не узнавала его. Только передъ самымъ концомъ, когда онъ припалъ къ ея рукѣ, посмотрѣла на него долгимъ взоромъ и что-то тихо сказала; я только слышала:

— Скоро... скоро... увидимся...

Отошла, точно уснула. У мертвой лицо было такое счастливое, какъ никогда у живой.

По приказанію царя анатомировали тѣло. Онъ при этомъ самъ присутствовалъ.

Похороны 27 октября. Долго спорили, полагается ли, по придворному чину, стрѣлять изъ пушекъ при погребеніи кронпринцессъ, и если полагается, то сколько разъ. Разспрашивали всѣхъ иностранныхъ пословъ. Царь безпокоился объ этой стрѣльбѣ, больше чѣмъ о всей судьбѣ ея высочества. Рѣшили не стрѣлять

Гробъ вынесли по нарочно устроеннымъ деревяннымъ подмосткамъ изъ дверей дома прямо къ Невѣ. За гробомъ шли царь и царевичъ. Царицы не было. Она ждала съ часу на часъ разрѣшенія отъ бремени. На Невѣ стоялъ траурный фрегатъ, весь обитый чернымъ, съ черными флагами.

Медленно, подъ звуки похоронной музыки, поплыли къ Петропавловскому собору, еще недостроенному, гдѣ могила кронпринцессы должна была оставаться до окончанія свода подъ открытымъ небомъ. На живую шель дождь — будетъ итти и на мертвую.

Вечеръ былъ сѣрый, тихій. Небо, какъ могильный сводъ; Нева, какъ темное-темное зеркало; весь городъ въ туманѣ — точно призракъ или сновидѣніе. И все, что я испытала, видѣла и слышала въ этомъ страшномъ городѣ, — теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, казалось мнѣ сномъ.

Изъ собора ночью вернулись въ домъ царевича для поминальной трапезы. Здѣсь царь отдалъ сыну письмо, въ которомъ, какъ я узнала впослѣдствіи, грозилъ—въ случаѣ ежели царевичъ не исправится—лишеніемъ наслѣдства и отцовскимъ проклятіемъ.

На слѣдующій день царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ.

Между этими двумя дѣтьми—сыномъ и внукомъ царя—колеблются судьбы Россіи.

Вчера передъ вечеромъ заходила къ царевичу, чтобы переговорить о моемъ отъѣздѣ въ Германію. Онъ сидѣлъ у топившейся печки и жегъ въ ней бумаги, письма, рукописи. Должно-быть, боится обыска.

Держалъ въ рукѣ и уже хотѣлъ бросить въ огонь маленькую книжку въ кожаномъ потертомъ переплетѣ, когда съ внезапною нескромностью, которой теперь сама удивляюсь, — я спросила, что это. Онъ подалъ мнѣ книжку. Я заглянула въ нее и увидѣла, что это записки или дневникъ царевича. Сильнѣйшая страсть женщинъ вообще и моя въ частности, любопытство, внушила мнѣ еще бѣльшую нескромность попросить у него этотъ дневникъ для прочтенія.

Онъ подумалъ съ минуту, посмотрѣлъ на меня пристально и вдругъ улыбнулся своею милою, дѣтскою улыбкою, которую я такъ люблю.

— Долгъ платежомъ красенъ. Я читалъ вашъ дневникъ—читайте мой.

Но взялъ съ меня слово, что я ни съ кѣмъ никогда не буду говорить объ этихъ запискахъ и возвращу ихъ ему завтра утромъ для сожженія.

Просидѣла надъ нимъ всю ночь. Это собственно старинный русскій календарь, святцы кіевской печати. Ихъ подарилъ царевичу въ 1708 году покойный митрополитъ Дмитрій Ростовскій, котораго считаютъ въ народѣ святымъ. Отчасти на поляхъ и въ пробѣлахъ на страницахъ самой книги, отчасти на отдѣльныхъ, вложенныхъ и вклеенныхъ листкахъ, царевичъ записывалъ свои мысли и событія своей жизни.

Я рѣшила списать этотъ дневникъ.

Не нарушу слова: пока я жива и живъ царевичъ, никто не узнаетъ объ его запискахъ. Но онѣ не должны погибнуть безслѣдно.

Сына съ отцомъ судить будетъ Богъ. Но людьми царевичъ оклеветанъ. Пусть же этотъ дневникъ, если суждено ему дойти до потомства, обличить или оправдаетъ его, но, во всякомъ случаѣ, обнаружитъ истину.

II.

Дневникъ царевича Алексѣя.

Благословиши вѣнецъ лѣта благодати Твоея, Господи!

* * *

Въ Помераніи будучи, для сбора провіанту, по указу родшаго мя (*Примѣчаніе Арнгеймъ*: такъ царевичъ называетъ отца своего), слышалъ, что на Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ Рязанскій Стефанъ, обличая указъ о фискалахъ, сирѣчь доносителяхъ по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ, и прочіе законы, церкви противные, въ народъ кричалъ:

«Не удивляйтесь, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровавыхъ буряхъ волнуется. Законы человѣческіе о сколь великое имѣютъ разстояніе отъ закона Божія».

И господа-Сенать, придя къ митрополиту, укоряли его и претили за то, что на бунтъ и мятежъ народъ возмущаетъ, царской чести касается. И царю о томъ доносили.

И я говорилъ Рязанскому, чтобъ примириться ему съ батюшкой, какъ возможно; что-де въ томъ прибыли, что межъ нихъ несогласіе? и чтобъ весьма сего искалъ для того, что когда его бросятъ, то такого не будетъ.

Раньше той предики писывалъ онъ мнѣ и я къ нему, хотя не часто, кромѣ важныхъ дѣлъ. А какъ о той предикѣ услышалъ, то оную корреспонденцію пресѣкъ и къ нему не ѣзжу, и къ себѣ не пускаю, понеже у родшаго мя онъ есть въ ненавидѣніи великомъ, и того ради мнѣ писать къ нему опасно. А говорятъ, ему быть отлучену отъ сего управленія, въ немъ же есть.

И оную предикую кончалъ Рязанскій молитвою ко св. Алексію, человѣку Божью, обо мнѣ, рабѣ грѣшномъ:

«О угодниче Божій! не забудь и тезоименника твоего, особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преис-

правнаго послѣдователя, царевича Алексія Петровича. Ты оставилъ домъ свой: онъ также по чужимъ домамъ скитается; ты лишенъ рабовъ и подданныхъ, друзей и сродниковъ: онъ также; ты человекъ Божій, онъ также истинный рабъ Христовъ. Ей, молимъ святче Божій, покрой своего тезоименника, нашу единую надежду, скрой его подъ покровомъ крыль твоихъ, яко любимаго птенца, яко зѣницу, отъ всякаго зла соблюди невредимо!»

* * *

Будучи въ чужихъ краяхъ, по указу же родшаго мя, для ученія навигаціи, фортификаціи, геометріи и прочихъ наукъ, имѣлъ страхъ великій, дабы не умереть безъ покаянія. Писаль о семъ на Москву отцу нашему духовному Іакову такъ:

«Священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ. Молю вашу святыню, приищи какого попа на Москвѣ, чтобъ онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложа священническіе признаки, то-есть усы и бороду сбривь, также и гуменцо заростивъ, или всю голову обривъ и волосы накладные надѣвь и нѣмецкое платье. И сказался бы моимъ денщикомъ. Пожалуй, пожалуй, отче! Яви милосердіе къ душѣ моей, не дай умереть безъ покаянія. Не для чего иного онъ мнѣ, только для смертнаго случая, также и здоровому для исповѣди тайной. А хорошо бѣ, бездомный и безженный былъ человекъ и молодой, и чтобъ онъ подъ видомъ такимъ съ Москвы отъ знаемыхъ утаился, будто безъ вѣсти пропалъ. А бритіе бороды—не сомнѣвался бы, ибо въ нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ: лучше малое преступить, нежели душу погубить безъ покаянія. Сочини сіе безлѣностно, а буде не благоволишь сего сочинить, души нашей взыщетъ на васъ Богъ».

* * *

Когда пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ къ родшему мя въ Санктпитебургъ, принялъ онъ меня милостиво и спрашивалъ: не забылъ ли я, чему учился? На что я сказалъ, будто не забылъ, и онъ мнѣ приказалъ къ себѣ принести

моего труда чертежи. Но я, опасаяся, чтобы меня не заставилъ чертить при себѣ, понеже бы не умѣлъ, — умыслилъ испортить себѣ правую руку, чтобъ невозможно было оною ничего дѣлать, и, набивъ пистоль, взявъ ее въ лѣвую руку, стрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однакожъ порохомъ больно опалило, а пулька пробила стѣну въ моей каморѣ, гдѣ и нынѣ видимо. И родшій мя видѣлъ тогда руку мою опаленную и спрашивалъ о причинѣ, какъ учинилось? И я ему тогда сказалъ иное, но не истину.

* * *

Устава Воинскаго глава VII, артикуль 63:

«Кто себя больнымъ учинить или суставы свои преломаетъ и къ службѣ непотребными сочинить, оному надлежитъ ноздри распоротъ и потомъ его на каторгу сослать».

* * *

Уложение царя Алексѣя Михайловича глава XXII, статья 6:

«А буде, который сынъ учнетъ бить челомъ на отца, — и ему на отца ни въ чемъ суда не давать, да его же, за такое челобитье бивъ кнутомъ, отдать отцу».

И сіе не весьма справедливо, понеже, хотя чада волѣ родительской подлежатъ, но не какъ скоты безсловесные. Не едино естество — токмо еже родить — но добродѣтель отцовъ творить.

* * *

Слышалъ, что родшему мя неугодно, кто на Москвѣ дома строить, понеже воля его есть жить въ Питербурхѣ.

* * *

Намъ собою всенароднаго обычая перемѣнить невозможно.

Которая земля переставляетъ обычаи, и та земля недолго стоитъ.

Забыли русскіе люди воду своихъ сосудовъ и начали лакомо напоеваться отъ чужихъ возмущенныхъ водъ.

* * *

Іовъ, архіерей новгородскій, мнѣ сказалъ:

«Тебѣ въ Питербурхѣ худо готовится, только Богъ тебя избавитъ, чаю. Увидишь, что у васъ будетъ».

* * *

Богъ сдѣлалъ надъ нами, грѣшными, такъ, что только на головахъ нашихъ не ѣздятъ иноземцы.

Мы болѣемъ чужебѣсіемъ. Сія смертоносная немочь— бѣшенная любовь чужихъ вещей и народовъ заразила весь нашъ народъ. Право сказуетъ пророкъ Варухъ: *припусти къ себѣ чужеземца и разоритъ тя.*

Нѣмцы хвастаютъ и за притчу говорятъ: кто-де хочетъ хлѣбъ бездѣльно ѣсть, да придетъ на Русь. Зовутъ насъ барбарами и паче въ скотскомъ нежели въ человѣческомъ числѣ поставляютъ. Тщатся учинить для всѣхъ народовъ хуже дохлыхъ собакъ.

Иныя ихъ нѣмецкія затѣйки можно бы и пріостановить. А то, хоть притыка, хоть съ боку-припеку — а мы тутъ. Съ нѣмецкой стати на дурацкую стать. Сами унижаемъ себя, свой языкъ и свой народъ; выставляемся на посмѣхъ всѣмъ.

* * *

Чистота славянская отъ чужестранныхъ языковъ засыпалась въ пепель. Не знаю, на что бѣ нужно намъ чужія слова употреблять? Развѣ хвастая? Только въ томъ чести мало. Иногда такъ говорятъ, что ни сами, ни другіе понять не могутъ.

* * *

Не садись подъ чужой заборъ, а хоть въ крапивку, да подъ свой. Чужой умъ до порога. Намъ надлежитъ свой

умъ держать. Славны бубны за горами, а какъ ближе, такъ лукошко.

* * *

Много нѣмцы умнѣ насъ науками; а наши острою, по благодати Божьей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно. Чувствую, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми.

* * *

Мнѣ сумнительно, чтобъ подлинно все благополучіе человѣка въ одной наукѣ состояло. Почто въ древніи времена меньше учились, но болѣе, нежели нынѣ, со многими науками, благополучія видѣли? Съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду. Наука въ развращенномъ сердцѣ есть лютое оружіе дѣлать зло.

У насъ людей не берегутъ. Тирански собираютъ съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати. Вымыслили сборы поземельные, подушныя, хомутейныя, бородовые, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя и прочія, имъ же нѣсть числа. Съ одного вола по двѣ, по три шкуры дерутъ, а не могутъ и единой цѣлой содрать, и, сколько ни нудятся, только лоскуты сдираютъ. Того ради никакіе сборы и не споры, а люди всѣ тонѣютъ. Мужику, говорятъ, не давай обрости, но стриги его догола. И такъ творя, все царство пустошатъ. Оскудѣніе крестьянское—оскудѣніе царственное. Правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублей пропадаютъ, ни во что ставятъ.

На пиру Иродовомъ ѣдятъ людей, а пьютъ кровь ихъ да слезы. Господамъ и до пресыщенія всего много, а крестьянамъ бѣднымъ и укруха хлѣба худого не стаетъ. Сіи объѣдаются, а тѣ алчутъ.

Русскіе люди въ послѣднюю скудость пришли. И никто не доводитъ правды до царя. Пропащее наше государство.

* * *

Намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ.

* * *

Бояре—отпадшее зяблое дерево. Боярская толща царю заститъ народъ.

Куда батюшка — умный человекъ, а Меншиковъ его всегда обманываетъ.

* * *

Въ правителяхъ всѣ отъ мала до велика стали быть поползновенны. Древніе уставы обветшали, и новые ни во что обращаются. Сколько ихъ издано, а много ль въ нихъ дѣйства? И того ради все по-старому. Да и впредь не чаю жъ проку быть.

Когда по указу родшаго мя, въ Новгородскомъ уѣздѣ лѣса на скампавеи рубилъ, говорилъ съ крестьяниномъ села Покровскаго, Ивашкою Посошковымъ, о земскомъ соборѣ и о народосовѣтїи: подобаетъ-де выбрать всякаго званія людей и крестьянъ, въ разумѣ смысленныхъ, дабы сочинить новую книгу законовъ, всѣмъ народамъ освидѣтельствовавъ самымъ вольнымъ голосомъ. Понеже раздѣлилъ Богъ разумъ въ людяхъ на дробинки малыя и каждому по силѣ далъ. И мало-смысленными часто вѣщаетъ волю и правду свою. Унижать ихъ душевредно есть. Того ради безъ многосовѣтїя и вольнаго голоса быть царю невозможно.

* * *

О должности царской.

Не на свое высокоуміе полагаться, но о землѣ и народѣ, о странахъ и селахъ печаловаться; и любовь, и всякое попеченіе, и разсмотрѣніе, и заступленіе имѣть о меньшей братаи Христовой, понеже судъ великій бываетъ на великихъ и сильныхъ. Меньшій прощенъ будетъ; крѣпкихъ же крѣпкое ждетъ истязаніе.

Сіе весьма помнить, ежели даетъ Богъ на царствѣ быть.

* * *

На день великомученика Евстаѳіа праздновали кумпанію и гораздо подпяхомъ. Лики со тимпанами были. Жибандѣ глазъ подбили, да Захлюсткѣ вышибли зубъ. А я

ничего не помню, едва ушелъ. Зѣло былъ удовольствованъ Бахусовымъ даромъ.

Въ Рождественѣ оставался одинъ дома. Прошли дни, какъ воды протекли. Ничего, кромѣ тихости.

* * *

Время проходить, къ смерти доводить—ближе конецъ дней нашихъ.

Тлѣнность вѣка моего нынѣ познаваю,
Не желаю, не боюсь, смерти ожидаю.

* * *

Подпіяхомъ отчасти.

* * *

Сопряженная мнѣ (*Примѣчаніе Арнгеймъ*: такъ царевичъ называетъ свою супругу, кронпринцессу Шарлотту) имѣетъ во чревѣ.

Еремка, Еремка, поганый богъ! Отъ юности моя мнози борять меня страсти. Въ окаянствѣ другихъ обличаю, а самъ окаяннѣе всѣхъ.

Афросинья. Беззаконья мои познахъ и грѣха моего не покрыхъ. Отяготѣ на мнѣ рука Твоя, Господи! Когда прииду и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя хлѣбъ мнѣ день и ночь, желаетъ и скончевается душа моя во двory Господни.

Съ Благовѣщенскимъ протопресвитеромъ, духовнымъ отцомъ нашимъ Яковомъ, куликали до ночи. Пили не по-нѣмецки, а по-русски. Поджарились изрядно.

Афроська! Афроська! (*Примѣчаніе Арнгеймъ*: слѣдуетъ непристойное ругательство.)

* * *

Изъ Полтавской службы стихъ на литіи: *Врагъ креста Господня*—пѣли явно при всѣхъ, на подпиткахъ, къ лицу Θεодосія, архимандрита невскаго.

* * *

Дивлюся батюшкѣ: за что любитъ Θεодоску? Развѣ за то, что вноситъ въ народъ люторскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся? Сущій есть аеистъ, воистину врагъ креста Господня!

* * *

Экаго плута тонкаго мало я видалъ! Политикъ, зла явно не сотворить; только надобно съ нимъ обхожденіе имѣть опасное и жить не явно въ противность, но лицемерно, когда уже такъ учинилось, что у него подъ командою быть.

* * *

Жалость дому Твоего снѣдаетъ мя, Боже! Убоялся и вострепеталъ, да не погибнетъ до конца на Руси христіанство!

* * *

Оедоска ересіархъ и ему подобные начали явно всю церковь бороть, посты разорять, покаяніе и умерщвленіе плоти въ нѣкое баснословіе вмѣнять, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать и прочіе стропотные и узкіе пути жестокаго христіанскаго житія въ стези гладкія и пространныя измѣнять. Всякое развратное и слабое житіе имѣть учать смѣло, ни въ чемъ грѣха на признаютъ, все у нихъ свято, и симъ лаяніемъ любителей міра сего въ таковое безстрашіе и сластолюбіе приводятъ, что многіе и въ эпикурскія мнѣнія впали: ѣшь, пей, веселись—по смерти же никакого воздаянія нѣтъ.

Иконы святыя идолами называютъ, пѣніе церковное—бычачьимъ рыкомъ. Часовни разоряютъ, а гдѣ стѣны остались—табакомъ торговать, бороды брить попустили. Чудотворныя иконы на гнойныхъ телѣгахъ, подъ скверными рогожами, нагло во весь народъ ругаючись, увозятъ. На все благочестіе и вѣру православную наступили, но такимъ образомъ и претекстомъ, будто не вѣру, а непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, сколь многое множество подъ симъ притворомъ людей духовныхъ истреблено, поразстрижено и перемучено! Спроси жъ, за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣрь, ханжа, пустосвятъ, негодный. Кто посты хранить—ханжа, кто молится—пустосвятъ, кто иконамъ кланяется—лицемѣрь.

Сіе же все дѣлаютъ такую хитростью и умысломъ, дабы вовсе истребить въ Россіи священство православное

и завести свою новомышленную люторскую да кальвинскую безпоповщину.

Ей, нечувственъ, кто не обоняетъ въ нихъ худа аеискаго!

* * *

Когда малый недугъ сей люторства расширится и отъ многихъ размножится и растлитъ все тѣло—тогда что будетъ, разумѣвай!

Было бы суслице, доживемъ и до бражки.

* * *

Звоны церковные перемѣнили. Звонять дрянью, какъ на пожаръ гонять или всполохъ бьютъ. И во всемъ прочемъ премѣненіе. Иконы не на доскахъ, а на холстахъ, съ нѣмецкихъ персонъ пишутъ неистово. Зри Спасовъ образъ Еммануила—весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ, учиненъ по плотскому умыслу. Возлюбили толстоту плотскую, опровергли долу горнее. И церкви не по старому обычаю, но шпирцемъ наподобіе кирока строить и во образъ люторскихъ органовъ на колокольняхъ играть приказали.

Охъ, охъ, бѣдная Русь! Что-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ!

* * *

Монашество искоренить желаютъ. Готовятъ указъ, дабы отнынѣ впредь никого не постригать, а на убылыя мѣста въ монастыри опредѣлять отставныхъ солдатъ.

А въ Евангеліи сказано: *грядущаго ко Мнѣ не измѣну.* Но имъ св. Писаніе—ничто.

* * *

Вѣра стала духовнымъ артикуломъ, какъ есть артикулъ воинскій.

Да какова та молитва будетъ, что по указу, подъ штрафомъ молиться?

* * *

«Нищихъ брать за карауль, бить батожемъ нещадно и ссылатъ на каторгу, чтобъ хлѣбъ не даромъ ѣли.

Таковъ указъ царевъ, а Христовъ—на Страшномъ Судилищѣ: *Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти; возжаждахся, и не напоисте Мене; странень бѣхъ, и не введосте Мене; нагъ, и не одѣясте Мене. Аминь, глаголю вамъ: понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе.*

Такъ - то, подѣ наилучшимъ полицейскимъ распоряжкомъ, учать ругать Самого Христа, Царя Небеснаго,—въ образѣ нищихъ, бьютъ батожемъ и ссылаютъ на каторгу.

Весь народъ російскій голодомъ духовнымъ таетъ.

Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ; іереи не брегутъ, а люди заблуждаются. Сельскіе попы ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху, и попъ за соху. А христіане помираютъ какъ скотъ. Попы пьяные въ алтарѣ сквернословятъ, бранятся матерно. Риза на плечахъ златотканая, а на ногахъ лапти грязные; просфоры пекутъ ржаныя; страшныя Тайны Господни хранятъ въ судахъ зѣло гнусныхъ, съ клопами, сверчками и тараканами.

Чернецы спились и заворовались.

Все монашество и священство великаго требуетъ исправленія, понеже истиннаго монашества и священства едва слѣдъ нынѣ обрѣтается.

Мы носимъ на себѣ зазоръ, что ни вѣры своей, какова она есть, ни благочинія духовнаго не разумѣемъ, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ. Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотый человѣкъ знаетъ, что есть православная христіанская вѣра, или кто Богъ, и какъ Ему молиться, и какъ волю Его творить.

Не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, кромѣ того, что только именемъ слышемъ христіане.

* * *

Всѣ объюродѣли. Въ благочестіи аки листъ древесный колеблемся. Въ ученія странныя и различныя уклонились, одни—въ римскую, другіе—въ люторскую вѣру, на

оба колѣна хромаемъ, крещеные идолопоклонники. Оставили сосцы матери нашей церкви, ищемъ сосцовъ египетскихъ, иноземческихъ, еретическихъ. Какъ слѣпые щенята поверженные, всѣ розно бредемъ, а куда—того никто на вѣдаетъ.

* * *

Въ Чудовѣ монастырѣ Өомка - цырюльникъ, иконоборецъ, образъ чудотворца Алексія Митрополита желѣзнымъ косаремъ изрубилъ для того, что святыхъ иконъ и животворящаго Креста, и мощей угодниковъ Божіихъ, онъ, Өомка, не почитаетъ; святые-де иконы и животворящій Крестъ—дѣла рукъ человѣческихъ, а мощи его, Өомку, не милуютъ; и догматы, и преданія церковныя не приѣмлетъ; и во Евхаристіи не вѣруетъ быть истинное Тѣло и Кровь Христовы, но просвира и вино церковное просто.

И Стефанъ, митрополитъ рязанскій, Өомку анаѣмѣ церковной и казни гражданской предалъ—сжегъ въ срубѣ на Красной площади.

А господа-Сенать митрополита къ отвѣту за то въ Питербурхъ призывали и еретикамъ поноровку чинили: Өомкина учителя, иконоборца Митьку Тверетина—лѣкаря оправдали, а святителя съ великимъ стыдомъ изъ палаты судебной вонъ изгнали; и, плача, шелъ и говорилъ:

— Христе Боже, Спаситель нашъ! Ты самъ сказалъ: *Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ*. Вотъ меня выгоняютъ вонъ, но не меня, Самого Тебя изгоняютъ. Самъ Ты, Всевидче, зришь, что сей судъ ихъ неправеденъ. Самъ ихъ и суди!

И какъ вышелъ митрополитъ изъ Сената на площадь, весь народъ сжалился надъ нимъ и плакалъ.

А родшій мя на рязанскаго въ пущемъ гнѣвѣ.

* * *

Церковь больше царства земного. Нынѣ же царство возобладало надъ церковью.

Древле цари патріархамъ земно кланялись. Нынѣ же мѣстоблюститель патріаршаго престола грамотки свои царю подписываетъ: «Ваше величество рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій».

Глава церкви стала подножіемъ ногъ государевыхъ,—
вся церковь—холопскою.

На что Дмитрій, митрополить ростовскій, святой былъ
человѣкъ, а какъ родшій мя напоиль его венгерскимъ, да
сталъ о дѣлахъ духовной политики спрашивать, ничего
святой старецъ не отвѣтствовалъ, а только все крестиль да
крестиль царя, молча. Такъ и открестился!

* * *

Противъ рѣчного-де стремленія, говорятъ отцы, нельзя
плавать, плетью обуха не перешибешь.

А какъ же святые мученики кровей своихъ за церковь
не щадили?

* * *

У царя архіереи на хлѣбахъ,—а чей хлѣбъ ѣмъ, того
и вѣмъ.

* * *

Прежніе святители печальники были всей земли рус-
ской, а нынѣшніе архіереи не печалуются предъ государемъ,
но паче потаковники бываютъ и благочестивый санъ цар-
скій растлѣваютъ.

* * *

Народъ согрѣшитъ, царь умолитъ; царь согрѣшитъ
народъ не умолитъ. За государево прегрѣшеніе Богъ всю
землю караетъ.

* * *

Намедни, на подпиткахъ, пастушокъ рязанскій родшему
мя говорилъ: «вы цари, земные боги, уподобляетея Самому
Царю Небесному».

А князь-папа, пьяный шутъ, надъ святителемъ ругался:
— Я, говоритъ, хоть и въ шутахъ патріархъ, а такого
бы слова царю не сказалъ! Божіе больше царева.

И царь шута похвалилъ.

* * *

На тѣхъ же подпиткахъ, какъ заговорили архіереи о
вдовствѣ церкви и о нуждѣ патріаршества, родшій мя въ

великомъ гнѣвѣ выхватилъ изъ ноженъ кортикъ, такъ что всѣ затряслись, думали, рубить станеть, ударилъ лезвеемъ плашмя по столу, да закричалъ:

— Вотъ вамъ патріархъ! Оба вмѣстѣ—патріархъ и царь!

* * *

Федоска родшему мя приговариваетъ дабы россійскимъ царямъ отнынѣ титулу принять императорскую, сирѣчь древнихъ римскихъ кесарей.

* * *

Въ Москвѣ, на Красной площади, въ 1709 году, въ триумфованьи на Полтавскую викторію людьми чина духовнаго воздвигнуто нѣкос подобіе ветхо-римскаго храма съ жертвенникомъ—добродѣтелямъ россійскаго бога Аполло и Марса—сіестъ родшаго мя. И на ономъ ветхо-эллинскомъ капищѣ подписано:

«Basis et fundamentum reipublicae religio.—Утвержденіе и основаніе государства есть вѣра».

Какая вѣра? Въ коего Бога или въ коихъ боговъ?

Въ ономъ же триумфованіи представлена *Политико-льпная Апоеозизъ Всероссійскаго Геркулеса*—сіестъ родшаго мя, избивающаго многихъ звѣрей и людей и, по совершеніи сихъ подвиговъ, возлетающаго въ небо на колесницѣ бога Іовиша, везомой: орлами по млечному пути—съ подписью:

«Viamque effectat Olympro.—Пути желаетъ въ Олимпъ».

А въ книжицѣ, сочиненной отъ іеромонаха Іосифа, префекта академіи, объ оной Апоеозизъ сказано:

«Вѣдати же подобаетъ, яко сія не суть храмъ или церковь, во имя нѣкоего отъ святыхъ созданная, но политическая, сіестъ гражданская, похвала».

* * *

Федоска родшему мя приговаривалъ, дабы въ указѣ долженствующей быть коллегіи духовной, Св. Синода, а то

и въ самой присягѣ россійской объявить во весь народъ сими словами:

«Имя Самодержца своего имѣли бы, яко главы своея, и отца отечества, и Христа Господня».

* * *

Хотятъ люди восхитить Божескую славу и честь Христа, вѣчнаго и единого Царя царей. Именно въ сборникѣ Римскихъ Законовъ читаются нечестивыя и богохульныя слова: «Самодержецъ Римскій есть всему свѣту Господь».

* * *

Исповѣдуемъ и вѣруемъ, что Христось единъ есть Царь царей и Господь господей, и что нѣтъ челоуѣка, всего міра господа.

* * *

Камень нерукоуѣчный отъ несѣкомой горы, Исусъ Христось, ударилъ и разорилъ Римское царство и разбилъ въ прахъ глиняныя ноги. Мы же паки созидаемъ и строимъ то, что Богъ разорилъ. Нѣсть ли то—бороться съ Богомъ?

* * *

Смотри гисторію Римскую. Говорилъ цесарь Калигула: «Императору все позволено.—*Omnia licent*».

Да не единымъ цесарямъ римскимъ, а и всякимъ плутамъ и хамамъ, и четвероногимъ скотамъ все позволено.

* * *

Навуходносоръ, царь Вавилонскій, рече: *Богъ есмь азъ*. Да не Богомъ, а скотомъ сталь.

* * *

На Васильевскомъ острову, въ домѣ царицы Прасковьи Матвѣевны живетъ старецъ Тимоѣей Архипычъ, прибѣжище отчаянныхъ, надежда ненадежныхъ, юродь міру, а не себѣ. Совѣсти челоуѣческія знаетъ.

Намедни ночью ѣздилъ къ нему, бесѣдовалъ. Архипычъ сказываетъ, что антихристъ-де есть ложный царь, истинный хамъ. И сей Хамъ грядеть.

* * *

Читалъ митрополита рязанскаго «Знаменья Пришествія Антихристова» и сего Хама Грядущаго вострепеталъ.

На Москвѣ Григорія Талицкаго сожгли за то, что въ народъ кричалъ объ антихристовомъ пришествіи. Талицкій былъ большого ума человѣкъ. И драгунскаго полка капитанъ, Василій Левинъ, что былъ со мною на пути изъ Львова въ Кіевъ въ 1711 году, да свѣтлѣйшаго князя Меншикова духовникъ, попъ Лебедка, да подьячій Ларивонъ Докунинъ и другіе многіе по сему же мыслятъ объ антихристѣ.

По лѣсамъ и пустынямъ сами себя сожигаютъ люди, страха ради антихристова.

* * *

Внѣ членовъ—брани; внутри членовъ — страхи. Вижу, что отовсюду погибаемъ, а помощи и спасенія ниоткуда не знаемъ. Молимся и боимся. Столько беззаконій, столько обидъ вопіютъ на небо и возбуждаютъ гнѣвъ и отмщеніе Божіе.

* * *

Тайна беззаконія дѣется. Время приблизилось. На самой громадѣ злобы стоимъ всѣ, а отнюдь вѣры не имѣемъ.

* * *

Нѣкій раскольщикъ тайну Христову всю пролилъ подъ ноги и ногами потопталъ.

* * *

У Любеча пролетѣть саранчи съ полудня на полночь, а на крылахъ надпись: *Гнѣвъ Божій*.

* * *

Дни кратки и пасмурны. Старые люди говорятъ: не попрежнему и солнце свѣтитъ.

* * *

Подпїяхомъ, водковали зѣло. Видить Богъ, со страха
пьемъ, дабы себя не помнить

* * *

Страхъ смерти напалъ на меня.

Конецъ при дверяхъ, сѣкира при корени, коса смер-
тная надъ главою.

* * *

Спаси, Господи, русскую землю! Заступись, помилуй,
Матерь Пречистая!

* * *

Добре преподобный Семеонъ, Христа ради юродивый,
другу своему, Іоанну діакону, предъ кончиною сказывалъ:
«Между простыми людьми и земледѣльцами, которые въ не-
злобіи и простотѣ сердца живутъ, никого не обижаютъ, но
отъ труда рукъ своихъ въ потѣ лица ѣдятъ хлѣбъ свой,—
между такими многіе суть великіе святыя, ибо видѣлъ я ихъ,
приходящихъ въ городъ и причащающихся, и были они,
какъ золото чистое».

* * *

О, человѣки, послѣднихъ сихъ временъ мученики, въ
васъ Христосъ нынѣ, яко въ членахъ Своихъ обитаетъ.
Любитъ Господь плачущихъ: а вы всегда въ слезахъ. Лю-
битъ Господь алчущихъ и жаждущихъ: а у васъ есть и
пить мало чего—иному и половиннаго нестаетъ хлѣба. Лю-
битъ страдающихъ безвинно: а въ васъ страданія того не
исчислишь—уже въ иномъ едва душа въ тѣлѣ держится.
Не изнемогайте въ терпѣніи, но благодарите Христа своего,
а Онъ къ вамъ по воскресеніи Своемъ будетъ въ гости —
не въ гости только, но и въ неразлучное съ вами пребыва-
ніе. Въ васъ Христосъ есть и будетъ, а вы скажите: аминь!

III

Дневникъ фрейлины Арнгеймъ.

Этими словами кончался дневникъ царевича Алексѣя. Онъ при мнѣ бросилъ его въ огонь.

31 декабря 1715.

Сегодня скончалась послѣдняя русская царица, Марѳа Матвѣевна, вдова своднаго брата Петрова, царя Θεодора Алексѣевича. При иностранныхъ дворахъ ее считали давно умершею: со смерти мужа, въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ, она была помѣшанной, жила, какъ затворница, въ своихъ покояхъ и никогда никому не показывалась.

Ее хоронили въ вечернія сумерки съ большимъ великолѣпіемъ. Погребальное шествіе совершалось между двумя рядами факеловъ, разставленныхъ по всему пути отъ дома усопшей—она жила рядомъ съ нами, у церкви Всѣхъ Скорбящихъ—къ Петропавловскому собору, черезъ Неву, по льду. Это тотъ же самый путь, по которому, два мѣсяца съ лишнимъ назадъ, везли на траурномъ фрегатѣ тѣло ея высочества. Тогда хоронили первую чужеземную царевну; теперь послѣднюю русскую царицу.

Впереди шло духовенство въ пышныхъ ризахъ, со свѣчами и кадилами съ похороннымъ пѣніемъ. Гробъ везли на саняхъ. За нимъ тайный совѣтникъ Толстой несъ корону, всю усыпанную драгоценными каменьями.

Царь впервые на этихъ похоронахъ отмѣнилъ древній русскій обычай надгробныхъ воплей и причитаній: строго приказано было, чтобы никто не смѣлъ громко плакать.

Всѣ шли молча. Ночь была тихая. Слышался лишь трескъ горячей смолы, скрипъ шаговъ по снѣгу, да похоронное пѣніе. Это безмолвное шествіе навѣвало тихій ужасъ. Казалось, мы скользимъ по льду вслѣдъ за умершею, сами

какъ мертвые, въ черную вѣчную тьму. Казалось также, что въ послѣдней русской царицѣ Россія новая хоронить старую: Петербургъ—Москву.

Царевичъ, любившій покойную, какъ родную мать, потрясенъ этою смертью. Онъ считаетъ ее для себя, для всей судьбы своей дурнымъ предзнаменованіемъ. Нѣсколько разъ во время похоронъ говорилъ мнѣ на ухо:

Теперь всему конецъ!

* * *

1 января 1716.

Завтра утромъ, вмѣстѣ съ баронами Левенвольдами, мы выѣзжаемъ изъ Петербурга прямо на Ригу и черезъ Данцигъ въ Германію. Навсегда покидаю Россію. Это моя послѣдняя ночь въ домѣ царевича.

Вечеромъ заходила къ нему проститься. По тому, какъ мы разстались, я почувствовала, что полюбила его и никогда не забуду.

— Кто знаетъ,—сказалъ онъ,—можетъ-быть, еще увидимся. Хотѣлось бы мнѣ снова въ гости къ вамъ, въ Европу. Мнѣ тамошнія мѣста полюбились. Хорошо у васъ, вольно и весело.

— Зачѣмъ же дѣло стало, ваше высочество?

Онъ тяжело вздохнулъ:

— Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

И прибавилъ со своею доброю улыбкою:

— Ну, Господь съ вами, фрейлейнъ Юліана! Не поминайте лихомъ, поклонитесь отъ меня европейскимъ краямъ и старику вашему, Лейбницу. Можетъ-быть, онъ и правъ: дастъ Богъ, мы другъ друга не съѣдимъ, а послужимъ другъ другу!

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ съ братскою нѣжностью.

Я заплакала. Уходя, еще разъ обернулась къ нему, посмотрѣла на него послѣднимъ прощальнымъ взоромъ, и опять сердце мое сжалось предчувствіемъ, какъ въ тотъ день, когда я увидѣла въ темномъ-темномъ пророческомъ зеркалѣ соединенныя лица Шарлотты и Алексѣя—и мнѣ

показалось, что оба они—жертвы, обреченныя на какое-то великое страданіе. Она погибла. Очередь за нимъ.

И еще мнѣ вспомнилось, какъ въ послѣдній вечеръ въ Рождественѣ онъ стоялъ на голубятнѣ, въ вышинѣ надъ чернымъ, точно обугленнымъ лѣсомъ, въ красномъ, точно окровавленномъ небѣ, весь покрытый, словно одѣтый, бѣлыми голубиными крыльями. Такимъ онъ и останется навѣки въ моей памяти.

Я слышала, что узники, выпущенные на волю, иногда жалѣютъ о тюрьмѣ. Я теперь чувствую нѣчто подобное къ Россіи.

Я начала этотъ дневникъ проклятiями. Не кончу благословенiями. Скажу лишь то, что, можетъ-быть, многіе въ Европѣ сказали бы, если бы лучше знали Россію: таинственная страна, таинственный народъ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА.

Н а в о д н е н і е.

I.

Царя предупреждали, при основаніи Петербурга, что мѣсто необитаемо по причинѣ наводненій, что за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ вся страна до Ніеншанца была потоплена, и подобныя бѣдствія повторяются почти каждыя пять лѣтъ; первобытные жители Невскаго устья не строили прочныхъ домоу а только малыя хижины; и когда, по примѣтамъ, ожидалось наводненіе, ломали ихъ, бревна и доски связывали въ плоты, прикрѣпляли къ деревьямъ, сами же спасались на Дудерову гору. Но Петру новый городъ казался «Парадизомъ», именно вслѣдствіе обилія водъ. Самъ онъ любилъ ихъ, какъ водяная птица, и подданныхъ своихъ надѣялся здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приучить къ водѣ.

Въ концѣ октября 1715 года начался ледоходъ, выпалъ снѣгъ, поѣхали на саняхъ, ожидали ранней и дружной зимы. Но сдѣлалась оттепель. Въ одну ночь все растаяло. Вѣтеръ съ моря нагналъ туманъ—гнилую и душную желтую мглу, отъ которой люди болѣли.

«Молю Бога вывести меня изъ сего пропаднаго мѣста,—писалъ одинъ старый бояринъ въ Москву.—Истинно опасуюсь, чтобы не занемочь; какъ началась оттепель, такой сталъ бальзамовый духъ и такая мгла, что изъ избы выйти невозможно, и многіе въ семъ Парадизѣ отъ воздуху помирають».

Юго-западный вѣтеръ дулъ въ продолженіе девяти дней. Вода въ Невѣ поднялась. Нѣсколько разъ начиналось наводненіе.

Петръ издавалъ указы, которыми повелѣвалось жителямъ выносить изъ подваловъ имущество, держать лодки, наготовѣ, сгонять скоть на высокія мѣста. Но каждый разъ вода убывала. Царь, замѣтивъ, что указы тревожатъ народъ, и, заключивъ по особымъ, ему одному извѣстнымъ примѣтамъ, что большого наводненія не будетъ, рѣшилъ не обращать вниманія на подъемы воды.

6 ноября назначена была первая зимняя ассамблея въ домѣ президента адмиралтейской коллегіи, Ѳедора Матвѣевича Апраксина, на набережной, противъ Адмиралтейства, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ.

Наканунѣ вода опять поднялась. Свѣдущіе люди предсказывали, что на этотъ разъ не миновать бѣды. Сообщались примѣты: тараканы во дворцѣ ползли изъ погребовъ на чердакъ; мыши бѣжали изъ мучныхъ амбаровъ; государынѣ приснился Петербургъ, объятый пламенемъ, а пожаръ снится къ потопу. Не совсѣмъ оправившись послѣ родовъ, не могла она сопровождать мужа на ассамблею и умоляла его не ѣздить.

Петръ во всѣхъ взорахъ читалъ тотъ древній страхъ воды, съ которымъ тщетно боролся всю жизнь: «жди горя съ моря, бѣды отъ воды; гдѣ вода, тамъ и бѣда; и царь воды не уйметъ».

Со всѣхъ сторонъ предупреждали его, приставали и, наконецъ, такъ надоѣли, что онъ запретилъ говорить о наводненіи. Оберъ-полиційместера Девьера едва не отколотилъ дубинкою. Какой-то мужичокъ напугалъ весь городъ предсказаніями, будто бы вода покроетъ высокую ольху, стоявшую на берегу Невы, у Троицы. Петръ велѣлъ срубить ольху и на томъ самомъ мѣстѣ наказать мужичка плетми, съ барабаннымъ боемъ и «убѣдительнымъ увѣщаніемъ» къ народу.

Передъ ассамблеей пріѣхалъ къ царю Апраксинъ и просилъ позволенія устроить ее въ большомъ домѣ, а не во флигелѣ, гдѣ она раньше бывала, стоявшемъ на дворѣ

и соединенномъ съ главнымъ зданіемъ узкою стеклянною галлереей, не безопасною въ случаѣ внезапнаго подъема воды: гости могли быть отрѣзаны отъ лѣстницы, ведущей въ верхніе покои. Петръ задумался, но рѣшилъ поставить на своемъ и назначилъ собраніе въ обычномъ ассамблейномъ домикѣ.

«Ассамблея, — объяснялось въ указѣ, — есть вольное собраніе или съѣздъ, не для только забавы, но и для дѣла.

«Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни потчевать.

«Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить, или унимать, также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ и прочимъ да не дерзаетъ, подъ штрафомъ великаго Орла».

Обѣ комнаты—въ одной ѣли и пили, въ другой танцевали—были просторныя, но съ чрезвычайно низкими потолками. Въ первой стѣны выложены, какъ въ голландскихъ кухняхъ, голубыми изразцами; на полкахъ разставлена оловянная посуда; кирпичный полъ усыпанъ пескомъ; огромная кафельная печь жарко натоплена. На одномъ изъ трехъ длинныхъ столовъ—закуски—любимыя Петромъ фленсбургскія устрицы, соленые лимоны, салакуша; на другомъ — шашки и шахматы; на третьемъ—картузы табаку, корзины глиняныхъ трубокъ, груды лучинокъ для раскуриванія. Сальныя свѣчи тускло мерцали въ клубахъ дыма. Низенькая комната, набитая людьми, напоминала шкиперскій погребъ гдѣ-нибудь въ Плимутѣ или Роттердамѣ. Сходство довершалось множествомъ англійскихъ и голландскихъ корабельныхъ мастеровъ. Жены ихъ, румяныя, толстыя, гладкія, точно глянцевитыя, уткнувъ ноги въ грѣлки, вязали чулки, болтали и, видимо, чувствовали себя какъ дома.

Петръ покуривая кнастеръ изъ глиняной короткой носогрѣйки, попивая флинъ—грѣтое пиво съ коньякомъ, ледянцомъ и лимоннымъ сокомъ, игралъ въ шашки съ архимандритомъ Ѳедосомъ.

Боязливо ежась и крадучись, какъ виноватая собака, подошелъ къ царю оберъ-полиціймистеръ Антонъ Мануйло-

вичъ Девьеръ, не то португалець, не то жидъ, съ жено-подобнымъ лицомъ, съ тѣмъ выраженіемъ сладости и слабости, которое иногда свойственно южнымъ лицамъ.

— Вода поднимается, ваше величество!

— Сколько?

— Два фута пять вершковъ.

— А вѣтеръ?

— Вестъ-зюйдъ-вестъ.

— Врешь! Давеча я мѣрилъ самъ: зюйдъ-вестъ-зюйдъ.

— Перемѣнился,—возразилъ Девьеръ съ такимъ видомъ, какъ будто виноватъ былъ въ направленіи вѣтра.

— Ничего,—рѣшилъ Петръ,—скоро на убыль пойдетъ. Бурометръ кажетъ въ облегченію воздушному. Небось, не обманетъ!

Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость барометра, такъ же какъ во всякую механику.

— Ваше величество! Не будетъ ли какого указа?—жалобно взмолился Девьеръ. — А то ужъ какъ и быть не знаю. Зѣло опасаются. Свѣдущіе люди сказываютъ...

Царь посмотрѣлъ на него пристально.

— Одного изъ оныхъ свѣдущихъ я уже у Троицы выпоролъ, и тебѣ по сему же будетъ, если не уймешься. Ступай прочь, дуракъ!

Девьеръ, еще болѣе съезжившись, какъ ласковая сучка Лизетта подъ палкой, мгновенно исчезъ.

— Какъ же ты, отче, о семъ необычайномъ звонѣ полагаешь?—обратился Петръ къ Ѳедосу, возобновляя бесѣду о полученномъ недавно донесеніи, будто бы по ночамъ въ новгородскихъ церквахъ какимъ-то чудомъ гудятъ колокола; молва гласила, что гудѣніе это предвѣщаетъ великія бѣдствія.

Ѳедоска погладилъ жиденъкую бородку, поигралъ двойной панагіей съ распятіемъ и портретомъ государя, взглянулъ искоса на царевича Алексѣя, который сидѣлъ тутъ же рядомъ, сощурилъ одинъ глазъ, какъ будто прицѣливаясь, и вдругъ все его крошечное личико, мордочка летучей мыши, озарилось тончайшимъ лукавствомъ.

— Чему бы оное безсловесное гудѣніе челоуѣковъ учило, можетъ всякъ имѣющій умъ разсудить: явно—отъ Противника; рыдаетъ бѣсъ, что прелесть его изгоняется отъ народовъ россійскихъ—изъ кликушъ, раскольщиковъ и старцевъ-пустосвятовъ, объ исправленіи коихъ тщаніе имѣеть ваше величество.

И Ѳедоска свелъ рѣчь на свой любимый предметъ, на разсужденіе о вредѣ монашества.

— Монахи тунеядцы суть. Отъ податей бѣгутъ, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть. Что жъ прибыли обществу отъ сего? Званіе свое гражданское ни во что вмѣняютъ, суетѣ сего міра приписуютъ—что и пословица есть: кто пострижется, говорятъ,—работалъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать Небесному. Въ пустыняхъ скотское житіе проводятъ. А того не разсудятъ, что пустынямъ прямымъ въ Россіи, студенаго ради климата, быть невозможно...

Алексѣй понималъ, что рѣчь о пустосвятахъ — камень въ его огородъ:

Онъ всталъ. Петръ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Сиди!

Царевичъ покорно сѣлъ, потупивъ глаза,—какъ самъ онъ чувствовалъ, съ «гипокритскимъ» видомъ.

Ѳедоска былъ въ ударѣ, поощряемый вниманіемъ царя, который вынулъ записную книжку и дѣлалъ въ ней отмѣтки для будущихъ указовъ,—предлагалъ онъ все новыя, новыя мѣры, будто бы для исправленія, а въ сущности, казалось царевичу, для окончательнаго истребленія въ Россіи монашества

— Въ мужскихъ монастыряхъ учредить гошпитали по регламенту для отставныхъ драгунъ, также училища цыфири и геометріи; въ женскихъ—воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ; монахинямъ питаться пряжею на мануфактурные дворы...

Царевичъ старался не слушать; но отдѣльные слова доносились до него, какъ властные окрики:

— Продажу меда и масла въ церквахъ весьма пресѣчь. Предъ иконами, внѣ церкви стоящими, свѣщевозженіе весьма

возбранить. Часовни ломать. Мощей не являть. Чудесъ не вымышлять. Нищихъ брать за карауль и бить батожемъ нещадно...

Ставни на окнахъ задрожали отъ напора вѣтра. По комнатѣ пронеслось дуновеніе, всколыхнувшее пламя свѣчей. Какъ будто насмѣтная вражья сила шла на приступъ и ломилась въ домъ. И Алексѣю чудилась въ словахъ Ѳедоски та же злая сила, тотъ же натискъ бури съ запада.

Во второй комнатѣ, для танцевъ, по стѣнамъ были гарусныя тканья шпалеры; зеркала въ простѣнкахъ; въ шандалахъ восковыя свѣчи. На небольшомъ помостѣ музыканты съ оглушительными духовыми инструментами. Потолокъ, съ аллегорической картиной *Ѣзда на островъ Любви*—такой низкій, что голые амуры съ пухлыми икрами и ляжками почти касались париковъ.

Дамы, когда не было танцевъ, сидѣли, какъ нѣмыя, скучали и млѣли; танцуя, прыгали какъ заведенныя куклы; на вопросы отвѣчали «да» и «нѣтъ», на комплименты озирались дико. Дочки словно пришиты къ маменькинымъ юбкамъ; а на лицахъ маменежъ написано: «лучше бы мы дѣвицъ своихъ въ воду пересажали, чѣмъ на ассамблеи привозили!»

Вилимъ Ивановичъ Монсъ говорилъ переведенный изъ нѣмецкой книжки комплиментъ той самой Настенькѣ, которая влюблена была въ гардемарина и въ Лѣтнемъ саду на праздникъ Венусъ плакала надъ нѣжною цыдулкою:

— Чрезъ частое усмотрѣніе васъ, яко изряднаго ангела, такое желаніе къ знаемости вашей получилъ, что я того долѣе скрыть не могу, но принужденъ оное вамъ съ достойнымъ почтеніемъ представить. Я бы желалъ усердно, дабы вы, моя госпожа, столь искусную особу во мнѣ обрѣли, чтобъ я своими обычаями и пріятными разговорами васъ, мою госпожу, совершенно удовольствовать удобенъ былъ; но, понеже натура мнѣ въ семъ удовольствіи мало склонна есть, то благоволите только моею вамъ преданною вѣрностью и услуженіемъ довольствоваться...

Настенька не слушала—звукъ однообразно жужжащихъ словъ клонилъ ее ко сну. Впослѣдствіи жаловалась она теткѣ на своего кавалера: «иное говорить онъ, кажется, и по-русски, а я, хоть умереть, ни слова не разумѣю».

Секретарь французскаго посланника, сынъ московскаго подьячаго, Юшка Проскуровъ, долго жившій въ Парижѣ и превратившійся тамъ въ monsieur George'a, совершеннаго петиметра и галантома, пѣлъ дамамъ модную пѣсенку о парикмахерѣ Фризонѣ и уличной дѣвкѣ Додэнѣ:

La Dodun dit à Frison:
Coiffez moi avec adresse.
Je prétends avec raison
Inspirer de la tendresse.

Tignonnez, tignonnez, bichonnez moi!

Прочелъ и русскія вирши о прелестяхъ парижской жизни:

Красное мѣсто, драгой берегъ Сенской,
Гдѣ быть не смѣть маниръ деревенской,
Ибо все держать въ себѣ благородно—
Богамъ и богинямъ ты—мѣсто природно.
А я не могу никогда позабыти,
Пока имѣю на землѣ быти!

Старые московскіе бояре, враги новыхъ обычаевъ, сидѣли поодаль, грѣясь у печки, и вели бесѣду полунамеками, полузагадками:

— Какъ тебѣ, государь мой, питербурхская жизнь кажется?

— Прахъ бы васъ побралъ и съ жизнью вашею! Финтифанты, нѣмецкіе куранты! Отъ великихъ здѣшнихъ кумплиментовъ и присѣданій хвоста и заморскихъ яствъ глаза смутились.

— Что дѣлать, братъ! На небо не вскочишь, въ землю не закопаешься.

— Тяни лямку, пока не выкопаютъ ямку.

— Трещи, не трещи, да гнись.

— Ой - ой - ошеньки, болятъ боченьки, бока болятъ, а лежать не велятъ.

Монсъ шепталъ на ухо Настенькѣ только что сочиненную пѣсенку.

Безъ любви и безъ страсти,
Всѣ дни суть непріятны:
Вздыхать надо, чтобъ сласти
Любовны были златны.
На что и жить,
Коль не любить?

Вдругъ почудилось ей, что потолокъ шатается, какъ во время землетрясенія, и голые амурѣ падаютъ прямо ей на голову. Она вскрикнула. Вилимъ Ивановичъ успокоилъ ее: это вѣтеръ; шаталось полотно съ картиной, прибитое къ потолку и раздуваемое, какъ парусъ. Опять ставни задрожали, на этотъ разъ такъ, что всѣ оглянулись со страхомъ.

Но заигралъ полонэзъ, пары закружились—и бурю заглушила музыка. Только зябкіе старички, грѣясь у печки, слушали, какъ вѣтеръ воетъ въ трубѣ, и шептались, и вздыхали, и качали головами; въ звукахъ бури, еще болѣе зловѣщихъ сквозь звуки музыки, имъ слышалось: «жди горя съ моря, бѣды отъ воды».

Петръ, продолжая бесѣду съ Ѳедоскою, расспрашивалъ его объ ереси московскихъ иконоборцевъ, Ѳомки-цырюльника и Митьки-лѣкаря.

Оба ересіарха, проповѣдуя свое ученіе, ссылались на недавніе указы царя: «нынѣ-де у насъ на Москвѣ,—говорили они,—слава Богу, вольно всякому,—кто какую вѣру себѣ изберетъ, въ такую и вѣруетъ».

— По-ихнему, Ѳомки да Митьки, ученію,—говорилъ Ѳедось съ такой двусмысленной усмѣшкой, что нельзя было понять, осуждаетъ ли онъ ересь, или сочувствуетъ,—правая вѣра отъ святыхъ писаній и добрыхъ дѣлъ познается, а не отъ чудесъ и преданій человѣческихъ. Можно-де спастись во всѣхъ вѣрахъ, по слову апостола: дѣлающій правду во всякомъ народѣ Богу угоденъ.

— Весьма разумно,—замѣтилъ Петръ, и усмѣшка монаха отразилась въ такой же точно усмѣшкѣ царя: они понимали другъ друга безъ словъ.

— А иконы-де, учать, дѣла рукъ человѣческихъ, суть идолы,—продолжалъ Ѳедось.—Крашенныя доски какъ могутъ чудеса творить? Брось ее въ огонь—сгоритъ, какъ и всякое дерево. Не иконамъ въ землю, а Богу въ небо подобаешь кланяться. И кто-де имъ, угодникамъ Божьимъ, далъ такія уши долгія, чтобъ съ неба слышать моленія земныхъ. И если, говорятъ, сына у кого убьютъ ножомъ или палкою, то отецъ того убитаго какъ можетъ ту палку или ножъ любить? Такъ и Богъ какъ можетъ любить древо, на коемъ распятъ Сынъ Его? И Богородицу, вопрошаютъ, чего ради весьма почитаете? Она-де подобно мѣшку простому, наполненному драгоценныхъ каменьевъ и бисеровъ, а когда изъ мѣшка оныя драгіе каменья изсыпаны, то какой онъ цѣны и чести достоинъ? И о таинствѣ Евхаристіи мудрствуютъ: какъ можетъ Христось повсюду раздробляемъ и раздаваемъ, и снѣдаемъ быть въ службахъ, коихъ бываетъ въ свѣтѣ множество въ единъ часъ? Да какъ можетъ хлѣбъ премѣняться въ Тѣло Господне молитвами поповскими? А попы-де всякіе бываютъ—и пьяницы, и блудники, и сущіе злодѣи. Отнюдь сего статься не можетъ: и въ томъ-де мы весьма усомнѣваемся: понюхаемъ—хлѣбомъ пахнетъ; также и Кровь, по свидѣтельству данныхъ намъ чувствъ, является красное вино просто...

— Сихъ непотребствъ еретическихъ намъ, православнымъ, и слушать зазорно!—остановилъ Ѳедоску царь.

Тотъ замолчалъ, но усмѣхался все наглѣе, все злораднѣе.

Царевичъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на отца украдкою. Ему показалось, что Петръ смутился: онъ уже не усмѣхался; лицо его было строго, почти гнѣвно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, беспомощно, растерянно. Не самъ ли онъ только что призналъ основаніе ереси разумнымъ? Принявъ основаніе какъ не принять и выводовъ? Легко запретить, но какъ возразить? Умень царь; но не умнѣе ли монахъ и не ведетъ ли онъ царя, какъ злой поводырь—слѣпого въ яму?

Такъ думалъ Алексѣй, и лукавая усмѣшка Ѳедоски отразилась въ точно такой же усмѣшкѣ, уже не отца, а сына: царевичъ и Ѳедоска теперь тоже понимали другъ друга безъ словъ.

— На Оомку да Митьку дивить нечего,—проговорилъ вдругъ, среди общаго неловкаго молчанія, Михайло Петровичъ Аврамовъ.—Какова погудка, такова и пляска; куда пастухъ, туда и овцы...

И посмотрѣлъ въ упоръ на Федоску. Тотъ понялъ намекъ и весь пришипился отъ злости.

Въ это мгновеніе что-то ударило въ ставни—словно застучали въ нихъ тысячи рукъ—потомъ завизжало, завыло, заплакало и гдѣ-то въ отдаленіи замерло. Вражья сила все грознѣе шла на приступъ и ломилась въ домъ.

Девьеръ каждая четверть часа выбѣгалъ на дворъ узнавать о подъемѣ воды. Вѣсти были недобрыя. Рѣчки Мья и Фонтанная выступали изъ береговъ. Весь городъ былъ въ ужасѣ.

Антонъ Мануйловичъ потерялъ голову. Нѣсколько разъ подходилъ къ царю, заглядывалъ въ глаза его, старался быть замѣченнымъ, но Петръ, занятый бесѣдою, не обращалъ на него вниманія. Наконецъ, не выдержавъ, съ отчаянной рѣшимостью, наклонился Девьеръ къ самому уху царя и пролепеталъ:

— Ваше величество! Вода:...

Петръ молча обернулся къ нему и быстрымъ, какъ будто невольнымъ движеніемъ ударилъ его по щекѣ. Девьеръ ничего не почувствовалъ, кромѣ сильной боли—дѣло привычное

«Лестно,—говаривали птенцы Петровы,—быть биту отъ такого государя, который въ одну минуту побьетъ и пожалуетъ».

И Петръ, со спокойнымъ лицомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратившись къ Аврамову, спросилъ, почему до сей поры не напечатано сочиненіе астронома Гюйгенса: *Мірозрѣніе, или мнѣніе о небесноземныхъ глубусахъ*.

Михайло Петровичъ смутился было, но, тотчасъ оправившись и смотря прямо въ глаза царю, отвѣтилъ съ твердостью.

Оная книжица самая богопротивная, не черниломъ, но углемъ адскимъ писанная и единому только скорому сожженію въ срубѣ угодная...

— Какая же въ ней противность?

— Земли вращеніе около солнца полагается и множественность міровъ, и всѣ оныя міры такія же, будто, суть земли, какъ и наша, и люди на нихъ, и поля, и луга, и лѣса, и звѣри, и все прочее, какъ на нашей землѣ. И такъ вкрадшись, хитритъ вездѣ прославить и утвердить натуру, что есть жизнь самобытную. А Творца и Бога въ небытіе низводитъ...

Начался споръ. Царь доказывалъ, что «Коперниковъ чертежъ свѣта всѣ явленія планетъ легко и способно изъясняетъ».

Подъ защитой царя и Коперника, высказывались мысли все болѣе смѣлыя.

— Нынѣ уже вся философія механична стала!—объявилъ вдругъ адмиралтейецъ-совѣтникъ Александръ Васильевичъ Кикинъ.—Вѣрятъ нынѣ, что весь міръ таковъ есть въ своемъ величествѣ, какъ часы въ своей малости, и что все въ немъ дѣлается чрезъ движеніе нѣкое уставленное, которое зависитъ отъ порядочнаго учрежденія атомовъ. Единая всюду механика...

— Безумное атейское мудрованіе! Гнилое и нетвердое основаніе разума!—ужасался Аврамовъ; но его не слушали.

Всѣ старались перещеголять другъ друга вольномысліемъ.

— Весьма древній философъ Дицеархъ писалъ, что человѣка существо есть тѣло, а душа только приключеніе и одно пустое званіе, ничего не значащее,—сообщилъ вице-канцлеръ Шафировъ.

— Черезъ микроскопіумъ усмотрѣли въ сѣмени мужскомъ животныхъ, подобныхъ лягушкамъ или головашкамъ,—ухмыльнулся Юшка Проскуровъ такъ злорадно, что выводъ былъ ясенъ: никакой души нѣтъ. По примѣру всѣхъ парижскихъ щеголей, была и у него своя «маленькая философія», «une petite philosophie», которую излагалъ онъ съ такою же галантною легкостью, съ какою напѣвалъ парикмахерскую пѣсенку: «tignonpez, tignonpez, bichonpez, moi».

— По Лейбницеvu мнѣнію, мы только гидраулическія мыслящія махины. Устерць насъ глупѣ...

— Врешь, не глупѣ тебя!—замѣтилъ кто-то; но Юшка продолжалъ невозмутимо:

— Устерць глупѣ насъ, душу имѣя прилипшую къ раковинѣ, и по сему пять чувствъ ему ненадобны. А можетъ-быть, въ иныхъ мірахъ суть твари о десяти и болѣе чувствахъ, столь совершеннѣ насъ, что онѣ такъ же дивятся Невтону и Лейбницу, какъ мы обезьяньимъ и пауковымъ дѣйствамъ....

Царевичъ слушалъ, и ему казалось, что въ этой бесѣдѣ происходитъ съ мыслями то же, что со снѣгомъ во время петербургской оттепели: все расплзается, таетъ, тлѣетъ, превращается въ слякоть и грязь, подъ вѣяніемъ гнилого западнаго вѣтра. Сомнѣніе во всемъ, отрицаніе всего, безъ оглядки, безъ удержа, росло, какъ вода въ Невѣ, прегражденной вѣтромъ и грозящей наводненіемъ.

— Ну, будетъ врать,—заклучилъ Петръ вставая. — Кто въ Бога не вѣруетъ, тотъ сумасшедшій, либо съ природы дуракъ. Зрячій Творца по твореніямъ долженъ познать. А безбожники наносятъ стыдъ государству и никакъ не должны быть въ ономъ терпимы, поелику основаніе законовъ, на коихъ утверждается клятва и присяга властямъ, подрываютъ.

— Беззаконій причина,—не утерпѣлъ-таки, вставилъ Ѳедоска,—не есть ли въ гиппокритской ревности, паче нежели въ безбожіи, ибо и самые аѳеисты учатъ, дабы въ народѣ Богъ проповѣданъ былъ: иначе, говорятъ, вознерадить народъ о властяхъ...

Теперь уже весь домъ дрожалъ непрерывною дрожью отъ натиска бури. Но къ звукамъ этимъ такъ привыкли, что не замѣчали ихъ. Лицо царя было спокойно, и видомъ своимъ онъ успокаивалъ всѣхъ.

Кѣмъ-то пущенъ былъ слухъ, что направленіе вѣтра измѣнилось, и есть надежда на скорую убыль воды.

— Видите?—сказалъ Петръ, повеселѣвъ.—Нечего было и трусить. Небось, бурометръ не обманетъ!

Онъ перешелъ въ сосѣдную залу и принялъ участіе въ танцахъ.

Когда царь бывалъ веселъ, то увлекалъ и заражалъ всѣхъ своею веселостью. Танцуя, подпрыгивалъ, притопывалъ, выдѣлывалъ колѣнца—«капріоли» съ такимъ одушевленіемъ, что и самыхъ лѣнивыхъ разбирала охота пуститься въ плясъ.

Въ англійскомъ контрдансѣ дама каждой первой пары придумывала новую фигуру. Княгиня Черкасская поцѣловала кавалера своего, Петра Андреевича Толстого, и стащила ему на носъ парикъ, что должны были повторить за нею всѣ пары, а кавалеръ стоялъ при этомъ неподвижно какъ столбъ. Начались возня, хохотъ, шалости. Рѣзвились какъ школьники. И веселѣе всѣхъ былъ Петръ.

Только старички попрежнему сидѣли въ углу своемъ, слушая завываніе вѣтра, и шептались, и вздыхали, и качали головами.

— Многовертимое плясаніе женское,—вспоминалъ одинъ изъ нихъ обличеніе пляски въ древнихъ святоотеческихъ книгахъ,—людей отъ Бога отлучаетъ и во дно адово влечетъ. Смѣхотворцы отыдутъ въ плачь неутѣшный, плясуны повѣшены будутъ за пупъ...

Царь подошелъ къ старичкамъ и пригласилъ ихъ участвовать въ танцахъ. Напрасно отказывались они, извиняясь неумѣніемъ и разными немощами—ломотою, одышкою, подагрою—царь стоялъ на своемъ и никакихъ отговорокъ не слушалъ.

Заиграли важный и смѣшной грось-фатеръ. Старички—имъ дали нарочно самыхъ бойкихъ молоденькихъ дамъ—сначала еле двигались, спотыкались, путались и путали другихъ, но когда царь пригрозилъ имъ штрафнымъ стаканомъ ужасной перцовки—запрыгали не хуже молодыхъ. Зато, по окончаніи танца, повалились на стулья, полумертвые отъ усталости, кряхтя, стелая и охая.

Не успѣли отдохнуть, какъ царь началъ новый, еще болѣе трудный, цѣпной танецъ. Тридцать паръ, связанныхъ носовыми платками, слѣдовали за музыкантомъ—маленькимъ горбуномъ, который прыгалъ впереди со скрипкою.

Обошли сначала обѣ залы флигеря. Потомъ черезъ галерею вступили въ главное зданіе, и по всему дому, изъ

комнаты въ комнату, съ лѣстницы на лѣстницу, изъ жилья въ жилье, мчалась пляска, съ крикомъ, гикомъ, свистомъ и хохотомъ. Горбунъ, пиликая на скрипкѣ и прыгая неистово, корчилъ такія рожи, какъ будто бѣсъ обуялъ его. За нимъ, въ первой парѣ, слѣдоваль царь, за царемъ—остальные, такъ что, казалось, онъ ведетъ ихъ, какъ связанныхъ плѣнниковъ, а его самого, царя-великана, водить и кружить маленькій бѣсъ.

Возвращаясь во флигель, увидѣли въ галлерей бѣгущихъ навстрѣчу людей. Они махали руками и кричали въ ужасѣ:

— Вода! Вода! Вода!

Переднія пары остановились, заднія съ разбѣга налетѣли и смяли переднихъ. Все смѣшалось. Сталкивались, падали, тянули и рвали платки, которыми были связаны. Мужчины ругались, дамы визжали. Цѣпь разорвалась. Большая часть, вмѣстѣ съ царемъ, кинулась назадъ къ выходу изъ галлерей въ главное зданіе. Другая, меньшая, находившаяся впереди, ближе къ противоположному выходу во флигель, устремилась было туда же, куда и прочіе, но не успѣла добѣжать до середины галлерей, какъ ставень на одномъ изъ оконъ затрещаль, зашатался, рухнулъ, посыпались осколки стеколь, и вода бушующимъ потокомъ хлынула въ окно. Въ то же время, напоромъ сдавленнаго воздуха снизу, изъ погреба, съ гулами и тресками, подобными пушечнымъ выстрѣламъ, стало подымать, ломать и вспучивать полъ.

Петръ съ другого конца галлерей кричалъ отставшимъ:

— Назадъ, назадъ, во флигель! Небось, лодки пришлю! Словъ не слышали, но поняли знаки и остановились.

Только два человѣка все еще бѣжали по наводненному полу. Одинъ изъ нихъ—Федоска. Онъ почти добѣжалъ до выхода, гдѣ ждалъ его Петръ, какъ вдругъ сломанная половица осѣла, Федоска провалился и началъ тонуть. Толстая баба, жена голландскаго шкипера, задравъ подоль, перепрыгнула черезъ голову монаха; надъ чернымъ клобукомъ мелькнули толстыя икры въ красныхъ чулкахъ. Царь бросилъ

ся къ нему на помощь, схватилъ его за плечи, вытащилъ, поднялъ и понесъ, какъ маленькаго ребенка, на рукахъ, трепещущаго, машущаго черными крыльями рясы, съ которыхъ струилась вода, похожаго на огромную мокрую летучую мышь.

Горбунъ со скрипкою, добѣжавъ до середины галле-рей, тоже провалился, исчезъ въ водѣ, потомъ вынырнулъ, поплылъ. Но въ это мгновеніе рухнула средняя часть потолка и задавила его подъ развалинами.

Тогда кучка отставшихъ—ихъ было человѣкъ десять—видя, что уже окончательно отрѣзана водой отъ главнаго зданія, бросилась назадъ во флигель, какъ въ послѣднее убѣжище.

Но и здѣсь вода настигала. Слышно было, какъ плещутся волны подъ самыми окнами. Ставни скрипѣли, трещали, готовые сорваться съ петель. Сквозь разбитыя стекла вода проникала въ щели, сочилась, брызгала, журчала, текла по стѣнамъ, разливалась лужами, затопляла полъ.

Почти всѣ потерялись. Только Петръ Андреевичъ Толстой да Вилимъ Ивановичъ Монсъ сохранили присутствіе духа. Они нашли маленькую, скрытую въ стѣнѣ, за шпалерами, дверь. За нею была лѣсенка, которая вела на чердакъ. Всѣ побѣжали туда. Кавалеры, даже самые любезные, теперь, когда въ глаза глядѣла смерть, не заботились о дамахъ; ругали, толкали ихъ; каждый думалъ о себѣ.

На чердакѣ было темно. Пробравшись ощупью среди бревенъ, досокъ, пустыхъ бочекъ и ящиковъ, забились въ самый дальній уголь, нѣсколько защищенный отъ вѣтра выступомъ печной трубы, еще теплой, прижались къ ней и нѣкоторое время сидѣли такъ въ темнотѣ, ошеломленные, оглупѣлые отъ страха. Дамы, въ легкихъ бальныхъ платьяхъ, стучали зубами отъ холода. Наконецъ Монсъ рѣшилъ сойти внизъ, не найдетъ ли помощи.

Внизу конюхи, ступая въ водѣ по колѣно, вводили въ залу хозяйскихъ лошадей, которыя едва не утонули въ стойлахъ. Ассамблейная зала превратилась въ конюшню. Лошадина морды отражались въ зеркалахъ. Съ потолка висѣли

и трепались клочья сорванного полотна съ *Вздой на остров Любви*. Голые амуры метались, какъ будто въ смертномъ ужасѣ. Монсъ далъ конюхамъ денегъ. Они достали фонарь, штофъ сивухи и нѣсколько овечьихъ тулуповъ. Онъ узналъ отъ нихъ, что изъ флигеля выхода нѣтъ: галлерей разрушена; дворъ залитъ водою; имъ самимъ придется спастись на чердакъ; ждуть лодокъ, да, видно, не дождутся. Впослѣдствіи оказалось, что посланныя царемъ шлюпки не могли подъѣхать къ флигелю: дворъ окруженъ былъ высокимъ заборомъ, а единственныя ворота завалены обломками рухнувшего зданія.

Монсъ вернулся къ сидѣвшимъ на чердакъ. Свѣтъ фонаря ихъ немного ободрилъ. Мужчины выпили водки. Женщины закутались въ тулупы.

Ночь тянулась безконечно. Подъ ними весь домъ сотрясаясь отъ напора волнъ, какъ утлое судно передъ крушеніемъ. Надъ ними ураганъ, пролетая то съ бѣшенымъ ревомъ и топотомъ, какъ стадо звѣрей, то съ пронзительнымъ свистомъ и шелестомъ, какъ стая исполинскихъ птицъ, срывалъ черепицы съ крыши. И порой казалось, что вотъ-вотъ сорветъ онъ самую крышу и все унесетъ. Въ голосахъ бури слышались имъ вопли утопающихъ. Съ минуты на минуту ждали они, что весь городъ провалится

У одной изъ дамъ, жены датскаго резидента, сдѣлались отъ испуга такія боли въ животѣ—она была беременна,—что бѣдняжка кричала, какъ подъ ножомъ. Боялись, что выкинетъ.

Юшка Проскуровъ молился: «Батюшка, Никола чудотворецъ! Сергій преподобный! помилуйте!» И нельзя было повѣрить, что это тотъ самый вольнодумецъ, который давеча доказывалъ, что никакой души нѣтъ.

Михайло Петровичъ Аврамовъ тоже трусилъ, но и злорадствовалъ.

— Съ Богомъ не поспоришь! Праведень гнѣвъ Его. Истребится городъ сей съ лица земли, какъ Содомъ и Гоморра. Воззрѣлъ Богъ на землю, и вотъ она растлѣнна, ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ. И сказалъ Го-

сподь Богъ: конецъ всякой плоти пришелъ предъ лице Мое. Я наведу на землю потопъ водный и истреблю все сущее съ лица земли...

И, слушая эти пророчества, люди испытывали новый невѣдомый ужасъ, какъ будто наступалъ конецъ міра, свѣтопреставленіе.

Въ слуховомъ окнѣ вспыхнуло зарево на черномъ небѣ. Сквозь шумъ урагана слышался колоколь. То били въ набать. Пришедшіе снизу конюхи сказали, что горятъ избы рабочихъ и канатные склады въ сосѣдней Адмиралтейской слободкѣ. Несмотря на близость воды, пожаръ былъ особенно страшень при такой силѣ вѣтра: пылающія головни разносились по городу, который могъ вспыхнуть каждую минуту со всѣхъ концовъ. Онъ погибалъ между двумя стихіями—горѣлъ и тонулъ вмѣстѣ. Исполнялось пророчество: «Питербурху быть пусту».

Къ разсвѣту буря утихла. Въ прозрачной сѣрости тусклаго дня кавалеры въ парикахъ, покрытыхъ пылью и паутиною, дамы въ робронахъ и фижмахъ «на версальскій маниръ», подъ овечьими тулупами, съ посинѣвшими отъ холода лицами, казались другъ другу привидѣніями.

Монсъ выглянулъ въ слуховое окно и увидѣлъ тамъ, гдѣ былъ городъ, безбрежное озеро. Оно волновалось, какъ будто не только на поверхности, но до самаго дна кипѣло, бурлило и клокотало, какъ вода въ котлѣ надъ сильнымъ огнемъ. Это озеро была Нева—пестрая, какъ шкура на брюхѣ змѣи, желтая, бурая, черная, съ бѣлыми барашками, усталая, но все еще буйная, страшная подъ страшнымъ, сѣрымъ, какъ земля, и низкимъ небомъ.

По волнамъ носились разбитыя барки, опрокинутыя лодки, бревна, доски, крыши, остовы цѣлыхъ домовъ, вырванныя съ корнемъ деревья, трупы животныхъ.

И жалки были, среди торжествующей стихіи, слѣды человеческой жизни—кое-гдѣ надъ водою торчавшія башни, шпицы, купола, кровли потопленныхъ зданій.

Монсъ увидѣлъ вдали на Невѣ, противъ Петропавловской крѣпости, нѣсколько гребныхъ галеръ и буеровъ.

Поднялъ валявшійся на полу чердака длинный шестъ, изъ тѣхъ, которыми гоняють голубей, привязалъ къ нему красную шелковую косынку Настеньки, высунулъ шестъ въ окно и началъ махать, дѣлая знаки, призывая на помощь.

Одна изъ лодокъ отдѣлилась отъ прочихъ и, пересѣкая Неву, стала приближаться къ ассамблейному домику.

Лодки сопровождали царскій буеръ.

Всю ночь работалъ Петръ безъ отдыха, спасая людей отъ воды и огня. Какъ простой пожарный, лазилъ на горящія зданія; огнемъ опалило ему волосы; едва не задавило рухнувшей балкою. Помогая вытаскивать убогіе пожитки бѣдняковъ изъ подвальныхъ жилищъ, стоялъ по поясъ въ водѣ и продрогъ до костей. Страдалъ со всѣми, ободрялъ всѣхъ. Всюду, гдѣ являлся царь, работа кипѣла такъ дружно, что ей уступали вода и огонь.

Царевичъ былъ съ отцомъ въ одной лодкѣ, но всякій разъ, какъ пытался чѣмъ-либо помочь, Петръ отклонялъ эту помощь, какъ будто съ безразличіемъ.

Когда потушили пожаръ, и вода начала убывать, царь вспомнилъ, что пора домой, къ женѣ, которая всю ночь провела въ смертельной тревогѣ за мужа.

На возвратномъ пути захотѣлось ему подъѣхать къ Лѣтнему саду, взглянуть, какія опустошенія сдѣлала вода.

Галерея надъ Невою была полуразрушена, но Венера цѣла. Подножіе статуи — подъ водою, такъ что казалось, богиня стоитъ на водѣ, и, пѣннорожденная, выходитъ изъ волнъ, но не синихъ и ласковыхъ, какъ нѣкогда, а грозныхъ, темныхъ, тяжкихъ, точно желѣзныхъ, стиковыхъ волнъ.

У самыхъ ногъ на мраморѣ что-то чернѣло. Петръ посмотрѣлъ въ подзорную трубку и увидѣлъ, что это чело-вѣкъ. По указу царя, солдатъ днемъ и ночью стоялъ на часахъ у драгоцѣнной статуи. Настигнутый водою и не смѣя бѣжать, онъ взлѣзъ на подножіе Венеры, прижался къ ногамъ ея, обнялъ ихъ, и такъ просидѣлъ, должно-быть, всю ночь, окоченѣлый отъ холода, полумертвый отъ усталости.

Царь спѣшилъ къ нему на помощь. Стоя у руля, правилъ буеръ наперерѣзъ волнамъ и вѣтру. Вдругъ напе-

тѣль огромный валъ, хлестнулъ черезъ бортъ, обдалъ брызгами и накренилъ судно такъ, что, казалось, оно опрокинется. Но Петръ былъ опытный кормчій. Упираясь ногами въ корму, налегая всею тяжестью тѣла на руль, побѣждалъ онъ ярость волнъ и правилъ твердою рукою прямо къ цѣли.

Царевичъ взглянулъ на отца и вдругъ почему-то вспомнилъ то, что слышалъ однажды въ бесѣдѣ «на подпиткахъ» отъ своего учителя Вяземскаго:

— Ѳедось, бывало, съ пѣвчими при батюшкѣ твоёмъ поютъ: *Гдѣ хочетъ Богъ, тамъ чинъ естества побѣждается*— и тому подобные стихи; и то-де поютъ, льстя отцу своему: любо ему, что его съ Богомъ равняютъ; а того не разсудить, что не только отъ Бога—но и отъ бѣсовъ чинъ естества побѣждается: бываютъ и чуда бѣсовскія!

Въ простой шкиперской курткѣ, въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ, съ развѣвающимися волосами—шляпу только что сорвало вѣтромъ—исполинскій кормчій глядѣлъ на потопленный городъ—и ни смущенія, ни страха, ни жалости не было въ лицѣ его, спокойномъ, твердомъ, точно изъ камня изваянномъ—какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ человѣкѣ было что-то нечеловѣческое, надъ людьми и стихіями властное, сильное, какъ рокъ. Люди смирятся, вѣтры утихнутъ, волны отхлынутъ—и городъ будетъ тамъ, гдѣ онъ велѣлъ быть городу, ибо *чинъ естества побѣждается, — гдѣ хочетъ...*

«Кто хочетъ?» не смѣя кончить, спросилъ себя царевичъ: «Богъ или бѣсъ?»

Нѣсколько дней спустя, когда обычный видъ Петербурга уже почти скрылъ слѣды наводненія, Петръ писалъ въ шутиливомъ посланіи къ одному изъ птенцовъ своихъ:

«На прошлой недѣлѣ вѣтромъ вѣсть-зюйдъ-вестомъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ; а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили въ лодкахъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по

-деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли,—не только мужики, но и бабы. Вода, хотя и зѣло велика была, а бѣды большой не сдѣлала».

Письмо было помѣчено: *Изъ Парадиза.*

II.

Петръ заболѣлъ. Простудился во время наводненія, когда, вытаскивая изъ подваловъ имущество бѣдныхъ, стоялъ по поясъ въ водѣ. Сперва не обращалъ вниманія на болѣзнь, перемогался на ногахъ; но 15 ноября слегъ, и лейбъ-медикъ Блюментростъ объявилъ, что жизнь царя въ опасности.

Въ эти дни судьба Алексѣя рѣшалась. Въ самый день похоронъ кронпринцессы, 28 октября, возвратясь изъ Петропавловскаго собора въ домъ сына для поминальной трапезы, Петръ отдалъ ему письмо—«Объявленіе сыну моему»,—въ которомъ требовалъ его немедленнаго исправленія, подъ угрозой жестокаго гнѣва и лишенія наслѣдства.

— Не знаю, что дѣлать, говорилъ царевичъ приближеннымъ,—нищету ли принять, да съ нищими скрыться до времени, отойти ли куда въ монастырь, да быть со дьячками, или отѣхать въ такое царство, гдѣ входящихъ принимаютъ и никому не выдаютъ?

— Иди въ монахи, — убѣждалъ адмиралтейць-совѣтникъ Александръ Кикинъ, давній сообщникъ и повѣренный Алексѣя.—Клобукъ не прибить къ головѣ гвоздемъ: можно его и снять. Тебѣ покой будетъ, какъ ты отъ всего отстанешь...

— Я тебя у отца съ плахи снялъ,—говорилъ князь Василій Долгорукій.—Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ ни до чего не будетъ. Давай писемъ отрицательныхъ хоть тысячу. Еще когда что будетъ; старая пословица: улита ѣдетъ, коли то будетъ. Это не запись съ неустойкою...

— Хорошо, что ты наслѣдства не хочешь,—утѣшалъ князь Юрій Трубецкой.—Разсуди, чрезъ золото слезы не текутъ ли?..

Съ Кикинымъ у царевича были многіе разговоры о бѣгствѣ въ чужіе края, «чтобъ остаться тамъ гдѣ-нибудь, ни для чего иного, только бы прожить, отдалясь отъ всего, въ покоѣ».

— Коли случай будетъ,—совѣтовалъ Кикинъ,—поѣзжай въ Вѣну къ цесарю. Тамъ не выдадутъ. Цесарь сказалъ, что приметъ тебя какъ сына. А не то къ папѣ, либо ко двору французскому. Тамъ и королей подъ своею протекціей держать, а тебя бы имъ было не великое дѣло..

Царевичъ слушалъ совѣты, но ни на что не рѣшался и жилъ изо дня въ день, «до воли Божьей».

Вдругъ все измѣнилось. Смерть Петра грозила переворотомъ въ судьбахъ не только Россіи, но и всего міра. Тотъ, кто вчера хотѣлъ скрыться съ нищими, могъ завтра вступить на престоль.

Внезапные друзья окружили царевича, сходились, шептались, шушукались.

— Ждемъ-подождемъ, а что-то будетъ.

— Вынется—сбудется, а сбудется—не минется.

— Доведется и намъ свою пѣсенку спѣть.

— И мыши на погость кота волокутъ.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря царь почувствовалъ себя такъ дурно, что велѣлъ позвать духовника, архимандрита Федоса; исповѣдался и пріобщился. Екатерина и Меншиковъ не выходили изъ комнаты больного. Резиденты иностранныхъ дворовъ, русскіе министры и сенаторы ночевали въ покояхъ Зимняго дворца. Когда поутру пріѣхалъ царевичъ узнать о здоровьѣ государя, тотъ не принялъ его, но по внезапному безмолвію разступившейся толпы, по раболѣпнымъ поклонамъ, по ищущимъ взорамъ, по блѣднымъ лицамъ, особенно мачехи и свѣтлѣйшаго, Алексѣй понялъ, какъ близко то, что всегда казалось ему далекимъ, почти невозможнымъ. Сердце у него упало, духъ захватило, онъ самъ не зналъ отчего—отъ радости или ужаса.

Въ тотъ же день вечеромъ посѣтилъ Кикина и долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Кикинъ жилъ на концѣ города, прямо противъ Охтенскихъ слободъ, недалеко отъ Смольнаго двора. Оттуда поѣхалъ домой.

Сани быстро неслись по пустынному бору и столь же пустыннымъ, широкимъ улицамъ, похожимъ на лѣсныя просѣки, съ едва замѣтнымъ рядомъ темныхъ бревенчатыхъ избъ, занесенныхъ снѣжными сугробами. Луны не было видно, но воздухъ пропитанъ былъ яркими лунными искрами, иглами. Снѣгъ не падалъ сверху, а снизу клубился по вѣтру столбами, курился какъ дымъ. И свѣтлая лунная вьюга играла, точно пѣнилась, въ голубовато-мутномъ небѣ, какъ вино въ чашѣ.

Онъ вдыхалъ морозный воздухъ съ наслажденіемъ. Ему было весело, словно въ душѣ его тоже играла свѣтлая вьюга, буйная, пьяная и опьяняющая. И какъ за вьюгой луна, такъ за его весельемъ была мысль, которой онъ самъ еще не видѣлъ, боялся увидѣть, но чувствовалъ, что это ему отъ нея такъ пьяно, страшно и весело.

Въ заиндевѣлыхъ окнахъ избъ, подъ нависшими съ кровель сосульками, какъ пьяные глаза подъ сѣдыми бровями, тускло рдѣли огоньки въ голубоватой лунной мглѣ. «Можетъ-быть,—подумалъ онъ, глядя на нихъ, тамъ теперь пьютъ за меня, за *надежду Россійскую!*» И ему стало еще веселѣе.

Вернувшись домой, сѣлъ у камелька съ тлѣющими углями и велѣлъ камердинеру Аѳанасьичу приготовить жжонку. Въ комнатѣ было темно; свѣчей не приносили; Алексѣй любилъ сумерничать. Въ розовомъ отсвѣтѣ углей забилося вдругъ синее сердце спиртового пламени. Лунная вьюга заглядывала въ окна голубыми глазами сквозь прозрачные цвѣты мороза, и казалось, что тамъ, за ними, тоже бьется живое огромное синее пьяное пламя.

Алексѣй рассказывалъ Аѳанасьичу свою бесѣду съ Кикинымъ: то былъ планъ цѣлаго заговора, на случай, если бы пришлось бѣжать и, по смерти отца, которой онъ чаялъ быть вскорѣ — у царя-де болѣзнь эпилепсія, а такіе люди недолго живутъ — вернуться въ Россію изъ чужихъ краевъ: министры, сенаторы — Толстой, Головкинъ, Шафировъ, Апраксинъ, Стрѣшневъ, Долгорукие — всѣ ему друзья, всѣ къ нему пристали бы: Боуръ — въ Польшѣ, архимандритъ Печерскій — на Украинѣ, Шереметевъ — въ главной арміи:

— Вся отъ Европы граница была бы моя!

Аѳанасьичъ слушалъ со своимъ обычнымъ, упрямымъ и угрюмымъ видомъ: хорошо поешь, гдѣ-то сядешь?

— А Меншиковъ? — спросилъ онъ, когда Алексѣй кончилъ.

— А Меншикова на колъ!

Старикъ покачалъ головою:

— Для чего, государь-царевичъ, такъ продерзливо говоришь? А ну, кто прислушаетъ да пронесутъ? Въ совѣсти твоей не кляни князя и въ клѣти ложницы твоей не кляни богатаго, яко птица небесная донесетъ...

— Ну, пошелъ брюзжать! — махнулъ рукою царевичъ съ досадою и все-таки съ неудержимою веселостью.

Аѳанасьичъ разсердился:

— Не брюзжу, а дѣло говорю! Хвали сонъ, когда сбудетъ. Изволишь, ваше высочество, строить гишпанскіе замки. Нашего мизерства не слушаешь. Инымъ вѣришь, а они тебя обманываютъ. Иуда Толстой да Кикинъ безбожникъ — предатели! Берегись государь: имъ тебя не перваго кушать...

— Плюну я на всѣхъ: здорова бы мнѣ чернь была! — воскликнулъ царевичъ. — Когда будетъ время безъ батюшки — шепну архіереямъ, архіереи — приходскимъ священникамъ, а священники — прихожанамъ. Тогда учинятъ меня царемъ и нехотя!

Старикъ молчалъ, все съ тѣмъ же упрямымъ и угрюмымъ видомъ: хорошо поешь, гдѣ-то сядешь?

— Что молчишь? — спросилъ Алексѣй.

— Что мнѣ говорить, царевичъ? Воля твоя, а чтобъ отъ батюшки бѣжать, я не совѣтчикъ.

— Для чего?

— Того ради: когда удастся, хорошо; а если не удастся, ты же на меня будешь гнѣваться. Ужъ и такъ отъ тебя принимали всячину. Мы люди темненькіе, шкурки на насъ тоненькія...

— Однакоже, ты смотри, Аѳанасьичъ, никому про сіе не сказывай. Только у меня про это ты знаешь, да Кикинъ.

Буде скажешь, тебѣ не повѣрятъ; я запрюся, а тебя стануть пытать.

О пыткѣ царевичъ прибавилъ въ шутку, чтобы подразнить старика.

— А что, государь, когда царемъ будешь, да такъ говорить и дѣлать изволишь—вѣрныхъ слугъ пыткой стращать?

— Небось, Аванасъичъ! Коли буду царемъ, честью васъ всѣхъ удовольствую... Только мнѣ царемъ не быть,—прибавилъ онъ тихо.

— Будешь, будешь!—возразилъ старикъ съ такою увѣренностью, что у Алексѣя опять, какъ давеча, духъ захватило отъ радости.

Бубенчики, скрипъ саней по снѣгу, лошадиное фырканье и голоса слышались подъ окнами. Алексѣй переглянулся съ Аванасъичемъ: кто бы могъ быть въ такой поздней часъ? Ужъ не изъ дворца ли, отъ батюшки?

Иванъ побѣжалъ въ сѣни. Это былъ архимандритъ Федось. Царевичъ, увидѣвъ его, подумалъ, что отецъ умеръ—и такъ поблѣднѣлъ, что, несмотря на темноту, монахъ замѣтилъ это, благословляя его и чуть-чуть усмѣхнулся.

Когда они остались съ глазу на глазъ, Федоска сѣлъ у камелька противъ царевича и, молча поглядывая на него, все съ тою же, едва замѣтною усмѣшкою, началъ грѣть озябшія руки надъ углями, то разгибая, то сгибая кривые пальцы, похожіе на птичьи когти.

— Ну что, какъ батюшка?—проговорилъ, наконецъ, Алексѣй, собравшись съ духомъ.

— Плохо,—тяжело вздохнулъ монахъ,—такъ плохо, что и въ живыхъ быть не чаемъ...

— Царевичъ перекрестился:

— Воля Господня.

— Видѣхъ человѣка, яко кедры Ливанскіе,—заговорилъ Федось нараспѣвъ, по-церковному,—мимо идохъ—и се не бѣ. Изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою; въ той же день погибнуть вся помышленія его...

Но вдругъ оборвалъ, приблизилъ крошечное сморщенное личико свое къ самому лицу Алексѣя и зашепталь быстрымъ-быстрымъ, вкрадчивымъ шопотомъ:

— Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ. Болѣзнь государю пришла смертельная отъ безмѣрнаго пьянства, жено-неистовства и отъ Божьяго отмщенія за посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребить. Дотолѣ тиранство будетъ надъ церковью, дотолѣ добра ждать нечего. Какое тутъ христіанство! Нешто турецкая хочетъ быть вѣра, но и въ туркахъ того не дѣлается. Пропашее наше государство!..

Царевичъ слушалъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ. Всего ожидалъ онъ отъ Федоскиной наглости, только не этого.

— Да вы-то сами, архіереи, церкви Россійской правители, чего смотрите? Кому бы и стоять за церковь, какъ не вамъ?—произнесъ онъ, глядя въ упоръ на Федоску.

— И, полно, царевичъ! Какіе мы правители? Архіереи наши такъ взнузданы, что куда хошь поведи. Что земскіе ярыжки, наставлены. Отъ кого чають, того и величаютъ. И такъ, и сякъ готовы въ одинъ часъ перевернуться. Не архіереи, а шушера...

И, опустивъ голову, прибавилъ онъ тихо, какъ будто про себя,—Алексѣю слышался голосъ вѣковъ въ этомъ тихомъ словѣ монаха:

— Были мы орлы, а стали ночные нетопыри!

Въ черномъ клубукѣ, съ черными крыльями рясы, съ безобразнымъ востренькимъ личикомъ, озаренный снизу краснымъ отсвѣтомъ потухающихъ углей, онъ, въ самомъ дѣлѣ, походилъ на огромнаго нетопыря. Только въ умныхъ глазахъ тускло тлѣлъ огонь, достойный орлинаго взора.

— Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать, ваше преподобіе!—не выдержавъ, наконецъ, воскликнулъ царевичъ.— Кто церковь царству покорилъ? Кто люторскіе обычаи въ народъ вводитъ, часовни ломать, иконы ругать, монашескій чинъ разорять царю приговаривалъ? Кто ему разрѣшаетъ на вся?..

Вдругъ остановился. Монахъ глядѣль на царевича такимъ пристальнымъ, пронзающимъ взоромъ, что ему стало жутко. Ужъ не хитрость ли, не ловушка ли все это? Не подосланъ ли къ нему Ѳедось шпиономъ отъ Меньшикова, или отъ самого батюшки?

— А знаешь ли, ваше высочество,—началь Ѳедоска, прищуривъ одинъ глазъ съ безконечно лукавой усмѣшкой,—знаешь ли фигуру, въ логикѣ именуемую *reductio ad absurdum*—сведеніе къ нелѣпому? Вотъ это самое я и дѣлаю. Царь на церковь наступилъ, да явно бороть не смѣетъ, исподтишка разоряетъ, гноить да гношить. А по мнѣ, ломать—такъ ломай! Что дѣлаешь—дѣлай скорѣй. Лучше прямое люторство, нежели кривое православіе; лучше прямое атейство, нежели кривое люторство. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! Къ тому и веду. Чтò царь начинаетъ, то я кончаю; чтò на ухо шепчетъ, то я во весь народъ кричу. Имъ же самимъ его обличаю: пусть вѣдаютъ всѣ, какъ церковь Божія поругана. Слюбится—стерпится, а не слубится—ждемся поры, такъ и мы изъ норы. Отольются кошкѣ мышкены слезки!..

— Ловко!—разсмѣялся царевичъ, почти любуясь Ѳедоскою и не вѣря ни одному его слову.—Ну и хитерь же ты, отче! Хитерь какъ бѣсъ...

— А ты, государь, не гнушайся и бѣсами. Нехотя чортъ Богу служить...

— Съ чортомъ, ваше преподобіе, себя равняешь?

— Политикъ я,—скромно возразилъ монахъ.—Съ волками жить, по-волчьи выть. Диссумуляцію не только учителя политичные въ первыхъ царствованія полагаютъ регулахъ, но и самъ Богъ политикѣ насъ учитъ: яко рыбарь облагаетъ удильный крюкъ червемъ, такъ обложилъ Господь Духъ Свой Плотью Сына и впустилъ уду въ пучину міра и прехитрилъ, и уловилъ врага-діавола. Богопремудрое коварство! Небесная политика!

— А что, отче святой, въ Бога ты вѣруешь?—опять посмотрѣль на него царевичъ въ упоръ.

— Какая же, государь, политика безъ церкви, а церковь безъ Бога? *Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога...*

И странно, не то дерзко, не то робко хихикнувъ, прибавилъ:

— А вѣдь и ты умень, Алексѣй Петровичъ! Умень батюшки. Батюшка, хотя и умень, да людей не знаетъ—мы его, бывало, частехонько за носъ поваживаемъ. А ты умныхъ людей знать будешь лучше... Миленькій!..

И вдругъ, наклонившись, поцѣловаль руку царевича такъ быстро и ловко, что тотъ не успѣлъ ее отдернуть, только весь вздрогнулъ.

Но, хотя онъ и чувствовалъ, что лестъ монаха—медь на ножѣ, все же сладокъ былъ этотъ медъ. Онъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть смущеніе, заговорилъ съ притворною суровостью:

— Смотри-ка ты, братъ Федось, не сплошай! Поводился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Ты-де царя батюшку, словно кошка медвѣдя, задираешь лапою, а какъ медвѣдь тотъ, обратясь, да давнетъ тебя—и духъ твой не попахнетъ!..

Личико Федоски болѣзненно сморщилось, глаза расширились, и, оглядываясь, точно кто-то стоялъ у него за спиною, зашепталъ онъ, какъ давеча, быстрымъ, безсвязнымъ, словно горячечнымъ шопотомъ:

— Охъ, миленькій, охъ, страшно, и то! Всегда я думалъ, что мнѣ отъ его руки смерть будетъ. Какъ еще въ младыхъ лѣтахъ пріѣхалъ на Москву съ прочею шляхтою, и приведены въ палату и пожалованы къ ручкѣ, кланялся я дядѣ твоему, царю Іоанну Алексѣевичу; а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича—такой на меня страхъ напалъ, такой страхъ, что колѣна потряслися, едва стою и отъ сего времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ той же руки смерть будетъ!..

Онъ и теперь весь дрожалъ отъ страха. Но ненависть была сильнѣе страха. Онъ заговорилъ о Петрѣ такъ, что Алексѣю почудилось, будто Федоска не лжетъ, или не совсѣмъ лжетъ. Въ мысляхъ его узнавалъ онъ свои собственные самыя тайныя, злыя мысли объ отцѣ:

— Великій, говорятъ, великій государь! А въ чемъ его величество? Тиранскимъ обычаемъ царствуетъ. Топоромъ да кнутомъ просвѣщаетъ. На кнутѣ далеко не уѣдешь. И топоръ—инструментъ желѣзный—не велика диковинка: дать двѣ гривны! Все-то заговоромъ, бунтовъ ищетъ. А того не видитъ, что весь бунтъ отъ него. Самъ онъ первый бунтовщикъ и есть. Ломаетъ, валить, рубить съ плеча, а все безъ-толку. Сколько людей переказнено, сколько крови пролито! А воровство не убываетъ. Совѣсть въ людяхъ незавязанная. И кровь не вода—вопіетъ о мщеніи. Скоро, скоро снидетъ гнѣвъ Божій на Россію, и какъ станетъ междоусобіе, тутъ-то и увидятъ всѣ, отъ первыхъ до послѣднихъ: такая раскачка пойдетъ, такое главъ посѣченіе, что только—швыкъ—швыкъ—швыкъ...

Онъ проводилъ рукою по горлу и «швыкалъ», подражая звуку топора.

— И тогда-то, изъ великихъ кровей тѣхъ, выйдетъ церковь Божія, омытая, паче снѣга убѣленная, яко Жена; солнцемъ одѣянная, надъ всѣми царящая...

Алексѣй глядѣлъ въ лицо его, искаженное яростью, на глаза, горѣвшіе дикимъ огнемъ—и ему казалось, что передъ нимъ сумасшедшій. Онъ вспомнилъ рассказъ одного изъ клейниковъ лаврскихъ: «бываетъ надъ нимъ, отцомъ Θεодосіемъ, меленколія, и, мучимъ бѣсомъ, падаетъ на землю, и что дѣлаетъ, самъ не помнитъ».

— Сего я чаялъ, къ сему и вель,—заклучилъ монахъ.— Да сжалился, видно, Богъ надъ Россіей: царя казнилъ, народъ помиловалъ. Тебя намъ послалъ, тебя, избавитель ты нашъ, радость наша, дитяtko свѣтлое, церковное, благочестивый государь Алексѣй Петровичъ, самодержецъ все-россійскій, ваше величество!..

Царевичъ вскочилъ въ ужасѣ. Θεодоска тоже всталъ, повалился ему въ ноги, обнялъ ихъ и возопилъ съ неистовою и непреклонною, точно грозящею мольбою:

— Призри, помилуй раба твоего! Все, все, все тебѣ отдамъ! Отцу твоему не давалъ, самъ хотѣлъ для себя, самъ думалъ патріархомъ быть; а теперь не хочу, не надо мнѣ, не надо

ничего!.. Все—тебѣ, миленькій, радость моя, другъ сердечный, свѣтъ-Алешенька! Полюбилъ я тебя!.. Будешь царемъ и патріархомъ вмѣстѣ! Соединишь земное и небесное, вѣнецъ Константиновъ, бѣлый клобукъ, съ вѣнцомъ Мономаховымъ! Будешь больше всѣхъ царей на землѣ! Ты—первый, ты—одинъ! Ты, да Богъ!.. А я—рабъ твой, песь твой, червь у ногъ твоихъ, Ѳедоска мизерный! Ей, ваше величество, яко Самого Христа ножки твои объемля, кланяюсь!

Онъ поклонился ему до земли, и черныя крылья рясы распростерлись, какъ исполинскія крылья нетопыря, и алмазная панагія съ портретомъ царя и распятіемъ, ударившись объ полъ, звякнула. Омерзѣніе наполнило душу царевича, холодъ пробѣжалъ по тѣлу его, какъ отъ прикосновенія гадины. Онъ хотѣлъ оттолкнуть его, ударить, плюнуть въ лицо; но не могъ пошевелиться, какъ будто въ оцѣпенѣніи страшнаго сна. И ему казалось, что уже не плутъ «Ѳедоска мизерный», а кто-то сильный, грозный, царственный лежитъ у ногъ его—тотъ, кто былъ орломъ и сталь ночью нетопыремъ—не сама ли Церковь, Царству покоренная, обезчещенная? И сквозь омерзѣніе, сквозь ужасъ безумный восторгъ, упоеніе властью кружили ему голову. Словно кто-то подымалъ его на черныхъ исполинскихъ крыльяхъ въ высь, показывалъ всѣ царства міра и всю славу ихъ и говорилъ: *Все это дамъ тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ.*

Угли въ камелькѣ едва рдѣли подъ пепломъ. Синее сердце спиртового пламени едва трепетало. И синее пламя лунной вьюги померкло за окнами. Кто-то блѣдными очами заглядывалъ въ окна. И цвѣты мороза на стеклахъ бѣлѣли, какъ призраки мертвыхъ цвѣтовъ.

Когда царевичъ опомнился, никого уже не было въ комнатѣ. Ѳедоска исчезъ, точно сквозь землю провалился или разсѣялся въ воздухѣ.

«Что онъ тутъ вралъ? что онъ бредилъ?—подумалъ Алексѣй, какъ будто просыпаясь отъ сна.—Бѣлый клобукъ... Вѣнецъ Мономаховъ... Сумасшествіе, меленколія... И почему онъ знаетъ, почему знаетъ, что отецъ умереть?»

Откуда взялъ? Сколько разъ въ живыхъ быть не чаяли, а Богъ миловалъ»...

Вдругъ вспомнилъ слова Кикина изъ давешней бесѣды: — Отецъ твой не боленъ тяжко. Исповѣдывается и причащается нарочно, являя людямъ, что гораздо боленъ, а все притворъ; тебя и другихъ испытываетъ, каковы-то будете, когда его не станетъ. Знаешь басню: собралися мыши кота хоронить, скачутъ, пляшутъ, а онъ какъ прыгнетъ, да цапнетъ—и пляска стала... Что же причащается, то у него законъ на свою статью, не на мышиную...

Тогда отъ этихъ словъ что-то стыдное и гадкое кольнуло царевичу сердце. Но онъ пропустилъ ихъ мимо ушей нарочно: ужъ очень ему было весело, ни о чемъ не хотѣлось думать.

«Правъ Кикинъ!—рѣшилъ онъ теперь, и словно чья-то мертвая рука сжала сердце.—Да, все притворъ, обманъ, диссимуляція, чортова политика, игра кошки съ мышкою. Какъ прыгнетъ, да цапнетъ... Ничего нѣтъ, ничего не было. Всѣ надежды, восторги, мечты о свободѣ, о власти—только сонъ, бредъ, безуміе»...

Синее пламя въ послѣдній разъ вспыхнуло и потухло. Наступилъ мракъ. Одинъ только рдѣющій подъ пепломъ уголь выглядывалъ, точно подмигивалъ, смѣясь, какъ лукаво прищуренный глазъ. Царевичу стало страшно; почудилось, что Федоска не уходилъ, что онъ все еще тутъ гдѣ-то въ углу—притаился, пришипился и вотъ-вотъ закуритъ, зашуршитъ, зашелеститъ надъ нимъ черными крыльями, какъ нетопырь, и зашепчетъ ему на ухо: *Тебѣ дамъ власть надъ всѣми царствами и славу ихъ, ибо она передана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее...*

—Аѳанасьичъ!—крикнулъ царевичъ.—Огня! Огня скорѣе!

Старикъ сердито закашлялъ и заворчалъ, слѣзая съ теплой лежанки.

«И чему обрадовался?—спросилъ себя царевичъ въ первый разъ за всѣ эти дни съ полнымъ сознаниемъ.—Неужели?..»

Аѳанасьичъ, шлепая босыми ногами, внесъ нагорѣвшую сальную свѣчку. Прямо въ глаза Алексѣю ударилъ свѣтъ, послѣ темноты, ослѣпительный, рѣжущій.

И въ душѣ его какъ будто блеснулъ свѣтъ: вдругъ увидѣлъ онъ то, чего не хотѣлъ, не смѣлъ видѣть—отъ чего ему было такъ весело—надежду, что отецъ умретъ.

III.

— Помнишь, государь, какъ въ селѣ Преображенскомъ, въ спальнѣ твоей, предъ святымъ Евангеліемъ, спросилъ я тебя: будешь ли меня, отца своего духовнаго, почитать за ангела Божія и за апостола, и за судію дѣлъ своихъ, и вѣруешь ли, что и я, грѣшный, такую же имѣю власть священства, коей вязать и разрѣшать могу, какую даровалъ Христосъ апостоламъ? И ты отвѣчалъ: вѣрую.

Это говорилъ царевичу духовникъ его, протопопъ собора Спаса-на-Верху въ Кремлѣ, отецъ Яковъ Игнатъевъ, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Москвы, три недѣли спустя послѣ свиданія Алексѣя съ Ѳедосомъ.

Лѣтъ десять назадъ о. Яковъ для царевича былъ тѣмъ же, что для дѣда его, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, патріархъ Никонъ. Внукъ исполнилъ завѣтъ дѣда: «Священство имѣйте выше главы своей, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія; священство выше царства». Среди всеобщаго поруганія и порабощенія церкви сладко было царевичу кланяться въ ноги смиренному попу Якову. Въ лицѣ пастыря видѣлъ онъ лицо самого Господа и вѣрилъ, что Господь—Глава надъ всѣми главами, Царь надъ всѣми царями. Чѣмъ самовластнѣе былъ о. Яковъ, тѣмъ смиреннѣе царевичъ, и тѣмъ слаще ему было это смиреніе. Онъ отдавалъ отцу духовному всю ту любовь, которую не могъ отдать отцу по плоти. То была дружба ревнивая, нѣжная, страстная, какъ бы влюбленная. «Самимъ истиннымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга, кромѣ вашей святости,—писалъ онъ о. Якову изъ чужихъ краевъ.—Не хотѣлъ бы говорить сего, да такъ и быть, скажу: дай Боже вамъ долговременно жить; но, если бы вамъ переселеніе

отъ здѣшняго вѣка къ будущему случилось, то уже мнѣ весьма въ Россійское государство не желательно возвращеніе».

Вдругъ все измѣнилось.

У о. Якова былъ зять, подьячій Петръ Анѣимовъ. По просьбѣ духовника царевичъ принялъ къ себѣ на службу Анѣимова и поручилъ ему управленіе своей Порѣцкою вотчиною въ Алаторской волости Нижегородскаго края. Подьячій разорилъ мужиковъ самоуправствомъ и едва не довелъ ихъ до бунта. Много разъ били они челомъ царевичу, жаловались на Петьку-вора. Но тотъ выходилъ сухъ изъ воды, потому что о. Яковъ покрывалъ и выгораживалъ зятя. Наконецъ мужики догадались послать ходока въ Петербургъ къ своему земляку и старому пріятелю, царевичеву камердинеру, Ивану Аѳанасьевичу. Иванъ ѣздилъ самъ въ Порѣцкую вотчину, разслѣдовалъ дѣло и, вернувшись, донесъ о немъ такъ, что не могло быть сомнѣнія въ Петькиныхъ плутняхъ и даже злодѣйствахъ, а главное, въ томъ, что о. Яковъ зналъ о нихъ. Это былъ жестокій ударъ для Алексѣя. Не за себя и не за крестьянъ своихъ, а за церковь Божію, поруганную, казалось ему, въ лицѣ недостойнаго пастыря, возсталъ царевичъ. Долго не хотѣлъ видѣть о. Якова, скрывалъ свою обиду, молчалъ, но, наконецъ, не выдержалъ.

Подъ кличкою о. Ада, вмѣстѣ съ Жибандою, Засыпкою, Захлюсткою и прочими собутыльниками, участвовалъ протопопъ въ «кумпаніи», «всепьянѣйшемъ соборѣ» царевича, маломъ подобіи большого батюшкина собора. На одной изъ попоекъ Алексѣй сталъ обличать русскихъ іереевъ, называя ихъ «Іудами предателями», «хриstopродавцами».

— Когда-то возстанетъ новый Илья пророкъ, дабы сокрушить вамъ хребетъ, жрецы Вааловы!—воскликнулъ онъ, глядя прямо въ глаза о. Якову.

— Непотребное изволишь говорить, царевичъ, — началъ было тотъ со строгостью.— Не довлѣетъ тебѣ такъ укорять и озлоблять насъ, ничтожныхъ своихъ богомольцевъ...

— Знаемъ ваши молитвы,—оборваль его Алексѣй,— «Господи, прости, да и въ клѣтъ пусти, помоги нагрести, да и вынести». Хорошо сдѣлалъ батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ,—пошли ему Господь здоровья,—что поубавиль вамъ пуху, длинныя бороды! Не такъ бы васъ еще надо, фарисеи, лицемѣры, порожденія ехиднины, гробы повапленные!..

Отецъ Яковъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ царевичу и спросилъ торжественно:

— Кого разумѣешь, государь? Не наше ли смиреніе?..

Въ эту минуту «велелѣпнѣйшій отецъ протопресвитеръ Верхо-Спасскій похожъ былъ на патріарха Никона; но сынъ Петра уже не былъ похожъ на Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича.

— И тебя,—отвѣтилъ царевичъ, тоже вставая и по-прежнему глядя въ упоръ на о. Якова,—и тебя, батька, изъ дюжины не выкинешь! И ты чорту душу продалъ, искалъ Иисуса не для Иисуса, а для хлѣба куса. Чего гордынею дуешься? Въ патріархи, небось, захотѣлось? Такъ не та, братъ, пора. Далеко кулику до Петрова дня! Погоди, ужо низринетъ тебя Господь отъ золотой рѣшетки, что у Спаса-на-Верху, пятами вверхъ, да рожей внизъ—прямо въ грязь, въ грязь, въ грязь!..

Онъ прибавилъ непристойное ругательство. Всѣ расхохотались. У о. Якова въ глазахъ потемнѣло; онъ былъ тоже пьянъ, но не столько отъ вина, сколько отъ гнѣва.

— Молчи, Алешка!—крикнулъ онъ.—Молчи, щенокъ!..

— Коли я щенокъ, такъ ты, батька, песъ!

О. Яковъ весь побагровѣлъ, затрясся, поднялъ обѣ руки надъ головой царевича и тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ нѣкогда въ Благовѣщенскомъ соборѣ, будучи протодіакономъ, возглашалъ съ амвона анаемому еретикамъ и отступникамъ,—крикнулъ:

— Прокляну! Прокляну! Властью, данною намъ отъ Самого Господа черезъ Петра апостола...

— Чего, попъ, глотку дерешь?—возразилъ царевичъ со злобною усмѣшкою.—Не Петра апостола, а Петра Анфимова, подьячаго, вора, зятюшку своего родного помилуй!

Онъ въ тебѣ и сидить, онъ изъ тебя и вопить— Петька хамъ, Петька бѣсъ!..

О. Яковъ опустилъ руку и ударилъ Алексѣя по щекѣ— «заградилъ уста нечестивому».

Царевичъ бросился на него, одною рукою схватилъ за бороду, другою уже искалъ ножа на столѣ. Искривленное судорогою, блѣдное, съ горящими глазами, лицо Алексѣя вдругъ стало похоже мгновеннымъ, страшнымъ и точно нездѣшнымъ, призрачнымъ сходствомъ на лицо Петра. Это былъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ ярости, которые иногда овладѣвали царевичемъ, и во время которыхъ онъ способенъ былъ на злодѣйство.

Собутыльники вскочили, кинулись къ дерущимся, схватили ихъ за руки, за ноги и, послѣ многихъ усилій, оттащили, розняли.

Ссора эта, какъ и всѣ подобныя ссоры, кончилась ничѣмъ: кто, моль, пьянъ не живетъ; дѣло привычное, напьются—подерутся, проспятъ—помирятся. И они помирились. Но прежней любви уже не было. Никонъ палъ при внукѣ, точно такъ же какъ при дѣдѣ

О. Яковъ былъ посредникомъ между царевичемъ и цѣлымъ тайнымъ союзомъ, почти заговоромъ враговъ Петра и Петербурга, окружавшихъ «пустынницу», опальную царицу Авдотью, заточенную въ Суздаль. Когда пришла вѣсть о смертельной, будто бы, болѣзни царя, о. Яковъ поспѣшилъ въ Петербургъ, по порученію изъ Суздаля, гдѣ ожидали великихъ событій со вступленіемъ Алексѣя на престоль.

Но къ пріѣзду протопопа все измѣнилось. Царь выздоравливалъ, и такъ быстро, что исцѣленіе казалось чудеснымъ или болѣзнь мнимою. Исполнилось предсказаніе Кикина: котъ Котабрысь вскочилъ—и стала мышиная пляска, бросились всѣ вразсыпную, попрятались опять въ подполье. Петръ достигъ цѣли, узналъ, какова будетъ сила царевича, если онъ, государь, дѣйствительно, умретъ.

До Алексѣя доходили слухи, что отецъ на него въ жестокомъ гнѣвѣ. Кто-то изъ шпионовъ—не самъ ли Федось?—

шепнулъ, будто бы, отцу, что царевичъ изволилъ веселиться о смерти батюшки, лицомъ-де былъ свѣтелъ и радостенъ, точно именинникъ.

Опять вдругъ всѣ его покинули, отшатнулись отъ него какъ отъ зачумленнаго. Опять съ престола на плаху. И онъ зналъ, что теперь ему уже не будетъ пощады. Со дня на день ждалъ страшнаго свиданія съ отцомъ.

Но страхъ заглушали ненависть и возмущеніе. Гнуснымъ казался ему весь этотъ обманъ, «диссимуляція», кощачья хитрость, кощунственная игра со смертью. Припоминалась и другая «диссимуляція» батюшки: письмо съ угрозой лишенія наслѣдства—«Объявленіе сыну моему», переданное въ самый день смерти кронпринцессы Шарлотты, 22 октября 1715 года, подписано было 11 того же октября, то-есть какъ разъ наканунѣ рожденія у царевича сына, Петра Алексѣевича. Тогда не обратилъ онъ вниманія на эту подмѣну чиселъ. Но теперь понялъ, какая тутъ хитрость: послѣ того, какъ родился у него сынъ, нельзя было батюшкѣ не упомянуть о немъ въ «объявленіи», нельзя было грозить безусловнымъ лишеніемъ наслѣдства, когда явился новый наслѣдникъ. Подлогомъ чиселъ данъ видъ законный беззаконію.

Царевичъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой, когда вспомнилъ, какъ батюшка любилъ казаться человѣкомъ правдивымъ.

Все простилъ бы онъ отцу—всѣ великія неправды и злодѣйства—только не эту маленькую хитрость.

Въ этихъ мысляхъ и засталъ царевича о. Яковъ. Алексѣй обрадовался ему въ своемъ одиночествѣ, какъ и всякой живой душѣ. Но въ протопопѣ силенъ былъ духъ Никона: чувствуя, что царевичъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ помощи его, онъ рѣшилъ напомнить ему старую обиду.

— Нынѣ же, государь-царевичъ, — продолжалъ о. Яковъ, — то обѣщаніе свое, данное намъ въ Преображенскомъ, предъ святымъ Евангеліемъ, уничтожилъ ты, въ игру или глумленіе вмѣнилъ. Имѣешь меня не за ангела Божія

и не за апостола Христова и за судію дѣлъ твоихъ, но самъ судишь насъ, уязвляешь словами ругательными. И по дѣлу зятя нашего Петра Анѣимова съ мужиками порѣцкими плачь многій въ домишко нашъ водворилъ, и меня, отца своего духовнаго, за бороду дралъ, чего милости твоей чинить не надлежало, за страхъ Бога живаго. Хотя и грѣшенъ и скверенъ есмь—но служитель пречистому Тѣлу и Крови Господней. Имѣемъ же о томъ судиться съ тобою, чадо, предъ Царемъ царствующихъ, въ день второго пришествія, гдѣ нѣтъ лицепріятія. Когда земная власть изнеможетъ, тамъ и царь какъ единъ отъ убогихъ предстанетъ...

Царевичъ поднялъ на него глаза молча, но съ такимъ выраженіемъ не скорби, не отчаянія, а безчувственной, точно мертвой, пустоты, что о. Яковъ вдругъ замолчалъ. Понялъ, что теперь сводить старые счеты не время. Онъ былъ человѣкъ добрый и Алексѣя любилъ какъ родного.

— Ну, Богъ проститъ, Богъ проститъ, — договорилъ онъ.—И ты, дружокъ, прости меня, грѣшнаго...

Потомъ прибавилъ, заглядывая въ лицо его, съ нѣжною тревогою:

— Да что ты такой скучный, Алешенька?..

Царевичъ опустилъ голову и ничего не отвѣтилъ.

— А я тебѣ гостинецъ привезъ,—усмѣхнулся съ веселымъ и таинственнымъ видомъ о. Яковъ,—письмецо отъ матушки. Ъздилъ нынче къ *пустыннымъ*. Тамошняя радость весьма обвеселила; были паки видѣнія, гласы — скоро де, скоро совершится...

Онъ полѣзъ въ карманъ за письмомъ.

— Не надо, — остановилъ его царевичъ, — не надо, Игнатъичъ! Лучше не показывай. Что пользы? И безъ того тяжко. Еще пронесутъ — отецъ узнаетъ. Смотрѣльщиковъ за нами много. Не ѣзди ты къ *пустыннымъ* и писемъ ко мнѣ впредь не вози. Не надо...

О. Яковъ посмотрѣлъ на него опять долго и пристально. «Вотъ до чего довели, — подумалъ, — сынъ отъ матери, кровь отъ крови отрекается!»

— Аль плохо у батюшки?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Алексѣй махнулъ рукою и еще ниже опустилъ голову.

О. Яковъ понялъ все. Слезы навернулись на глазахъ старика. Онъ склонился къ царевичу и положилъ одну руку на руку его, другою началъ ему гладить волосы, съ тихою ласкою, какъ больному ребенку, приговаривая:

— Что ты, свѣтикъ мой? Что ты, родненькій? Господь съ тобою! Коли есть на сердцѣ что—скажи, не таись—легче будетъ, вмѣстѣ разсудимъ. Я вѣдь батька твой. Хоть и грѣшенъ, а можетъ, умудритъ Господь...

Царевичъ все еще молчалъ, отвертывался. Но вдругъ лицо его сморщилось, губы задрожали. Съ глухимъ, безслезнымъ рыданіемъ упалъ онъ къ ногамъ отца Якова:

— Тяжко мнѣ, батюшка, тяжело!.. Не знаю, что и дѣлать... Силь больше нѣтъ... Я вѣдь отцу моему...

И не кончилъ, какъ будто самъ испугался того, что хотѣлъ сказать.

— Пойдемъ въ крестовую! Пойдемъ скорѣе! Тамъ все скажу. Исповѣдаться хочу. Разсуди меня, отче, съ отцомъ передъ Господомъ!..

Въ крестовой, маленькой комнаткѣ рядомъ со спальней, стѣны уставлены были сплошь старинными иконами въ золотыхъ и серебряныхъ, усыпанныхъ дорогими камнями, окладахъ—наслѣдіемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни одинъ лучъ дневного свѣта не проникалъ сюда; въ вѣчномъ сумракѣ теплились неугасимыя лампы.

Царевичъ сталъ на колѣни передъ аналоемъ, на которомъ лежало Евангеліе. О. Яковъ, облаченный въ ризы, торжественный, какъ будто весь преобразившійся — лицо у него было вблизи самое простое, мужицкое, нѣсколько отяжелѣвшее, обрюзгшее отъ старости, но издали все еще благообразное, напоминавшее ликъ Христа на древнихъ иконахъ,—держалъ крестъ и говорилъ:

— «Се, чадо, Христось невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое; не усрамяся, ниже убойся и да не скроеши что отъ мене, но не обинуяся рцы вся, елика содѣлалъ еси, да пріемлеши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа».

И по мѣрѣ того, какъ, называя грѣхи, одинъ за другимъ, по чину исповѣди, духовный отецъ спрашивалъ, и кающійся отвѣчалъ,—ему становилось все легче и легче, словно, кто-то сильный снималъ съ души его бремя за бременемъ, кто-то легкій легкими перстами прикасался къ язвамъ совѣсти—и онѣ исцѣлялись. Сладко ему было и страшно; сердце горѣло, какъ будто не о. Яковъ стоялъ передъ нимъ, а Самъ Христосъ.

— «Рцы ми, чадо, не убилъ ли еси человѣка волею или неволею?»

Это былъ тотъ вопросъ, котораго ждалъ и боялся царевичъ.

— Грѣшенъ, отче,—пролепеталъ онъ чуть слышно,— не дѣломъ, не словомъ, но помышленіемъ. Я отцу моему...

И опять, какъ давеча, остановился, словно самъ испугавшись того, что хотѣлъ сказать. Но всевидящій взоръ проникалъ въ самую тайную глубину его сердца. Отъ этого взора нельзя было скрыть ничего.

Съ усиленіемъ, дрожа и блѣднѣя, обливаясь холоднымъ потомъ, онъ кончилъ:

— Когда батюшка былъ боленъ, я ему смерти желалъ.

И весь сжался, съежился, опустилъ голову, закрылъ глаза, чтобы не видѣть Того, Кто стоялъ передъ нимъ, замеръ отъ ужаса, какъ будто ждалъ, что раздастся слово, подобное грому небесному—последнее осужденіе или оправданіе, какъ на Страшномъ судѣ.

И вдругъ знакомый, обыкновенный, человѣческій голосъ о. Якова произнесъ:

— Богъ тебя проститъ, чадо! Мы и всѣ ему желаемъ смерти.

Царевичъ поднялъ голову, открылъ глаза и увидѣлъ тоже знакомое, обыкновенное, человѣческое, совсѣмъ не страшное лицо—тонкія морщинки около добрыхъ и немного хитрыхъ карихъ глазъ, бородавку съ тремя волосками на круглой пухлой щекѣ, рыжеватую съ просѣдью бороду—ту самую, за которую нѣкогда онъ таскалъ батьку, пьяный, во время драки. Попъ какъ попъ—ничего и никого не было за

нимъ. Но если бы, въ самомъ дѣлѣ; разразился надъ царевичемъ громъ, онъ бы, кажется, былъ меньше пораженъ, чѣмъ этими простыми словами: «Богъ тебя проститъ! Мы и всѣ ему желаемъ смерти».

А священникъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашивать по чину Требника:

— «Рцы, ми, чадо: не ялъ ли еси мертвечины, или крове; или удушенное, или волкохищенное, или птицею пораженное? Не осквернился ли еси отъ иного чесоже, яже заповѣдана суть въ священныхъ правилахъ? Или во святую Четырнадцатницу, или въ среду, или въ пятокъ—отъ масла или сыра?»

— Отче!—воскликнулъ царевичъ.—Великъ мой грѣхъ, видитъ Богъ, великъ...

— Оскоромился? — спросилъ о. Яковъ съ тревогою.

— Не о томъ я, отче! Я о государѣ-батюшкѣ. Какъ же такъ? Вѣдь родной я ему, родной сынъ, кровь отъ крови. Смерти сынъ отцу пожелалъ. А кто кому смерти желаетъ, тотъ того убійца. Мысленный есмь отцеубійца. Страшно, Игнатъичъ, страшно. Ей, отче, яко Самому Христу, тебѣ исповѣдуюсь. Разсуди, помоги, помилуй, Господи!..

Отецъ Яковъ посмотрѣлъ на него сначала съ удивленіемъ, потомъ съ гнѣвомъ.

— Что на отца по плоти возсталъ—каешься, а что на отца по духу—о томъ и не вспомнишь? Колико же духъ паче плоти, толико отецъ духовный паче отца плотскаго...

И опять заговорилъ длинно, книжно, пусто, все объ одномъ и томъ же: «священство имѣйте выше главы своей».

— Ты же, чадо, освоеволился. Яко изступленный или яко блекотливый козель вопилъ на меня. Да не вмѣнить тебѣ сего Господь, ибо не отъ тебя сіе, но діаволь пакуствуетъ мнѣ черезъ тебя—взнуздалъ тебя, яко худую клячу, и ѣздитъ на тебѣ, величаяся, какъ на свиніѣ, по видѣнію святыхъ отецъ, куда хочеть, пока въ совершенную погибель не вринеть...

И слово за слово, свель-таки рѣчь на дѣло о мужаикахъ порѣцкихъ и о зятѣ своемъ, Петрѣ Анфимовѣ.

Что-то сѣрое-сѣрое, сонное, липкое, какъ паутина, застилало глаза царевичу — и расплывалось, двоилось, какъ въ туманѣ, лицо того, кто стоялъ передъ нимъ, какъ будто выступало изъ-за этого лица другое, тоже знакомое — съ краснымъ востренькимъ носикомъ, вѣчно нюхающимъ воздухъ, съ подслѣповатыми, слезящимися, хитрыми, хищными глазками — лицо Петьки подьячаго; какъ будто въ лицѣ «его превосходительства, велелѣпнѣйшаго отца протопресвитера Верхо-Спасскаго», благообразномъ, напоминавшемъ ликъ Христа на древнихъ иконахъ, соединялась, смѣшивалась въ страшномъ и кощунственномъ смѣшеніи съ ликомъ Господнимъ гнусная рожица Петьки-вора, Петьки-хама.

— «Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христось, благодатию и щедротами Своего челобѣколюбія, да проститъ ти, чадо Алексіе, вся согрѣшенія твоя,—произнесъ о. Яковъ, покрывая голову царевича епитрахилью,—и азъ, недостойный іерей, властію Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь».

Пустота была въ сердцѣ Алексѣя, и слова эти звучали для него — пустыя, безъ власти, безъ тайны, безъ ужаса. Онъ чувствовалъ, что прощалось здѣсь, но не простилося тамъ: разрѣшалось на землѣ, но не разрѣшилось на небѣ.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ пошелъ о. Яковъ париться въ баню. Вернувшись, сѣлъ у камелька противъ царевича пить горячій сбитень, дымившійся въ котлѣ изъ яркой красной мѣди, въ которой отражалось красное какъ мѣдь лицо протопопа. Пилъ, не торопясь, кружку за кружкой и вытиралъ потъ большимъ клѣтчатымъ платкомъ. Онъ и въ банѣ парился, и сбитень пилъ, точно обрядъ совершалъ. Въ томъ, какъ прихлебывалъ и причмокивалъ, и закусывалъ хрустящимъ сдобнымъ бубликомъ, была такая же благолѣпная чинность и важность, какъ въ церковнослуженіи; виденъ былъ хранитель дѣдовскихъ обычаевъ, слышенъ завѣтъ всей старины православной: буди неподвиженъ, яко мраморный столпъ, не склоняйся ни на шуюю, ни на десно.

Царевичъ слушалъ разсужденія о томъ, какими вѣниками мягче париться; отъ какой травы, мяты или калуфера, бываетъ слаще въ банѣ духъ; и повѣствованіе, какъ матушка-протопопица на Николу Зимняго едва до смерти не запарилась. А также, къ слову—поученія и назиданія отъ святыхъ отцовъ: «червь смиренъ зѣло и худъ, ты же славенъ и гордъ; но аще разуменъ еси, то самъ уничижи гордость свою, помышляя, яко крѣпость и сила твоя снѣдь червямъ будетъ. Высокоумія хранися, гнѣводержанія удаляйся...»

И опять, опять—о дѣлѣ мужиковъ порѣцкихъ, о неизбежномъ Петькѣ Анфимовѣ.

Царевичу хотѣлось спать, и порой казалось ему, что это не человекъ передъ нимъ говорить, а волъ жуетъ и отрыгаетъ, и снова жуетъ безконечную сонную жвачку.

Надвигались унылыя сумерки. На дворѣ была оттепель съ желтымъ, грязнымъ туманомъ. На окнахъ блѣдные цвѣты мороза таяли, плакали. И въ окна глядѣло небо, грязное, подслѣповатое, слезящееся, какъ хитрые, подлые глазки Петьки подъячаго.

О. Яковъ сидѣлъ противъ царевича на томъ же мѣстѣ, гдѣ три недѣли назадъ сидѣлъ архимандритъ Ѳедось. И Алексѣй невольно сравнивалъ обоихъ пастырей церкви старой и новой.

«Не архіереи, а шушера! Были мы орлы, а стали ночные нетопыри», говорилъ попъ Ѳедось. «Были мы орлы, а стали волю подъяремные», могъ бы сказать попъ Яковъ.

За Ѳедоской былъ вѣчный Политикъ, древній князь міра сего; и за о. Яковомъ былъ тотъ же Политикъ, новый князь міра сего — Петька-хамъ. Одинъ стоилъ другого; древнее стоило новаго. И неужели за этими двумя лицами, прошлымъ и будущимъ — единое третье — лицо всей Церкви?

Онъ смотрѣлъ то на грязное небо, то на красное лицо протопопа. И здѣсь, и тамъ было что-то плоское-плоское, пошрое, вѣчное въ пошлости, то, что всегда есть и что все-таки призрачнѣе самаго дикаго бреда. И пустота была въ сердцѣ его и скука, страшная какъ смерть.

И опять, какъ тогда, зазвенѣлъ колокольчикъ, сперва глухо, вдали, потомъ все громче, ближе.

Царевичъ прислушался и вдругъ весь насторожился. — Ёдетъ кто-то, — сказалъ о. Яковъ. — Не сюда ли?

Послышалось шлепанье лошадиныхъ копытъ въ лужахъ талаго снѣга, визгъ полозьевъ по голымъ камнямъ, голоса на крыльцѣ, шаги въ передней. Дверь открылась, и вошелъ великанъ съ красивымъ глупымъ лицомъ, странною смѣсью римскаго легіонера съ русскимъ Иванушкой-дурачкомъ. То былъ денщикъ царя, Преображенской гвардіи капитанъ, Александръ Ивановичъ Румянцевъ.

Онъ подалъ письмо царевичу. Тотъ распечаталъ и прочелъ:

«Сынъ. Изволь быть къ намъ завтра на Зимній дворъ.— Петръ».

Алексѣй не испугался, не удивился; какъ будто заранѣе зналъ объ этомъ свиданіи—и ему было все равно.

Въ ту ночь приснился царевичу сонъ, который часто снился ему, всегда одинаковый.

Сонъ этотъ связанъ былъ съ рассказомъ, который слышалъ онъ въ дѣтствѣ.

Во время стрѣлецкаго розыска, царь Петръ велѣлъ вырыть погребенное въ трапезѣ церкви Николы-на-Столпахъ и пролежавшее семнадцать лѣтъ въ могилѣ тѣло врага своего, друга Софьи, главнаго мятежника, боярина Ивана Милославскаго; открытый гробъ везти на свиньяхъ въ Преображенское и тамъ, въ застѣнкѣ, поставить подъ плахою, гдѣ рубили головы измѣнникамъ, такъ чтобы кровь лилась въ гробъ на покойника; потомъ разрубить трупъ на части и зарыть ихъ тутъ же, въ застѣнкѣ, подъ дыбами и плахами, «дабы,—гласилъ указъ,—оныя скаредныя части вора Милославскаго умножаемою воровскою кровью обливались вѣчно, по слову Псаломскому: *Мужа кровей и льсти гнушается Господь*».

Въ этомъ снѣ своемъ Алексѣй сначала какъ будто ничего не видѣлъ, только слышалъ тихую-тихую, страшную

пѣсенку изъ сказки о сестрицѣ Аленушкѣ и братцѣ Иванушкѣ, которую часто въ дѣтствѣ ему сказывала бабушка, старая царица Наталья Кирилловна Нарышкина, мать Петра. Братецъ Иванушка, превращенный въ козлика, зоветъ сестрицу Аленушку; но во снѣ, вмѣсто «Аленушка», звучало «Алешенька»—грознымъ и вѣщимъ казалось это созвучье именъ.

Алешенька, Алешенька!
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

Потомъ видѣлъ онъ глухую пустынную улицу, рыхлый талый снѣгъ, рядъ черныхъ бревенчатыхъ срубовъ, свинцовыя маковки старенькой церкви Николы-на-Столпахъ. Раннее, темное, какъ будто вечернее, утро. На краю неба огромная «звѣзда съ хвостомъ», комета, красная какъ кровь. Чудскія свиньи, жирныя, голыя, черныя, съ розовыми пятнами, тащатъ шутовскія сани. На саняхъ открытый гробъ. Въ гробу что-то черное, склизкое, какъ прѣлые листья въ гниломъ дуплѣ. Въ лучѣ кометы блѣдныя маковки отливаютъ кровью. Подъ санями тонкій ледъ весеннихъ лужъ хруститъ, и черная грязь брызжетъ, какъ кровь. Такая тишина—какъ предъ кончиной міра, передъ трубой архангела. Только свиньи хрюкаютъ. И чей-то голосъ, похожій на голосъ сѣденькаго старичка въ зеленой полинялой ряскѣ, св. Дмитрія Ростовскаго, котораго видѣлъ Алеша въ дѣтствѣ, шепчетъ ему на ухо: *Мужа кровей и льсти гнушается Господь*. И царевичъ знаетъ, что мужъ кровей—самъ Петръ.

Онъ проснулся, какъ всегда отъ этого сна, въ ужасѣ. Въ окно глядѣло раннее, темное, словно вечернее, утро. Была такая тишина, какъ передъ кончиною міра.

Вдругъ послышался стукъ въ дверь и заспанный, сердитый голосъ Аѳанасьяча:

— Вставай, вставай, царевичъ! Къ отцу пора!

Алексѣй хотѣлъ крикнуть, вскочить и не могъ. Всѣ члены точно отнялись. Онъ чувствовалъ тѣло свое на себѣ какъ чужое. Лежалъ, какъ мертвый, и ему казалось, что сонъ продолжается, что онъ во снѣ проснулся. И въ то же время слышалъ стукъ въ дверь и голосъ Аѳанасьяча:

— Пора, пора къ отцу!

А голосъ бабушки, дряхлый, дребезжащій, какъ блеянье козлика, пѣлъ надъ нимъ тихую-тихую, страшную пѣсенку:

Алешенька, Алешенька!
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

IV.

Петръ говорилъ Алексѣю:

— Когда война со Шведомъ началась, о, коль великое гоненіе, ради нашего неискusstва, претерпѣли; съ какою горестью и терпѣніемъ сію школу прошли, доколѣ сподобились видѣть, что оный непріятель, отъ коего трепетали, едва не вяще отъ насъ нынѣ трепещетъ! Чтó все моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ трудами достигнуто. И доселѣ вкушаемъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму. Сколько могли, потрудились, яко Ной, надъ ковчегомъ Россіи, имѣя всегда одно въ помышленіи: на весь свѣтъ славна бы Русь была. Когда же сію радость, Богомъ данную отечеству нашему, разсмотрѣвъ, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горестъ меня снѣдаетъ, видя тебя весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребна...

Подымаясь по лѣстницѣ Зимняго дворца и проходя мимо гренадера, стоявшаго на часахъ у двери въ конторку, рабочую комнату царя, Алексѣй испытывалъ, какъ всегда передъ свиданіями съ отцомъ, бессмысленный животный

страхъ. Въ глазахъ темнѣло, зубы стучали, ноги поднашивались; онъ боялся, что упадетъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ отецъ говорилъ спокойнымъ ровнымъ голосомъ длинную, видимо, заранѣе обдуманную и какъ будто наизусть заученную рѣчь, Алексѣй успокаивался. Все застывало, каменѣло въ немъ — и опять было ему все равно—точно не о немъ и не съ нимъ говорилъ отецъ.

Царевичъ стоялъ, какъ солдатъ, на-вытяжку, руки по швамъ, слушалъ и не слышалъ, украдкой оглядывая комнату, съ разсѣяннымъ и равнодушнымъ любопытствомъ.

Токарные станки, плотничьи инструменты, астролябіи, ватерпасы, компасы, глобусы и другіе математическіе, артиллерійскіе, фортификаціонные приборы загромаждали тѣсную конторку, придавая ей сходство съ каютою. По стѣнамъ, обитымъ темнымъ дубомъ, висѣли морскіе виды любимаго Петромъ голландскаго мастера Адама Сило, «полезные для познанія корабельнаго искусства». Все—предметы, съ дѣтства знакомые царевичу, рождавшіе въ немъ цѣлые рои воспоминаній: на газетномъ листкѣ, голландскихъ курантахъ — большія круглыя желѣзные очки, обмотанныя синей шелковинкой, чтобы не терли переносицы; рядомъ — ночной колпакъ изъ бѣлаго дорожчатаго канифаса съ шелковой зеленой кисточкой, которую Алеша, играя, однажды, оборвалъ нечаянно, но отецъ тогда не разсердился, а бросивъ писать указъ, тутъ же пришилъ ее собственноручно.

За столомъ, заваленнымъ бумагами, Петръ сидѣлъ въ старыхъ кожаныхъ креслахъ съ высокою спинкою, у жарко натопленной печи. На немъ былъ голубой, полинялый и заношенный халатъ, который царевичъ помнилъ еще до Полтавскаго сраженія, съ тою же заплатою болѣе яркаго цвѣта на мѣстѣ, прожженномъ трубкою; шерстяная красная фуфайка съ бѣлыми костяными пуговицами; отъ одной изъ нихъ, сломанной, оставалась только половинка,—онъ узналъ ее и сосчиталъ, какъ почему-то всегда это дѣлалъ, во время длинныхъ укориженныхъ рѣчей отца: она была шестая снизу; исподнее платье изъ грубаго синяго стамеда; сѣрые гарусные штопаные чулки, старыя, стоптанныя туфли. Царе-

вичь разсматривалъ всѣ эти мелочи, такія привычныя, родныя, чуждыя. Только лица батюшки почти не видѣлъ. Изъ окна, за которымъ бѣлѣла снѣжная скатерть Невы, косою лучъ желтаго зимняго солнца падалъ между ними, тонкій, длинный и острый, какъ мечъ. Онъ раздѣлялъ ихъ и заслонялъ другъ отъ друга. Въ солнечномъ четырехугольникѣ оконной рамы на полу, у самыхъ ногъ царя, спала свернувшись въ клубочекъ, его любимица, рыжая сучка Лизетта.

И ровнымъ, однозвучнымъ, немного сиповатымъ отъ кашля голосомъ царь говорилъ, точно писанный указъ читалъ:

— Богъ не есть виновенъ въ твоёмъ непотребствѣ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную отнялъ; хотя не весьма крѣпкой природы, однако, и не слабой; паче же всего, о воинскомъ дѣлѣ и слышать не хочешь, чѣмъ отъ тьмы къ свѣту мы вышли, и за что насъ, которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законной причины, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабждать и учить; ибо сіе есть единое изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Отъ презрѣнія къ войнѣ общая гибель слѣдовать будетъ, какъ то въ паденіи Греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ нескончаемое рабство тиранамъ отдалъ? Если же кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять, то сіе воистину не есть резонъ, ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать: до чего охотникъ начальствующій, до того и всѣ; а отъ чего отвращается, о томъ не радятъ и прочіе. Къ тому же не имѣя охоты, ни въ чемъ не обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. А не зная, какъ повелѣвать оными можешь и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не разумѣя силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ

понести не можешь? Но и сіе не резонъ. Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій Людви́гъ, который немного на войнѣ самъ былъ, но всякую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ, что его войну театромъ и школою свѣта называли,—и не только къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ! Сіе все представляя, обращаю паки на первое, о тебѣ разсуждая. Ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу.

Раздѣлявшій ихъ солнечный лучъ отодвинулся, и Алексѣй взглянулъ на лицо Петра. Оно такъ измѣнилось, какъ будто не мѣсяць, а годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ отца въ послѣдній разъ; тогда Петръ былъ въ цвѣтѣ силъ и мужества, теперь—почти старикъ. И царевичъ понималъ, что болѣзнь отца была непритворною, что, можетъ-быть, дѣйствительно, онъ ближе былъ смерти, чѣмъ думалъ самъ, чѣмъ думали всѣ. Въ оголенномъ черепѣ,—волосы спереди вылѣзли—въ мѣшкахъ подъ глазами, въ выступавшей впередъ нижней челюсти, во всемъ блѣдно-желтомъ, одутловатомъ, точно налитомъ и опухшемъ лицѣ было что-то тяжкое, грузное, застывшее, какъ въ маскѣ, снятой съ мертваго. Только въ слишкомъ яркомъ, словно воспаленномъ блескѣ огромныхъ расширенныхъ, какъ у пойманной хищной птицы, выпуклыхъ, словно выпученныхъ глазъ было прежнее, юное, но теперь уже безконечно усталое, слабое, почти жалкое.

И Алексѣй понималъ также, что хотя много думалъ о смерти отца и ждалъ, и желалъ этой смерти, но никогда не понималъ ея, какъ будто не вѣрилъ, что отецъ, дѣйствительно, умретъ. Только теперь въ первый разъ вдругъ повѣрилъ. И недоумѣніе было въ этомъ чувствѣ, и новый, никогда не испытанный страхъ,—уже не за себя, а за него: чѣмъ должна быть для такого человѣка смерть? какъ онъ будетъ умирать?

— Ибо я есмь человекъ и смерти подлежу,—продолжалъ Петръ, — то кому сіе начатое съ помощью Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возвращенное оставлю? Тому, кто уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю, сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ! Еще же и сіе вспомяну, какого злого нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ; къ тому же сколько лѣтъ, почитай, не говорю съ тобою. Но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ; все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бѣ дома въ прохладу жить и всегда веселиться, хоть отъ другой половины и все противно идетъ! Ибо съ единой стороны имѣешь царскую кровь высокаго рода, съ другой же — мерзкія разсужденія, какъ бы наинизшій изъ низкихъ холоповъ, всегда обращаясь съ людьми непотребными, отъ коихъ ничему научиться не могъ, опричь злыхъ и пакостныхъ дѣлъ. И чѣмъ воздаешь за рожденіе отцу своему? Помогаетъ ли въ такихъ моихъ несносныхъ печаляхъ и трудахъ, достигши столь совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всѣмъ извѣстно есть. Но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья, дѣлаю и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь? Что все размышляя съ горестью и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ объявить и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Если же нѣтъ, то извѣстенъ будь...

На этомъ словѣ закашлялся онъ долгимъ, мучительнымъ кашлемъ, который остался послѣ болѣзни. Лицо побагровѣло, глаза вытаращились, потъ выступилъ на лбу, жилы вздулись. Онъ задыхался и отъ яростныхъ тщетныхъ усилій отхаркнуть еще больше давился, какъ неумѣющія кашлять маленькія дѣти. Въ этомъ дѣтскомъ, старческомъ было смѣшное и страшное.

Лизетта проснулась, подняла мордочку и уставилась на господина умнымъ, какъ будто жалѣющимъ взоромъ. Царевичъ тоже взглянулъ на отца—и вдругъ что-то острое-

острое пронзило ему сердце, точно ужалило: «И песь жалѣть, а я»...

Петръ, наконецъ, отхаркнулъ, выплюнулъ, выругался своимъ обычнымъ, непристойнымъ ругательствомъ и, вытирая платкомъ потъ и слезы съ лица, тотчасъ же продолжалъ съ того мѣста, гдѣ остановился, хотя еще болѣе хриплымъ, но попрежнему безстрастнымъ, ровнымъ голосомъ, точно писанный указъ читалъ:

— Паки подтверждаю, дабы ты извѣстенъ былъ...

Платокъ нечаянно выпалъ изъ рукъ его; онъ хотѣлъ наклониться, чтобы поднять, но Алексѣй предупредилъ его, бросился, поднялъ, подалъ. И эта маленькая услуга вдругъ напомнила ему то робкое, нѣжное, почти влюбленное, что онъ когда-то чувствовалъ къ отцу.

— Батюшка! — воскликнулъ онъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ, что Петръ посмотрѣлъ на него пристально и тотчасъ опустилъ глаза. — Видить Богъ, ничего лукаваго по совѣсти не учинилъ я предъ тобою. А лишенія наслѣдства я и самъ для слабости моей желаю, понеже что на себя брать, чего не снести. Куда ужъ мнѣ! И развѣ я, батюшка... для тебя, для тебя... о Господи!..

Голосъ его оборвался. Онъ отчаянно, судорожно поднималъ руки, точно хотѣлъ схватиться за голову, и замеръ такъ, со странною, растерянною усмѣшкой на губахъ, весь блѣдный, дрожащій. Онъ самъ не зналъ, что это, — только чувствовалъ; какъ росло, подымалось что-то, рвалось изъ груди съ потрясающей силой. Одно слово, одинъ взоръ, одинъ знакъ отца, и сынъ упалъ бы къ ногамъ его, обнялъ бы ихъ, зарыдалъ бы такими слезами, что распалась бы, растаяла, какъ ледъ отъ солнца, страшная стѣна между ними. Все объяснилъ бы, нашелъ бы такія слова, что отецъ простилъ бы, понялъ бы, какъ онъ любилъ его всю жизнь, его одного, и теперь еще любить, сильнѣе, чѣмъ прежде— и ничего не нужно ему—только бы онъ позволилъ любить его, умереть за него, только бъ хотъ разъ пожалѣлъ и сказалъ, какъ бывало говаривалъ въ дѣтствѣ, прижимая къ сердцу своему: «Алеша, мальчикъ мой милый!»

— Младенчество свое изволь оставить!—раздался грубый, но какъ будто нарочно грубый, а на самомъ дѣлѣ смущенный и старающійся скрыть смущеніе голосъ Петра.— Не чини отговорки ничѣмъ. Покажи намъ вѣру отъ дѣлъ своихъ, а словамъ вѣрить нечего. И въ Писаніи сказано: не можетъ древо злое плодовъ добрыхъ приносить...

Избѣгая глазъ Алексѣя, Петръ глядѣлъ въ сторону; а между тѣмъ въ лицѣ его что-то мелькало, дрожало, словно сквозь мертвую маску сквозило живое лицо, царевичу слишкомъ знакомое, милое. Но Петръ уже овладѣлъ своимъ смущеніемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо становилось все мертвеннѣй, голосъ все тверже и беспощаднѣе:

— Нынѣ тунеядцы не въ высшей степени суть. Кто хлѣбъ ѣстъ, а прибытку не дѣлаетъ Богу, царю и отечеству, подобенъ есть червию, которое токмо въ тлю все претворяетъ, а пользы людямъ не чинитъ ни малой, кромѣ пакости. И Апостоль глаголетъ: праздный да не ястъ, и проклятъ есть тунеядецъ. Ты же явился, яко бездѣльникъ...

Алексѣй почти не слышалъ словъ. Но каждый звукъ ранилъ душу его и врѣзался въ нее съ нестерпимою болью, какъ ножъ врѣзается въ живое тѣло. Это было подобно убійству. Онъ хотѣлъ закричать, остановить его, но чувствовалъ, что отецъ ничего не пойметъ, не услышитъ. Опять между ними вставала стѣна, зіяла пропасть. И отецъ уходилъ отъ него съ каждымъ словомъ все дальше и дальше, все невозвратнѣе, какъ мертвые уходятъ отъ живыхъ.

Наконецъ и боль затихла. Все опять окаменѣло въ немъ. Опять ему было все равно. Томила лишь сонная скука отъ этого мертваго голоса, который даже не ранилъ, а пилилъ, какъ тупая пила.

Чтобы кончить, уйти поскорѣе, онъ выбралъ минуту молчанія и произнесъ давно обдуманый отвѣтъ, съ такимъ же, какъ у батюшки, мертвымъ лицомъ и такимъ же мертвымъ голосомъ:

— Милостивый государь батюшка! Иного донести не имѣю, только, буде изволишь за мою непотребность меня короны Россійской наслѣдія лишить,—буди по волѣ вашей. О чемъ я васъ, государя, всенижайше прошу, видя себя къ дѣлу о семь неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ, безъ коей ничего не можно дѣлать, и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и негоденъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ надобно человѣка не столь гнилого, какъ я. Того ради, наслѣдія Россійскаго по васъ—хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ есть, которому дай Боже здравіе—не претендую и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою и, ради истиннаго свидѣтельства, написать сію клятву готовъ рукою своею. Дѣтей вручаю въ волю вашу, себѣ же прошу пропитанія до смерти.

Наступило молчаніе. Въ тишинѣ зимняго полдня слышно было лишь мѣрное, мѣдное тиканье маятника на стѣнныхъ часахъ.

— Отреченіе твое токмо протяжка времени, а не истина! — произнесъ, наконецъ, Петръ. — Ибо, когда нынѣ не боишься и не зѣло смотришь на отцово прещеніе, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Что же приносишь клятву, тому вѣрить нельзя, жестокосердія ради твоего. Къ тому же и Давидово слово: всякъ человѣкъ—ложь. Также, хотя бѣ и подлинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить длинныя бороды, попы, да старцы, которые, ради тунеядства своего, не въ авантажѣ нынѣ обрѣтаются,—къ нимъ же ты склоненъ зѣло. Того для, такъ остаться, какъ желаешь, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно. Но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, ибо духъ нашъ безъ сего спокоенъ быть не можетъ, а особливо нынѣ, что мало здоровъ сталъ,—или будь монахъ...

Алексѣй молчалъ, опустивъ глаза. Лицо его казалось геперь такою же мертвою маской, какъ лицо Петра. Маска противъ маски—и въ обѣихъ внезапное, странное, какъ

будто призрачное, сходство—въ противоположностяхъ подобье. Какъ будто широкое, круглое, пухлое лицо Петра, отражаясь въ длинномъ и тощемъ лицѣ Алексѣя, точно въ вогнутомъ зеркалѣ, чудовищно сузилось, вытянулось.

Молчалъ и Петръ. Но въ правой щекѣ, въ углу рта и глаза, во всей правой сторонѣ лица его началось быстрое дрожаніе, подергиваніе; постепенно усиливаясь, перешло оно въ судорогу, которая сводила лицо, шею, плечо, руку и ногу. Многіе считали его одержимымъ падучею или даже бѣсноватымъ за эти судорожныя корчи, которыя предвѣщали припадки бѣшенства. Алексѣй не могъ смотрѣть на отца въ такія минуты безъ ужаса. Но теперь онъ былъ спокоенъ, точно окруженъ невидимой, непроницаемой броней. Что еще могъ бы ему сдѣлать батюшка? Убить? Пусть. Развѣ то, что онъ уже сдѣлалъ только что, не хуже убійства?

— Что молчишь? — крикнулъ вдругъ Петръ, ударя кулакомъ по столу въ одномъ изъ судорожныхъ движеній, сотрясемъ все его тѣло.—Берегись, Алешка! Думаешь, не знаю тебя? Знаю, братъ, вижу насквозь! На кровь свою возсталъ, щенокъ, отцу смерти желаешь!.. У, тихоня, святоша проклятый! Отъ поповъ да старцевъ, небось, научился оной политикѣ? Не даромъ Спаситель ничего апостоламъ бояться не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: берегитесь, сказалъ, закваски фарисейской, что есть лицемѣріе монашеское—диссимуляція!..

Тонкая злая усмѣшка сверкнула въ потупленномъ взорѣ царевича. Онъ едва удержался, чтобы не спросить отца: что значить подлогъ чиселъ въ *Объявленіи сыну моему* — октября 11 вмѣсто 22? У кого-де самъ батюшка научился этой диссимуляціи, плутовству, достойному Петьки подьячаго, Петьки-хама, или Ѳедоски, «князя міра», съ его «богопремудрымъ коварствомъ», «небесной политикой»?

— Послѣднее напоминаніе еще, — заговорилъ Петръ опять прежнимъ, ровнымъ, почти безстрастнымъ голосомъ, неимовѣрнымъ усиліемъ воли сдерживая судорогу.—Подумай обо всемъ гораздо и, взявъ резолюцію, дай о томъ от-

вѣтъ немедленно. А ежели нѣтъ, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу. Ибо, когда гангрена сдѣлалась въ пальцѣ моемъ, не долженъ ли я отсѣчь оный, хотя и часть тѣла моего? Такъ и тебя, яко удъ гангренный, отсѣку! И не мни, что сіе только въ устрастку тебѣ говорю: воистину, Богу извольшу, исполню. Ибо за народъ мой и отечество живота своего не жалѣлъ и не жалѣю — то какъ могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный. О чемъ паки подтверждаемъ, дабы учинено было, конечно, одно изъ сихъ двухъ—либо нравъ отмѣнить, либо постричься. А буде того не учинишь...

Петръ поднялся во весь свой исполинскій ростъ. Опять одолѣвала его судорога; тряслась голова, дергались руки и ноги. Кривлявшаяся, какъ будто шутовскія рожи корчившая, мертвая маска лица съ неподвижнымъ воспаленнымъ взоромъ была ужасна. Глухое рычаніе звѣря слышалось въ голосѣ.

— А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю!..

— Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго соизволенія,—произнесъ царевичъ тихимъ, твердымъ голосомъ.

Онъ лгалъ. Петръ зналъ, что онъ лжетъ. И Алексѣй зналъ, что отецъ это знаетъ. Злая радость мщенія наполняла душу царевича. Въ его безконечной покорности было безконечное упрямство. Теперь сынъ былъ сильнѣе отца: слабый сильнѣе сильнаго. Что пользы царю въ постриженіи сына? «Клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибить, можно-де и снять». Вчера—монахъ, завтра—царь. Повернутся въ землѣ кости батюшки, когда надъ нимъ надругается сынъ—все расточить, разорить, не оставитъ камня на камнѣ, погубить Россію. Не постричь, а убить бы его, истребить, стереть съ лица земли.

— Вонъ! — простоналъ Петръ въ безсильномъ бѣшенствѣ.

Царевичъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на отца въ упоръ, исподлобья: такъ волчонокъ смотритъ на стараго волка,

оскаливъ зубы, оцетинившись. Взоры 'ихъ' скрестились какъ шпаги въ поединкѣ—и взоръ отца потупился, точно сломался, какъ ножъ о твердый камень.

И опять зарычалъ онъ, какъ раненый звѣрь, и съ матернымъ ругательствомъ вдругъ поднялъ кулаки надъ головою сына, готовый броситься, избить, убить его.

Вдругъ маленькая, нѣжная и сильная ручка опустилась на плечо Петра.

Государыня Екатерина Алексѣевна давно уже подслушивала у дверей комнаты и пыталась подглядѣть въ замочную скважину. Катенька была любопытна. Какъ всегда, явилась она въ самую опасную минуту на выручку мужа. Пріотворила дверь неслышно и подкралась къ нему сзади на цыпочкахъ.

— Петенька! Батюшка! — заговорила она съ видомъ смиреннымъ и немного шутливымъ, притворнымъ, какъ добрая няня говорятъ съ упрямыми дѣтьми или сидѣлки съ больными.— Не замай себя, Петенька, не круши, свѣтикъ, сердца своего. А то паче мѣры утудишься, да и сляжешь опять, расхвораешься... А ты ступай-ка, царевичъ, ступай, родной, съ Богомъ! Видишь, государю неможется...

Петръ обернулся, увидѣлъ спокойное, почти веселое лицо Катеньки и сразу опомнился. Поднятыя руки упали, повисли какъ плети, и все громадное, грузное тѣло опустилось въ кресло, точно рухнуло, какъ матерое, въ корнѣ подрубленное дерево.

Алексѣй, глядя на отца попрежнему въ упоръ, исподлобья, сгорбившись, съезжившись точно оцетинившись, какъ звѣрь на звѣря, медленно пятился къ выходу и только на самомъ порогѣ вдругъ быстро повернулся, открылъ дверь и вышелъ.

А Катенька присѣла сбоку на ручку кресла, обняла голову Петра и прижала ее къ своей груди, толстой, мягкой какъ подушка, настоящей груди кормилицы. Рядомъ съ желтымъ, больнымъ, почти старымъ лицомъ его, совсѣмъ еще молодымъ казалось румяное лицо Катеньки, все въ маленькихъ пушистыхъ родинкахъ, похожихъ на мушки, въ мило-

видныхъ шишечкахъ и ямочкахъ, съ высокими соболиными бровями, съ тщательно завитыми колечками крашенныхъ черныхъ волосъ на низкомъ лбу, съ большими глазами на выкатѣ, съ неизмѣнною, какъ на царскихъ портретахъ, улыбкою. Вся она, впрочемъ, похожа была не столько на царицу, сколько на нѣмецкую трактирную служанку или на русскую бабу-солдатку — портомоею, какъ называлъ ее самъ царь, — которая сопровождала «старика» своего во всѣхъ походахъ, собственноручно «обмывала», «обшивала» его, а когда «припадалъ ему рѣзъ», грѣла припарки, терла животъ Блюментростовой мазью и давала «проносное».

Никто, кромѣ Катеньки, не умѣлъ укрощать тѣхъ припадковъ безумнаго царскаго гнѣва, которыхъ такъ боялись приближенные.

Обнимая голову его одной рукой, она другою гладила ему волосы, приговаривая все одни и тѣ же слова: «Петенька, батюшка, свѣтъ мой, дружокъ сердешненькой!..» Она была какъ мать, которая баюкаетъ больного ребенка, и какъ ласкающая звѣря укротительница львовъ. Подъ этою ровною тихою ласкою, царь успокаивался, точно засыпалъ. Судорога въ тѣлѣ слабѣла. Только мертвая маска лица, теперь уже совсѣмъ окаменѣлая, съ закрытыми глазами, все еще порою дергалась, какъ будто корчила шутовскія рожи.

За Катенькой вошла въ комнату обезьянка, привезенная въ подарокъ Лизанькѣ, младшей царевнѣ, однимъ голландскимъ шкиперомъ. Шалунья-мартышка, слѣдуя какъ пажъ за царицей, ловила подолъ ея платья, точно хотѣла приподнять его съ дерзкимъ безстыдствомъ. Но, увидѣвъ Лизетту, испугалась, вскочила на столъ, со стола — на сферу, изображавшую ходъ небесныхъ свѣтилъ по системѣ Коперника, — тонкія мѣдныя дуги погнулись подъ маленькимъ звѣрькомъ, шаръ вселенной тихо зазвенѣлъ, — потомъ еще выше, на самый верхъ стоячихъ англійскихъ часовъ въ стеклянномъ ящикѣ краснаго дерева. Послѣдній лучъ солнца падалъ на нихъ, и, качаясь, маятникъ блестѣлъ, какъ молнія. Мартышка давно ужъ не видѣла солнца. Точно стараясь

что-то припомнить, глядѣла она съ грустнымъ удивленіемъ на чуждое блѣдное зимнее солнце и щурилась, и корчила смѣшныя рожицы, какъ будто передразнивая судорогу въ лицѣ Петра. И страшно было сходство шутовскихъ кривляній въ этихъ двухъ лицахъ — маленькой звѣрушки и великаго царя.

Алексѣй возвращался домой.

Съ нимъ было то, что бываетъ съ людьми, у которыхъ отрѣзали ногу или руку: очнувшись, стараются они ощупать мѣсто, гдѣ былъ членъ, и видятъ, что его уже нѣтъ. Такъ царевичъ чувствовалъ въ душѣ своей мѣсто, гдѣ была любовь къ отцу, и видѣлъ, что ея уже нѣтъ. «Яко удъ гангранный, отсѣку», вспоминалось ему слово батюшки. Какъ будто вмѣстѣ съ любовью изъ него вынули все. Пусто—ни надежды, ни страха, ни скорби, ни радости—пусто, легко и страшно.

И онъ удивлялся, какъ быстро, какъ просто исполнилось его желаніе: умеръ отецъ.

ПЯТАЯ КНИГА.

Мерзость заустѣнія.

I.

— Какъ ѣздилъ царь въ Воронежъ корабли строить въ 1701 году,—волею Божіей пожаръ на Москвѣ учинился великій. Весь государевъ домъ на Кремлѣ погорѣлъ, деревянные хоромы, и въ каменныхъ нутры, и святыя церкви, и кресты, и кровли, и внутри иконостасы, и образа горѣли. И на Иванѣ Великомъ колоколъ большой въ 8.000 пудъ подгорѣлъ и упалъ, и раскололся, также Успенскій разбился, и другіе колокола попадали. И такъ было, что земля горѣла...

Это говорилъ царевичу Алексѣю московскаго Благовѣщенскаго собора ключарь, о. Иванъ, семидесятилѣтній старикъ.

Петръ уѣхалъ въ чужіе края тотчасъ послѣ болѣзни, 27 января 1716 года. Царевичъ остался одинъ въ Петербургѣ. Не получая отъ отца извѣстій, послѣднее рѣшеніе—либо исправить себя къ наслѣдству, либо постричься—онъ «отложилъ вдаль» и попрежнему жилъ изо дня въ день, до воли Божьей. Зиму провелъ въ Петербургѣ, весну и лѣто въ Рождественѣ. Осенью поѣхалъ въ Москву повидаться съ родными.

10 сентября, вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, навѣстилъ своего стараго друга, мужа кормилицы, ключаря Благовѣщенскаго, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ осматривать опустошенный пожаромъ старый Кремлевскій дворецъ.

Долго ходили они изъ палаты въ палату, изъ терема въ теремъ, по безконечнымъ развалинамъ. Что пощадило пламя, то разрушалось временемъ. Многія палаты стояли безъ дверей, безъ оконъ, безъ половъ, такъ что нельзя было войти въ нихъ. Трещины зіяли въ стѣнахъ. Своды и крыши обвалились. Алексѣй не находилъ или не узнавалъ покоевъ, въ которыхъ провелъ дѣтство.

Безъ словъ угадывалъ онъ мысль о. Ивана о томъ, что пожаръ, случившійся въ тотъ самый годъ, какъ царь началъ старину ломать, былъ знаменьемъ гнѣва Господня.

Они вошли въ маленькую ветхую домовую церковь, гдѣ еще царь Грозный молился о сынѣ, котораго убилъ.

Сквозь трещину свода глядѣло небо, такое глубокое, синее, какое бываетъ только въ развалинахъ. Паутина между краями трещины отливала радугой, и, готовый упасть, едва висѣлъ на порванныхъ цѣпяхъ сломанный бурей крестъ. Оконницы слюдяныя вѣтромъ всѣ выбило. Въ дыры налетали галки, вили гнѣзда подъ сводами и пакостили иконостасъ. Бѣлыя струи помета бороздили темные лики святыхъ. Одна половина царскихъ вратъ была сорвана. Въ алтарѣ передъ престоломъ стояла грязная лужа.

О. Иванъ рассказалъ царевичу, какъ священникъ этой церкви, почти столѣтній старикъ, долго жаловался во всѣ приказы, коллегіи и даже самому государю, моля о починкѣ храма, ибо «за ветхостью сводовъ, такъ умножилась теча, что опасно: святѣйшей Евхарстїи не учинилось бы поврежденїя». Но никто его не слушалъ. Онъ умеръ съ горя, и церковь разрушилась.

Потревоженные галки взвились со зловѣщими криками. Сквозной вѣтеръ ворвался въ окно, застоналъ и заплакалъ. Паукъ забѣгалъ въ паутинѣ. Изъ алтаря что-то вышорхнуло, должно-быть, летучая мышь, и закружилось надъ самой головой царевича. Ему стало жутко. Жалко поруганной церкви. Вспомнилось слово пророка о мерзости запустѣнїя на мѣстѣ святомъ.

Пройдя мимо золотой рѣшетки, по переднимъ переходамъ Краснаго крыльца, они спустились въ Грановитую

палату, которая лучше другихъ уцѣлѣла. Но, вмѣсто прежнихъ посольскихъ пріемовъ и царскихъ выходовъ, здѣсь теперь давались новыя комедіи, *dialogi*; праздновались свадьбы шутовъ. А чтобы старое не мѣшало новому, бѣтейское письмо по стѣнамъ забѣлили известью, замазали вохрою съ веселенькимъ узоромъ на новый «нѣмецкій маниръ».

Въ одномъ изъ чулановъ подклѣтной кладовой о. Иванъ показалъ царевичу два львиныя чучела. Онъ тотчасъ узналъ ихъ, потому что видѣлъ часто въ дѣтствѣ. Поставленныя во времена царя Алексѣя Михайловича въ Коломенскомъ дворцѣ подлѣ престола царскаго, они, какъ живые, рыкали, двигали глазами, зіяли устами. Мѣдныя туловища оклеены были подъ львиную стать бараньими кожами. Механика, издававшая «львово рыканье» и приводившая въ движеніе ихъ пасти и очи, помѣщалась рядомъ, въ особомъ чуланѣ, гдѣ устроенъ былъ станъ съ мѣхами и пружинами. Должно-быть, для починки перевезли ихъ въ Кремлевскій дворецъ и здѣсь въ кладовой, среди хлама, забыли. Пружины сломались, мѣха продырявились, шкуры облѣзли, изъ брюха висѣло гнилое мочало—и жалкими казались теперь грозные нѣкогда львы россійскихъ самодержцевъ. Морды ихъ полны были овечьей глупостью.

Въ запусѣлыхъ, но уцѣлѣвшихъ палатахъ помѣщались новыя коллегіи. Такъ, въ набережныхъ, отвѣтной и панихидной—каморъ-коллегія, подъ теремами—сенатскіе департаменты, въ кормовомъ и хлѣбномъ дворцѣ—соляная контора, военная коллегія, мундирная и походная канцелярія, въ конюшенномъ дворцѣ—склады суконъ и амуниціи. Каждая коллегія переѣхала не только со своими архивами, чиновниками, сторожами, просителями, но и съ колодниками, которые проживали по цѣлымъ годамъ въ дворцовыхъ подклѣткахъ. Всѣ эти новые люди кишѣли, копошились въ старомъ дворцѣ, какъ черви въ трупѣ, и была отъ нихъ нечистота великая.

— Всякій пометный и непотребный соръ отъ нужниковъ и отъ постою лошадей, и отъ колодниковъ, — гово-

рилъ царевичу о. Иванъ,—подвергаютъ царскую казну и драгоценныя утвари, кои во дворцѣ отъ древнихъ лѣтъ хранятся,—немалой опасности. Ибо отъ сего является духъ смрадный. И золотой, и серебряной посудѣ, и всей казнѣ царской можно ожидать отъ онаго духу опасной вреды — отчего бѣ не почернѣло. Очистить бы соръ, а колодниковъ свести въ иныя мѣста. Много мы о томъ просили, жаловались, да никто насъ не слушаетъ...—заклучилъ старикъ уныло.

День былъ воскресный, въ коллегіяхъ пусто. Но въ воздухѣ стоялъ тяжелый духъ. Всюду видны были сальные слѣды отъ спинъ просителей, которые терлись о стѣны, чернильные пятна, похабные рисунки и надписи. А изъ тусклой позолоты древней стѣнописи все еще глядѣли строгіе лики пророковъ, праотцевъ и русскихъ святителей.

Въ самомъ Кремлѣ, вблизи дворцовъ и соборовъ, у Тайницкихъ воротъ, былъ питейный домъ приказныхъ и подъячихъ, называвшійся *Катокъ*, по крутизнѣ сходовъ съ Кремлевской горы. Онъ выросъ, какъ поганый грибъ, и процвѣталъ много лѣтъ втихомолку, несмотря на указы: «изъ Кремля вывести оный кабакъ немедленно вонъ, а для сохраненія питейнаго сбора толикой же суммы, вмѣсто того одного кабака, хотя, по усмотрѣнію, прибавить нѣсколько кабаковъ, въ мѣстѣ удобномъ, гдѣ приличествуетъ».

Въ одной изъ канцелярскихъ палатъ была такая духота и вонь, что царевичъ поскорѣе открылъ окно. Снизу изъ Катка, набитаго народомъ, донесся дикій, точно звѣриный, ревъ, плясовой топотъ, тренканье балалайки и пьяная пѣсня:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ,
А купали во зеленымъ винѣ.

—знакомая пѣсня, которую пѣвала князь-игуменья Ржевская на батюшкиныхъ пиршествахъ.

И царевичу казалось, что изъ Катка, какъ изъ темной зіяющей пасти, съ этою пѣснью и матернымъ ругательствомъ, и запахомъ сивухи, подымается къ царскимъ черто-

гамъ и наполняетъ ихъ удушающій смрадъ, отъ котораго тошнило, въ глазахъ темнѣло, и сердце сжималось тоскою смертною.

Онъ поднялъ глаза къ своду палаты. Тамъ изображены были «бѣги небесные», лунный и солнечный кругъ, ангелы, служащіе звѣздамъ, и всякія иныя «утвари Божьи»; и Христосъ Еммануиль, сидящій на небесныхъ радугахъ съ колесами многоочитыми; въ лѣвой рукѣ Его золотой потиръ, въ правой—палица; на главѣ седмиклинный вѣнецъ; по золотому и празеленному полю надпись: *Предвѣчное слово Отчее, иже во образъ Божіемъ сый и составляй тварь отъ небытія въ бытіе, даруй миръ церквамъ Твоимъ, побѣды вѣрному царю.*

А снизу пѣсня заливалась:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ.

Царевичъ прочелъ надпись въ солнечномъ кругу:
Солнце позна западъ свой, и бысть ночь.

И слова эти отозвались въ душѣ его пророчествомъ: древнее солнце московскаго царства познало западъ свой въ темномъ чухонскомъ болотѣ, въ гнилой осенней слякоти— *и бысть ночь*—не черная, а бѣлая страшная петербургская ночь. Древнее солнце померкло. Древнее золото, вѣнецъ и бармы Мономаха почернѣли отъ новаго смраднаго духа. И стала мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ.

Какъ будто спасаясь отъ невидимой погони, онъ бѣжалъ изъ дворца безъ оглядки, по ходамъ, переходамъ и лѣстницамъ, такъ что о. Иванъ на своихъ старыхъ ногахъ едва поспѣвалъ за нимъ. Только на площади, подъ открытымъ небомъ, царевичъ остановился и вздохнулъ свободнѣе. Здѣсь осенній воздухъ былъ чистъ и холодень. И чистыми, и новыми казались древніе бѣлые камни соборовъ.

Въ углу, у самой стѣны Благовѣщенія, при церкви придѣла св. великомученика Георгія, подъ кельями, гдѣ жилъ о. Иванъ, была низенькая лавочка, въ родѣ за-

валинки; на ней онъ часто сиживаль, грѣя старыя кости на солнцѣ.

Царевичъ опустился въ изнеможеніи на эту лавочку. Старикъ пошелъ домой, чтобъ позаботиться о ночлегѣ. Царевичъ остался одинъ.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ, какъ будто прошелъ тысячи верстъ. Хотѣлось плакать, но не было слезъ; сердце горѣло, и слезы сохли на немъ, какъ вода на раскаленномъ камнѣ.

Тихій свѣтъ вечерній теплился, какъ свѣтъ лампы, на бѣлыхъ стѣнахъ. Золотыя соборныя главы рдѣли какъ жаръ. Небо лиловѣло, темнѣло; цвѣтъ его подобень былъ цвѣту увядающей фіалки. И бѣлыя башни казались исполненными цвѣтами съ огненными вѣнчиками.

Раздался бой часовъ, сначала на Спасскихъ, Тайницкихъ, Ризположенскихъ воротахъ, потомъ на разныхъ другихъ, близкихъ и далекихъ башняхъ. Въ чуткомъ воздухѣ дрожали медленныя волны протяжнаго гула и звона, какъ будто часы перекликались, переговаривались о тайнахъ прошлаго и будущаго. Старинные били «перечаснымъ боемъ» множества малыхъ колоколовъ, подзванивавшихъ «въ подголосъ» большому боевому колоколу, съ охрипшею, но все еще торжественною, церковною музыкой, а новые голландскіе отвѣчали имъ болтливыми курантами и модными танцами, «противъ манира, каковы въ Амстердамѣ». И всѣ эти древніе и новые звуки напоминали царевичу дальнее-дальнее дѣтство.

Онъ смежилъ глаза, и душа его погрузилась въ полузабытье, въ ту темную область, между сномъ и явью, гдѣ обитаютъ тѣни прошлаго. Какъ пестрыя тѣни проходятъ по бѣлой стѣнѣ, когда солнечный лучъ проникаетъ сквозь щель въ темную комнату, проходили передъ нимъ воспоминанья—видѣнья. И надо всѣми царилъ одинъ ужасающій образъ—отецъ. И какъ путникъ, озираясь ночью съ высоты, при блескѣ молніи, вдругъ видитъ весь пройденный путь, такъ онъ, при страшномъ блескѣ этого образа, видѣлъ всю свою жизнь.

II.

Ему шесть лѣтъ. Въ старинной царской колымагѣ «на рыдванную статью», раззолоченной но неуклюжей и тряской, какъ простая телѣга, внутри обитой гвоздишнымъ бархатомъ, со слюдяными затворами и тафтяными завѣсами, онъ сидитъ на рукахъ бабушки, среди пуховыхъ подушекъ и пухлыхъ, какъ подушки, постельницъ и мамъ. Тутъ же мать его, царица Авдотья. Въ подубрусникѣ съ жемчужными рясами—у нея круглое, бѣлое, всегда удивленное лицо, совсѣмъ какъ у маленькой дѣвочки.

Онъ глядитъ сквозь занавѣску въ открытое оконце колымаги на триумфальное шествіе войскъ, по случаю Азовскаго похода. Ему нравится однообразная стройность полковъ, блестящія на солнцѣ мѣдныя пушки и грубо намалеванныя на щитахъ аллегоріи: два скованные турка съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

И въ морѣ синемъ какъ синька красный голый человѣкъ, «слывущій богъ морской Нептунусъ»—на чешуйчатомъ зеленомъ звѣрѣ Китоврасѣ, съ острогой въ рукахъ: *Се, и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь.* Великолѣпнымъ кажется ему въ нарядѣ римскаго воина ученый нѣмецъ Виніусъ, гласящій російскія вирши съ высоты триумфальныхъ воротъ въ полуторасаженную трубу.

Въ строю, рядомъ съ простыми солдатами, идетъ Преображенской роты бомбардиръ, въ темно-зеленомъ кафтанѣ съ красными отворотами и въ трехугольной шляпѣ. Онъ ростомъ выше всѣхъ, такъ что виденъ издали. Алеша знаетъ, что это отецъ. Но лицо у него такое юное, почти дѣтское, что онъ кажется Алешѣ не отцомъ, а старшимъ братомъ, милымъ товарищемъ, такимъ же маленькимъ мальчикомъ, какъ онъ. Душно въ старой колымагѣ, среди пуховыхъ подушекъ и пухлыхъ, какъ подушки, нянюшекъ-мамушекъ.

Хочется на волю и солнце, къ этому веселому кудрявому быстроглазому мальчику.

Отець увидѣлъ сына. Они улыбнулись другъ другу, и сердце Алеши забилося отъ радости. Царь подходитъ къ дверямъ колымаги, открываетъ ихъ, почти насильно беретъ сына изъ рукъ бабушки—мамы такъ и взяхались,—нѣжно, нѣжнѣ матери, обнимаетъ, цѣлуетъ его; потомъ, высоко поднявъ на рукахъ, показываетъ войску, народу и, посадивъ къ себѣ на плечо, несетъ надъ полками. Сначала вблизи, потомъ все дальше и дальше, надъ моремъ головъ, раздается подобный веселому грому, тысячеголосый крикъ:

— Вивать! Вивать! Вивать! Здравствуй царь съ царе вичемъ!

Алеша чувствуетъ, что всѣ на него смотрятъ и любятъ его. Ему страшно и весело. Онъ крѣпко держится за шею отца, прижимается къ нему довѣрчиво, и тотъ несетъ его бережно, бережно, небось, не уронить. И кажется ему, что всѣ движенія отца—его собственныя движенія, вся сила отца—его собственная сила, что онъ и отецъ—одно. Ему хочется смѣяться и плакать—такъ радостны крики народа и грохотъ пушекъ, и звонъ колоколовъ, и золотыя главы соборовъ, и голубое небо, и вольный вѣтеръ, и солнце. Голова кружится, захватываетъ духъ, и онъ летитъ, летитъ прямо въ небо, къ солнцу.

А изъ окна колымаги высовывается голова бабушки. Смѣшно и мило Алешѣ ея старенькое добренькое сморщенное личико. Она машетъ рукою и кричитъ, и молить, чуть не плачетъ:

— Петенька, Петенька, батюшка! Не замай Олешеньку!

И опять его укладываютъ нянюшки и мамушки въ пуховую постельку, подъ мягкое одѣяльце изъ кизылбашской золотной камки на собольихъ пупкахъ, и баюкаютъ, и нѣжатъ, чешутъ пяточки, чтобы слаще спалось, и укутываютъ, и укручиваютъ, чтобы вѣтромъ на него не вѣнуло, берегутъ, какъ зѣницу ока, царское дитяtko. Прячутъ, какъ красную дѣвушку за вѣковыми запанами и завѣсами. Когда идетъ онъ въ церковь, то со всѣхъ сторонъ несутъ полы сукон-

пня, чтобъ никто не могъ видѣть царевича, пока его не «объявятъ», по старому обычаю, а какъ объявятъ, то изъ дальнихъ мѣстъ люди будутъ ѣздить нарочно смотрѣть на него, какъ на «дивовище».

Въ низенькихъ теремныхъ покойцахъ душно. Двери, ставни, окна, втулки тщательно обиты войлокомъ, чтобы ниоткуда не дунуло. На полу—также войлоки, «для тепла и мягкаго хожденія». Муравленныя печки жарко натоплены. Пахнетъ гуляфною водкою и роснымъ ладаномъ, который подкладываютъ въ печныя топли «для духу». Свѣтъ дневной, проникая сквозь слюду косячатыхъ оконницъ, становится янтарно-желтымъ. Всюду теплятся лампы. Алешѣ томно но покойно и уютно. Онъ какъ будто вѣчно дремлетъ и не можетъ проснуться. Дремлетъ, слушая однообразныя бесѣды о томъ, какъ «домъ свой по Богу строить—все было бы упрятано, и причищено, и приметено, убережено отъ всякой пакости—не заплесневѣло бы, не загноилось — и всегда замкнуто, и не раскрадено, и не распрокужено, доброму была бы честь, а худому гроза»; и какъ «обрѣзки бережно беречи»; какъ рыбу пруттовую въ рогожку вертѣть; рыжечки, грузди моченыя въ кадушкахъ держать—и теплою вѣрою въ нераздѣлимую Троицу вѣровать. Дремлетъ подъ унылыя звуки домры слѣпыхъ игрецовъ-домрачеевъ, которые воспѣваютъ древнія былины, и подъ сказки столѣтнихъ старцевъ-бахарей, которые забавляли еще дѣда его, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Дремлетъ и грезить наяву, подъ рассказы верховыхъ богомольцевъ, нищихъ-странничковъ о горѣ Аѳонѣ, острой-преострой, какъ еловая шишка—на самомъ верху ея, выше облаковъ, стоитъ Матерь-Пресвятая Богородица и покровомъ ризы своей гору осѣняетъ; о Симеонѣ Столпникѣ, который, самъ тѣло свое гноя, весь червями кипѣлъ; о мѣстѣ рая земного, которое видѣлъ издали съ корабля своего Моиславъ-новгородецъ; и о всякихъ иныхъ чудесахъ Божіихъ и наважденіяхъ бѣсовскихъ. Когда же Алешенькѣ станетъ скучно, то, по приказу бабушки, всякіе дураки и дурки-шутихи, юродивыя, дѣвочки-сиротинки, калмычки, арапки пляшутъ передъ нимъ, дерутся,

валяются по полу, таскаютъ другъ друга за волосы и царапаются до крови. Или старушка сажаетъ его къ себѣ на колѣни и начинаетъ перебирать у него пальчики, одинъ за другимъ, отъ большого къ мизинцу, приговаривая: «Сорока-ворона кашу варила, на порогъ скакала, гостей созывала; этому дала, этому дала, а этому не досталось—шишъ на головку!» И бабушка щекочетъ его, а онъ смѣется, отмахивается. Она обкармливаетъ его жирными короваями и блинцами, и луковниками, и левашниками, и оладейками въ орѣховомъ маслицѣ, кисленькими, и дробленую въ маковомъ молокѣ, и бѣлью можайскою, и грушею, и дулею въ патокѣ.

— Кушай, Олешенька, кушай на здоровье, свѣтикъ мой!

А когда у Алеши заболитъ животикъ, является баба-знахарка, которая пользуется малыхъ дѣтей шопотами, лѣчить травами отъ нутряныхъ и кликотныхъ болѣзней, горшки на брюха наметываетъ, наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжій ноготь, и отъ того людямъ бываетъ легкость. Едва чихнетъ или кашлянетъ—поятъ малиною, натираютъ виннымъ духомъ съ камфарою или проскурнякомъ въ корытѣ парять.

Только въ самые жаркіе дни водятъ гулять въ Красный Верхній садъ, на взрубѣ береговой Кремлевской горы. Это подобіе висячихъ садовъ—продолженіе терема. Тутъ все искусственно: тепличныя цвѣты въ ящикахъ, крошечныя пруды въ ларяхъ, ученныя птицы въ клѣткахъ. Онъ смотритъ на разстилающуюся у ногъ его Москву, на улицы, въ которыхъ никогда не бывалъ, на крыши, башни, колокольни, на далекое Замоскворѣчье, на синѣющія Воробьевы горы, на легкія золотистыя облака. И ему скучно. Хочется прочь изъ терема и этого игрушечнаго сада въ настоящій лѣсъ, на поле, на рѣку, въ неизвѣстную даль; хочется убѣжать, улетѣть—онъ завидуетъ ласточкамъ. Душно, парить. Тепличныя цвѣты и лѣкарственныя травы—маерамъ, темьянъ, чаберъ, пижма, иссопъ—пахнутъпряно и приторно. Ползетъ синяя-синяя туча. Побѣжали вдругъ тѣни, пахнуло свѣжестью, и брызнулъ дождь. Онъ подставляетъ подъ него

лицо и руки, жадно ловить холодныя капли. А нянюшки и мамушки уже ищутъ, кличутъ его:

— Олешенька! Олешенька! Пойдемъ домой, дитятко! Ножки промочешь.

Но Алеша не слушаетъ, прячется въ кусты сереборинника. Запахло мятой, укропомъ, сырымъ черноземомъ, и влажная зелень стала темно-яркою, махровые піоны загорѣлись алымъ пламенемъ. Послѣдній лучъ прорѣзалъ тучу, и солнце смѣшалось съ дождемъ въ одну золотую дрожащую сѣтку. У него уже промокли ноги и платье. Но, любуясь, какъ въ лужахъ крупныя капли дробятся алмазною пылью, онъ скачетъ, пляшетъ, бьетъ въ ладоши и напѣваетъ веселую пѣсенку подъ шумъ дождя, повторяемый гулкимъ сводомъ водовзводной башни.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Мы поѣдемъ на Иордань,
Богу помолиться,
Христу поклониться.

Вдругъ, надъ самой головой его, словно расколосась туча, сверкнула ослѣпляющая молнія, грянулъ громъ, и вкрутился вихрь. Онъ замеръ весь отъ ужаса и радости, какъ тогда, на плечѣ у батюшки, въ триумфованьи Азовской викторіи. Вспомнился ему веселый кудрявый быстроглазый мальчикъ, и онъ почувствовалъ, что любить его такъ же, какъ эту страшную молнію. Голова закружилась, духъ захватило. Она упалъ на колѣни и протянулъ руки къ черному небу, боясь и желая, чтобъ опять сверкнула молнія еще грознѣе, еще ослѣпительнѣе.

Но трепетныя старческія руки уже подхватываютъ его, несутъ, раздѣваютъ, укладываютъ въ постельку, натираютъ виннымъ духомъ съ камфарою, даютъ внутрь водки-апоплектики и поятъ липовымъ цвѣтомъ до седьмого пота и укутываютъ и укручиваютъ. И опять онъ дремлетъ. И снится ему Аспидъ-звѣрь, живущій въ каменныхъ горахъ, лицо имѣющій дѣвичье, хоботъ змѣиный, ноги василиска, коими желѣзо разсѣкаетъ; ловятъ его трубнымъ гласомъ, не стерпя котораго, онъ прокалываетъ себѣ уши и умираетъ, обливая

камни синею кровью. Снится ему также Сиринь-птица райская, что поеть пѣсни царскія, на Востокѣ, въ Эдемскихъ садахъ пребываетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ, которую Господь имъ обѣщаетъ; всякъ человѣкъ, во плоти живя, не можетъ слышать гласа ея, а ежели услышитъ, то весь плѣняется мыслью и, шествуя вслѣдъ и слушая пѣніе, умираетъ. И кажется Алешѣ, что идетъ онъ за поющимъ Сириномъ и, слушая сладкую пѣсню, умираетъ, засыпаетъ вѣчнымъ сномъ.

Вдругъ точно буря влетѣла въ комнату; распахнула двери, завѣсы, пологи, сорвала съ Алеши одѣяло и обдала его холодомъ. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ лицо батюшки. Но не испугался, даже не удивился, какъ будто зналъ и ждалъ, что онъ придетъ. Съ еще звенѣвшею въ ушахъ, райскою пѣснею Сирина, съ нѣжною сонною улыбкой, протянулъ онъ руки, вскрикнулъ: «Батя! Батя! Родненькій!»—вскочилъ и бросился къ отцу на шею. Тотъ обнялъ его крѣпко, до боли, и прижалъ къ себѣ, цѣлуя лицо и шейку, и голыя ножки, и все его теплое, подъ ночью рубашечкой, сонное тѣльце. Отецъ привезъ ему изъ-за моря хитрую игрушку: въ ящикѣ деревянномъ подъ стекломъ три нѣмки вощанья да ребенокъ, а за ними зеркальце; внизу костяная ручка: ежели вертѣтъ ее, то и нѣмки съ ребенкомъ вертятся, пляшутъ подъ музыку. Игрушка нравится Алешѣ. Но онъ едва взглянулъ на нее и уже опять глядитъ, не наглядится на батюшку. Лицо у него похудѣло, осунулось; онъ возмужалъ, какъ будто еще выросъ. Но Алешѣ кажется, что, хотя онъ и большой-большой, а все-таки маленькій, все такой же, какъ прежде, веселый кудрявый быстроглазый мальчикъ. Отъ него пахнетъ виномъ и свѣжимъ воздухомъ.

— А у бати усики выросли. Да какіе махонькіе! Чуть видать...

И съ любопытствомъ проводитъ онъ пальчикомъ надъ верхнею губой отца по мягкому темному пуху.

— А на бородѣ ямочка. Точь въ точь, какъ у бабушки! Онъ цѣлуетъ его въ ямочку.

— А отчего у бати на рукахъ мозоли?

— Отъ топора, Алешенька: корабли за моремъ строилъ. Погоди, ужо вырастешь, и тебя возьму съ собою. Хочешь за море?

— Хочу. Куда батя, туда и я. Хочу всегда съ батей...

— А бабушки не жаль?

Алеша вдругъ замѣтилъ въ полуотворенныхъ дверяхъ перепуганное лицо старушки и блѣдное-блѣдное, точно мертвое, лицо матери. Обѣ смотрятъ на него издали, не смѣя подойти, и крестятъ его, и сами крестятся.

— Жаль бабушки!..—проговорилъ Алеша и удивился, почему отецъ не спрашиваетъ его также о матери.

— А кого любишь больше: меня или бабушку?

Алеша молчитъ, ему трудно рѣшить. Но вдругъ еще крѣпче прижимается къ отцу и, весь дрожа, замирая отъ стыдливой нѣжности, шепчетъ ему на ухо:

— Люблю батю, больше всѣхъ люблю!..

. . . И сразу все исчезло—и теремные покойчики, пуховая постелька, и мать, и бабушка, и нянюшки. Онъ точно провалился въ какую-то черную яму, выпалъ, какъ птенецъ изъ гнѣзда, прямо на мерзлую жесткую землю.

Большая холодная комната съ голыми сѣрыми стѣнами, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Онъ теперь уже не спитъ, а только всегда хочетъ спать и не можетъ выспаться—будятъ слишкомъ рано. Сквозь туманъ, который ѣстъ глаза, видны длинныя казармы, желтые цейхгаузы, полосатыя будки, земляные валы съ пирамидами ядеръ, съ жерлами пушекъ, и Сокольничье поле, покрытое талымъ сѣрымъ снѣгомъ, подъ сѣрымъ небомъ, съ мокрыми воронами и галками. Слышна барабанная дробь, окрики военныхъ экзерцицій: «Во фронтъ!», «Мушкетъ на плечо!», «Мушкетъ на караулъ!», «Направо кругомъ!», и сухой трескъ ружейной пальбы, и опять барабанная дробь.

Съ нимъ—тетка, царевна Наталья Алексѣевна, старая дѣва съ желтымъ лицомъ, костлявыми пальцами, которые пребольно щиплютъ, и злыми колючими глазами, которые смотрятъ на него такъ, какъ будто хотятъ съѣсть: «У, паршивый, Авдотькинъ щенокъ!..»

Лишь долгое время спустя узналъ онъ, что случилось. Царь, вернувшись изъ Голландіи, сослалъ жену, царицу Авдотью въ Суздальскій монастырь, гдѣ насильно постригли ее подъ именемъ Елены, а сына взялъ изъ кремлевскихъ теремовъ въ село Преображенское, въ новый Потѣшный дворецъ. Рядомъ съ дворцомъ—застѣнки Тайной Канцеляріи, гдѣ производится розыскъ о стрѣлецкомъ бунтѣ. Тамъ каждый день пылаетъ болѣе тридцати костровъ, на которыхъ пытаются мятежниковъ.

Наяву или во снѣ было то, что ему вспоминалось потомъ, онъ и самъ не зналъ. Крадется, будто бы, ночью вдоль острыхъ бревенъ забора, которымъ окруженъ тюремный дворъ. Оттуда слышатся стоны. Свѣтъ блеснулъ въ щель между бревнами. Онъ приложилъ къ ней глазъ и увидѣлъ подобіе ада.

Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

Людей жарятъ на огнѣ; поднимаютъ на дыбу и растягиваютъ такъ, что суставы трещатъ; раскаленными докрасна желѣзными клещами ломаютъ ребра, «подчищаютъ ногти», колютъ подъ нихъ разожженными иглами. Среди палачей—царь. Лицо его такъ страшно, что Алеша не узнаетъ отца: это онъ и не онъ—какъ будто двойникъ его, оборотень. Онъ собственноручно пытается одного изъ главныхъ мятежниковъ. Тотъ терпитъ все и молчитъ. Уже тѣло его, какъ окровавленная туша, съ которой мясники содрали кожу. Но онъ все молчитъ, только смотритъ прямо въ глаза царю, какъ будто смѣется надъ нимъ.

Умирающій вдругъ поднялъ голову и плюнулъ въ глаза царю:

— Вотъ тебѣ, собачій сынъ, антихристъ!..

Царь выхватилъ кортикъ изъ ноженъ и вонзилъ ему въ горло. Кровь брызнула царю въ лицо.

Алеша упалъ безъ чувствъ. Утромъ нашли его солдаты подъ заборомъ, на краю канавы. Онъ долго пролежалъ больнымъ, безъ памяти.

Едва оправившись, присутствовалъ, по волѣ батюшки, на торжественномъ посвященіи дворца Лефорта богу Бахусу. Алеша—въ новомъ нѣмецкомъ кафтанѣ съ жесткими фалдами на проволокахъ, въ огромномъ парикѣ, который давить голову. Тетка—въ пышномъ робронѣ. Они въ особой комнатѣ, смежной съ тою, гдѣ пируютъ гости. Тафтяныя завѣсы, послѣдній остатокъ теремнаго затвора, скрываютъ ихъ отъ гостей. Но Алешѣ видно все: члены всепьянѣйшаго собора, несущіе, вмѣсто священныхъ сосудовъ, кружки съ виномъ, фляги съ медомъ и пивомъ; вмѣсто Евангелія—открывающійся въ видѣ книги погребецъ со склянками различныхъ водокъ; курящійся въ жаровняхъ табакъ—вмѣсто ладана. Верховный жрецъ, князь-папа, въ шутовскомъ подобьи патріаршей ризы, съ нашитыми игральными костями и картами, въ жестяной митрѣ, увѣнчанной голымъ Вакхомъ, и съ посохомъ, украшеннымъ голою Венерою, благословляетъ гостей двумя чубуками, сложенными крестнакрестъ. Начинается попойка. Шуты ругаютъ старыхъ бояръ, бьютъ ихъ, плюютъ имъ въ лицо, обливаютъ виномъ, таскаютъ за волосы, рѣжутъ насильно бороды, выщипываютъ ихъ съ кровью и мясомъ. Пиршество становится застѣнкомъ. Алешѣ кажется, что онъ все это видитъ въ бреду. И опять не узнаетъ отца: это двойникъ его, оборотень.

«Свѣтлопорфирный великій государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, сотворивъ о Безначальномъ альфы начало, и въ немного жъ времени совершивъ литеръ и слоговъ ученія, по обычаю азъ-буки, учить Часословъ», доносилъ царю «послѣднѣйшій рабъ» Никишка Вяземскій, царевичевъ дядька. Онъ училъ Алешу по Домострою, «какъ всякой святыни касаться: чудотворные образа и многоцѣлебныя мощи цѣловать съ опасеніемъ и губами не плескать, и духъ въ себѣ удерживать, ибо мерзко Господу нашъ смрадь и обоняніе; просвиру святую вкушать бережно, крохи наземь не уронить, зубами не откусывать, какъ прочіе хлѣбы, но, уламываяючи кусочками, класть въ ротъ и ѣсть съ вѣрою и со страхомъ». Слушая эти наставленія, Алеша вспоминалъ, какъ

во дворцѣ Лефорта передъ безстыжею нѣмкою Монсихой пьяный Никишка, вмѣстѣ съ княземъ-папою и прочими шу-тами, отплясываль въ присядку подъ свистъ «веснѣ» и ка-бацкую пѣсенку:

На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ!
Потерялъ я дуду, ихъ! вохъ!

Ученый нѣмецъ, баронъ Гюйссенъ представилъ царю *Methodus instructionis*—«Наказъ, по коему тотъ, ему же уче-ніе его высочества государя царевича повѣрено будетъ, поступать имѣеть».

«Въ чувствѣ и сердцѣ любовь къ добродѣтелямъ всегда насаждать и утверждать, такожь о томъ трудиться, дабы ему отвращеніе и мерзость ко всему, еже предъ Богомъ злодѣяніе именуется, внушено, и изъ того происходящія тяж-кія послѣдствія основательно представлены и прикладами изъ Божественнаго Писанія и свѣтскихъ гисторій освидѣ-тельствованы были. Французскому языку учить, который ни чрезъ что иное лучше, какъ чрезъ повседневное обходитель-ство, изученъ быть можетъ. Расцвѣченныя маппы географич-ескія показывать. Къ употребленію цыркуля помалу приу-чать, изрядство и пользу геометріи представлять. Начало къ военнымъ экзерциціямъ, штурмованью, танцванью и кон-ской ѣздѣ учинить. Къ доброму русскому штилю, то-есть слогу, приводить. Во всѣ почтовые дни французскіе куранты съ Меркуріемъ гисторическимъ прилежно читать, и купно о томъ политическія и нравоучительныя напominанія пред-ставлять. *Телемака* къ наставленію его высочества, яко зер-цало и правило предбудущаго его правительства, во всю жизнь употреблять. А дабы непрестаннымъ ученіемъ и тру-дами чувствъ не наскучить, къ забавѣ игру труктафель въ умѣренное употребленіе привести. Всѣ труды сіи возможно въ два года удобно отправить и потомъ его высочество въ наукахъ къ совершенству приводить, безъ потерянія вре-мени, дабы онъ къ основательному извѣстію приступить могъ: о всѣхъ дѣлахъ политическихъ въ свѣтѣ; о истинной пользѣ сего государства; о всѣхъ потребныхъ искусствахъ, якоже

фортификаціи, артиллеріи, архитектурѣ гражданской, навигаціи и прочее, прочее—къ наивысшей его величества радости и къ собственной его высочества безсмертной славѣ».

Для исполненія Наказа выбрали перваго попавшагося нѣмца, Мартына Мартыновича Нейбауера. Онъ училъ Алешу правиламъ «европскихъ кумплиментовъ и учтивствъ», по книжкѣ *Юности честное зеркало*.

«Наипаче всего должны дѣти отца въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано, всегда шляпу въ рукахъ держать и не съ ними въ рядъ, но немного уступя, позади оныхъ, къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Также встрѣтившаго, на три шага не дошедъ и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, поздравлять. Ибо лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ: онъ есть спесивый болванъ. На столъ, на скамью, или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется. Младые отроки не должны носомъ храпѣть и глазами моргать. И сія есть не малая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубитъ или громко чихаетъ, и тѣмъ другихъ людей или въ церкви дѣтей малыхъ устрашаетъ. Обрѣжь ногти, да не явятся, якобы оныя бархатомъ обшиты. Сиди за столомъ благочинно, прямо, зубовъ ножомъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь. Надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Младые отроки должны всегда между собою иностранными языками говорить, дабы тѣмъ навыкнуть могли, и можно бы ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать».

Такъ пѣлъ въ одно ухо царевичу нѣмецъ, а въ другое—русскій: «Не плюй, Олешенька, направо—тамъ ангель хранитель; плюй налево—тамъ бѣсъ. Не обувай, дитятко, лѣвую ножку напередъ правой—грѣшно. Собирай въ бумажку и храни ногти свои стриженные, было бы чѣмъ на гору Сіонскую, въ царство небесное лѣзть». Нѣмецъ смѣялся надъ русскимъ, русскій—надъ нѣмцемъ, и Алеша не зналъ,

кому вѣрить. «Горделивый студентъ, мѣщанскій сынъ изъ Гданска» ненавидѣлъ Россію. «Что это за языкъ?—говаривалъ онъ.—Риторики и грамматики на этомъ языкѣ быть не можетъ. Сами рускіе попы не въ силахъ объяснить, что они въ церкви читаютъ. Отъ русскаго языка одно непросвѣщеніе и невѣжество!» Онъ всегда былъ пьянъ и, пьяный, еще пуще ругался:

— Вы-де ничего не знаете, у васъ всѣ варвары! Собаки, собаки! Гундсфоты!..

Рускіе дразнили нѣмца «Мартынушкой—мартышкою» и доносили царю, что «вмѣсто обученія государя царевича, онъ, Мартынъ, подаетъ ему злые приклады, сочиняетъ противность къ наукамъ и къ обхожденію съ иностранными». Алешѣ казалось, что оба дядьки—и русскій, и нѣмецъ — одинаковые хамы.

Такъ надоѣстъ ему, бывало, Мартынъ Мартыновичъ за день, что и ночью снится въ видѣ ученой мартышки, которая, по правиламъ европейскихъ кумплиментовъ и учтивствъ, кривляется передъ «Юности честнымъ зеркаломъ». Кругомъ стоятъ, какъ на стѣнахъ Золотой палаты съ иконописными лицами, древніе московскіе цари, патріархи, святители. А мартышка смѣется надъ ними, ругается: «Собаки, собаки! Гундсфоты! Вы всѣ ничего не знаете, у васъ всѣ варвары!» И чудится Алешѣ сходство этой обезьяньей морды съ искаженнымъ судорогой лицомъ—не царя, не батюшки, а того, другого, страшнаго двойника его, оборотня. И мохнатая лапа тянется къ Алешѣ и хватаетъ его за руку, и тащитъ.

И опять онъ проваливается, теперь уже на самый край свѣта, на плоское взморье со мшистыми кочками ржавыхъ болотъ, съ блѣднымъ, точно мертвымъ солнцемъ, съ низкимъ, точно подземнымъ небомъ. Здѣсь все туманно, похоже на призракъ. И онъ самъ себѣ кажется призракомъ, какъ будто умеръ давно и сошелъ въ страну тѣней.

Тринадцати лѣтъ записанъ царевичъ въ солдаты бомбардирской роты и взятъ въ походъ подъ Нотебургъ. Изъ Нотебурга—въ Ладогу, изъ Ладоги—въ Ямбургъ, въ Копорье, въ Нарву—всюду таскаютъ его за войскомъ въ обозѣ, чтобы

пріучить къ военнымъ экзерциціямъ. Почти ребенокъ, терпитъ онъ со взрослыми опасности, лишенія, холодъ, голодъ, безконечную усталость. Видитъ кровь и грязь, всѣ ужасы и мерзости войны. Видитъ отца, но мелькомъ, издали. И каждый разъ, какъ увидитъ—сердце замретъ отъ безумной надежды: вотъ подойдетъ, подзоветъ, приласкаетъ. Одно бы слово, одинъ взоръ—и Алеша ожилъ бы, понялъ, чего хотятъ отъ него. Но отцу все некогда: то шпага, то перо, то циркуль, то топоръ въ рукѣ его. Онъ воюетъ со Шведомъ и вбиваетъ первыя сваи, строить первые домики Санктъ-Петербурха.

«Милостивый мой Государь Батюшка, прошу у тебя, Государя, милости, прикажи о своемъ здоровіи писаніемъ посѣтить, мнѣ во обрадованіе, чего всегда слышать усердно желаю.

Сынишко твой Алешка благословенія
твоего прошу и поклоненіе приношу.

Изъ Питербурха. 25 августа 1703».

И въ письмахъ, которыя пишетъ подъ диктовку учителя, не смѣетъ прибавить сердечнаго слова—ласки или жалобы. Одинокій, одичалый, запуганный, растетъ, какъ подъ заборомъ полковыхъ цейхгаузовъ или въ канавѣ сорная трава.

Нарва взята приступомъ. Царь, празднуя побѣду, дѣлаетъ смотръ войскамъ при пушечной пальбѣ и музыкѣ. Царевичъ стоитъ передъ фронтомъ и видитъ издали, какъ подходитъ къ нему юный великанъ съ веселымъ и грознымъ лицомъ. Это онъ, онъ самъ — не двойникъ, не оборотень, а настоящій прежній родной батюшка. Сердце у мальчика бьется, замираетъ опять отъ безумной надежды. Глаза ихъ встрѣтились, и точно молнія ослѣпила Алешу. Подбѣжать бы къ отцу, броситься на шею, обнять и цѣловать, и плакать отъ радости.

Но рѣзко и отчетливо, какъ барабанная дробь, раздаются слова, подобныя словамъ указовъ и артикуловъ:

— Сынь! Для того я взялъ тебя въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни трудовъ, ни опасностей. Понеже

я, какъ смертный человѣкъ, сегодня или завтра могу умереть, то помни, что радости мало получишь, ежели не будешь моему примѣру слѣдовать. Никакихъ трудовъ не щади для блага общаго. Но если разнесетъ мои совѣты вѣтеръ, и не захочешь дѣлать то, что я желаю, то не признаю тебя своимъ сыномъ и буду молить Бога, чтобъ Онъ тебя наказалъ и въ сей, и въ будущей жизни...

Отецъ беретъ Алешу за подбородокъ двумя пальцами и смотритъ ему въ глаза пристально. Тѣнь пробѣгаетъ по лицу Петра. Какъ будто въ первый разъ увидѣлъ онъ сына: этотъ слабенькій мальчикъ, съ узкими плечами, впалую грудью, упрямымъ и угрюмымъ взоромъ — его единственный сынъ, наслѣдникъ престола, завершитель всѣхъ его трудовъ и подвиговъ. Полно, такъ ли? Откуда взялся этотъ жалкій заморышъ, галчонокъ въ орлиномъ гнѣздѣ? Какъ могъ онъ родить такого сына?

Алеша весь сжался, съежился, какъ будто угадывалъ все, что думалъ отецъ и былъ виноватъ передъ нимъ неизвѣстною, но безконечною виною. Такъ стыдно и страшно ему, что онъ готовъ разревѣться, какъ маленькій мальчикъ, въ виду всего войска. Но, сдѣлавъ надъ собою усилие, дрожащимъ голоскомъ лепечетъ заученное привѣтствіе:

— Всемилостивѣйшій государь батюшка! Я еще слишкомъ молодъ и дѣлаю, что могу; но увѣряю ваше величество, что, какъ покорный сынъ, я буду всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру. Боже сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здравіи, дабы еще долго я могъ радоваться столь знаменитымъ родителемъ...

По наставленію Мартына Мартыновича, шляпу снявъ «пріятнымъ образомъ, какъ смиренный кавалеръ», онъ дѣлаетъ нѣмецкій «кумплиментъ»:

— *Meines gnädigsten Papas gehorsamster Diener und Sohn.*

И чувствуетъ себя передъ этимъ исполиномъ, прекраснымъ, какъ юный богъ, — маленькимъ уродцемъ, глупою мартышкою.

Отецъ сунулъ ему руку. Онъ поцѣловалъ ее. Слезы брызнули изъ глазъ Алеши, и ему показалось, что отецъ съ

отвращеніемъ, почувствовавъ теплоту этихъ слезъ, отдернулъ руку.

Во время триумфальнаго входа войскъ въ Москву, 17 декабря 1704 года, по случаю Нарвской побѣды, царевичъ шель въ строевомъ преображенскомъ платьѣ, съ ружьемъ, какъ простой солдатъ. Была стужа. Озябъ, чуть не замерзъ. Во дворцѣ, за обычной попойкой, первый разъ въ жизни выпилъ стаканъ водки, чтобы согрѣться, и сразу охмелѣлъ. Голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло. Сквозь эту тьму, съ мутно зелеными и красными, быстро вертящимися, переплетающимися кругами, видѣлъ ясно только лицо батюшки, который смотрѣлъ на него съ презрительной усмѣшкой. Алеша почувствовалъ боль нестерпимой обиды. Шатаясь, всталъ онъ, подошелъ къ отцу, посмотрѣлъ на него исподлобья, какъ затравленный волчонокъ, хотѣлъ что-то сказать, что-то сдѣлать, но вдругъ поблѣднѣлъ, слабо вскрикнулъ, покачнулся и упалъ къ ногамъ отца какъ мертвый.

III,

— Уже временная жизнь моя старостью кончается, безгласіемъ, и глухотою, и слѣпотою. Того ради милости прошу уволить меня отъ ключарства, отпустить на покой во святую обитель...

Погруженный въ воспоминанія, царевичъ не слышалъ однообразно журчавшихъ словъ о. Ивана, который, выйдя изъ кельи, сѣлъ снова рядомъ съ нимъ на лавочку.

— Еще и домишко мой, и домовыя пожитченки, и рухлядишко излишній продать бы, и двухъ сиротокъ, у меня живущихъ, племянницъ моихъ безродныхъ, управить бы въ какой монастырь. А что приданаго соберется, то принести бы вкладу въ обитель, дабы мнѣ, грѣшному, не тунелести монастырскіе хлѣбы, и дабы то отъ меня пріято было, какъ отъ вдовицы евангельской двѣ лепты. И пожить бы мнѣ еще малое время въ безмолвіи и въ покаяніи, доколѣ Божьимъ повелѣніемъ не взять буду отъ здѣшней въ гря-

душую жизнь. А лѣта мои мню быть при смерти моей, понеже и родитель мой, въ сихъ лѣтахъ бывъ, преставился...

Очнувшись, какъ отъ глубокаго сна, царевичъ увидѣлъ, что давно уже ночь. Бѣлыя башни соборовъ сдѣлались воздушно-голубыми, еще болѣе похожими на исполинскіе цвѣты, райскія лиліи. Золотыя главы тускло серебрились въ черно-синемъ звѣздномъ небѣ. Млечный путь слабо мерцалъ. И въ дуновеніи горней свѣжести, ровномъ, какъ дыханіе спящаго, сходило на землю предчувствіе вѣчнаго сна — тишина безконечная.

И съ тишиной сливались медленно журчавшія слова о. Ивана:

— Отпустили бь меня на покой во святую обитель, пожить бы въ безмолвіи, доколѣ не взять буду отъ здѣшней въ грядущую жизнь...

Онъ говорилъ еще долго, умолкалъ, опять говорилъ; уходилъ, возвращался, звалъ царевича ужинать. Но тотъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Опять смежилъ глаза и погрузился въ забвеніе, въ ту темную область между явью и сномъ, гдѣ обитаютъ тѣни прошлаго. Опять проходили передъ нимъ воспоминанья — видѣнія, образъ за образомъ, какъ длинная цѣпь звено за звеномъ; и надо всѣми царилъ одинъ ужасающій образъ — отецъ. И какъ путникъ, озираясь ночью съ высоты при блескѣ молніи, вдругъ видитъ весь пройденный путь, такъ онъ, при страшномъ блескѣ этого образа, видѣлъ всю свою жизнь. . . . .

Ему семнадцать лѣтъ — тѣ годы, когда на прежнихъ московскихъ царевичей, только что «объявленныхъ», люди съѣзжались смотрѣть, какъ на «дивовище». А на Алешу уже взваленъ трудъ непосильный: ѣздитъ изъ города въ городъ, закупаетъ провіантъ для войска, рубитъ и сплавляетъ лѣсъ для флота, строитъ фортеціи, печатаетъ книги, льетъ пушки, пишетъ указы, набираетъ полки, отыскиваетъ кроющихся недорослей подъ страхомъ смертной казни, почти ребенокъ, надъ такими же ребятами, какъ онъ, «безъ всякаго пардона, чинить экзекуцію», самъ накрѣпко смотритъ за

всѣмъ, «дабы фальшиво не было», и посылаетъ батюшкѣ точнѣйшія реляціи.

Отъ нѣмецкихъ склоненій къ болверкамъ, отъ болверковъ къ попойкамъ, отъ попоекъ къ сыску бѣглыхъ — голова кругомъ идетъ. Чѣмъ больше старается, тѣмъ больше требуютъ. Ни сроку, ни отдыху. Кажется, издохнетъ отъ усталости, какъ загнанная лошадь. И знаетъ, что напрасно все — «на батюшку не угодить никто ничѣмъ».

Въ то же время учится, какъ школьникъ. «Недѣли двѣ будемъ твердить одного нѣмецкаго языка, чтобъ склоненіямъ въ твердость было, а потомъ будемъ учить французскаго и ариѳметики. А ученіе бываетъ по вся дни».

Наконецъ надорвался. Въ январѣ 1709 года, въ великіе морозы, когда отводилъ изъ Москвы къ отцу въ Украину, въ городъ Сумы, пять полковъ, которые самъ набралъ и которые должны были участвовать въ Полтавскомъ бою — по дорогѣ простудился, заболѣлъ и нѣсколько недѣль пролежалъ безъ памяти — «отчаянъ былъ въ смерть».

Очнулся въ солнечный день ранней весны. Вся комната залита косыми лучами желтаго свѣта. За окнами еще снѣжные сугробы. Но съ ледяныхъ сосулেকъ уже падаютъ капли. Журчатъ весеннія воды, и въ небесахъ звенить, какъ колокольчикъ, пѣсня жаворонка. Алеша видитъ надъ собой склоненное лицо батюшки, прежнее, милое, полное нѣжностью.

— Свѣтикъ мой родненькій, легче ли?..

Не имѣя силы отвѣтить, Алеша только улыбается.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — крестится отецъ благоговѣйно. — Помиловалъ Господь, услышалъ молитвы мои. Теперь, небось, поправишься!

Царевичъ узналъ впослѣдствіи, что батюшка не отходилъ отъ него во время болѣзни, забросилъ всѣ свои дѣла, ночей не спалъ. Когда становилось ему хуже; назначалъ молебствія и далъ обѣтъ, построить церковь во имя св. Алексія, человека Божія.

Наступили радостные медленные дни выздоровленія. Алешѣ казалось, что ласки отца, какъ солнечный свѣтъ и

тепло, исцѣляютъ его. Въ блаженной истомѣ, со сладостной слабостью въ тѣлѣ, цѣлыми днями лежалъ неподвижно, смотрѣлъ, и не могъ насмотрѣться на простое величавое лицо ботюшки, на свѣтлыя страшныя милыя очи, на прелестную, какъ будто немного лукавую, улыбку женственно-тонкихъ, извилистыхъ губъ. Отецъ не зналъ, какъ приласкать Алешу, чѣмъ угодить ему. Однажды подарилъ собственнаго издѣлья, точеную изъ слоновой кости табакерку, съ надписью: *Малое, только отъ добраго сердца*. Царевичъ хранилъ ее долгіе годы, и каждый разъ, бывало, какъ взглянетъ на нее, — что-то острое, жгучее, подобное безмѣрной жалости къ отцу, пронзить ему сердце.

Въ другой разъ, тихонько глядя сыну волосы, Петръ проговорилъ смущенно и робко, точно извиняясь:

— Ежели сказалъ я тебѣ или сдѣлалъ что́ огорчительное, то, для Бога, не имѣй о томъ печали. Прости, Алеша! Въ трудномъ житіи и малая противность приводитъ въ сердце. А житіе мое истинно трудно: не съ кѣмъ ни о чемъ подумать. Ни одинаго помощника!..

Алеша, какъ бывало въ дѣтствѣ, обвинилъ отцу шею руками и, весь дрожа, замирая отъ стыдливой нѣжности, шепнулъ ему на ухо:

— Батя, милый, родненькій, люблю, люблю!..

Но по мѣрѣ того, какъ возвращался онъ къ жизни, отецъ уходилъ отъ него. Словно положенъ былъ на нихъ беспощадный зарокъ: быть вѣчно другъ другу родными и чуждыми, тайно другъ друга любить, явно ненавидѣть.

И все пошло опять по-старому: сборъ провіанта, сыскъ бѣглыхъ, литье пушекъ, рубка лѣсовъ, строенье болверковъ, скитанье изъ города въ городъ. Опять работаетъ, какъ каторжный. А батюшка все недоволенъ, все ему кажется, что сынъ лѣнится — «дѣла оставивъ, ходитъ за бездѣльемъ». Иногда Алешѣ хочется напомнить ему о томъ, что было въ Сумахъ. Но языкъ не поворачивается.

«Зоонъ! Объявляемъ вамъ ѣхать въ Дрезденъ. Между тѣмъ приказываемъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и

прилежали больше ученію, а именно языкамъ, геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончишь, отпиши къ намъ».

Въ чужихъ краяхъ жилъ покинутымъ всѣми, изгнанникомъ. Отецъ опять забылъ о немъ. Вспомнилъ, чтобы женить. Невѣста, дочь Вольфенбюттельскаго герцога, Шарлотта, не нравилась царевичу. Ему не хотѣлось жениться на иноземкѣ.—«Вотъ жену мнѣ на шею чертовку навязали!» ругался онъ пьяный.

Передъ свадьбою долженъ былъ вести унижительный торгъ о приданомъ. Царь старался оттягать у нѣмцевъ каждый грошъ.

Проживъ съ женою полгода, покинулъ ее для новой «волокиты»: изъ Штетина въ Мекленбургъ, изъ Мекленбурга въ Або, изъ Або въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Ладогу — опять безконечная усталость, безконечный страхъ.

Этотъ страхъ передъ каждымъ свиданьемъ съ отцомъ возрасталъ до безумнаго ужаса. Подходя къ дверямъ батюшкиной комнаты, царевичъ шепталъ, крестясь: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»; бессмысленно твердилъ урокъ навигаціи, не въ силахъ запомнить варварскихъ словъ: крупъ-камеры, балкъ-вегерсы, гайгенъ-блокены, анкаръ-штоки — и щупаль на груди ладанку, подарокъ няни, съ наговоренною травкою, вмятою въ воскъ, и бумажкою, на которой написанъ былъ древній заговоръ — для умягченія сердца родительскаго:

«На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своему родимому батюшкѣ. Загнѣвился мой родимый родушка, ломалъ мои кости, щипалъ мое тѣло, топталъ меня въ ногахъ, пилъ мою кровь. Солнце ясное, звѣзды свѣтлыя, море тихое, поля желтыя — всѣ вы стоите смиренно и тихо; такъ былъ бы тихъ и смиренъ мой родимый батюшка, по вся дни, по вся часы, въ ноци и полуноци».

— Ну, братъ, нечего сказать, изрядная фортеція! — разглядывая поданный сыномъ чертежъ, пожималъ пле-

чами отецъ. — Многому ты, видно, въ чужихъ краяхъ научился.

Алеша окончательно терялся, путался, какъ провинившійся школьникъ передъ розгою.

Чтобъ избавиться отъ этой пытки, принималъ лѣкарства, «притворялъ себѣ больнымъ».

Ужасъ превращался въ ненависть.

Передъ Прутскимъ походомъ царь тяжело заболѣлъ — «не чаялъ живота себѣ». Когда царевичъ узналъ объ этомъ, у него впервые промелькнула мысль о возможной смерти отца, вмѣстѣ съ радостью. Онъ испугался этой радости, отогналъ ее, но истребить не могъ. Она притаилась гдѣ-то въ самой глубинѣ души его, какъ звѣрь въ засадѣ.

Однажды, во время попойки, когда царь, по обыкновенію, ссорилъ пьяныхъ, чтобъ узнавать изъ перебранки тайныя мысли своихъ приближенныхъ, царевичъ, тоже пьяный, заговорилъ о дѣлахъ государственныхъ, объ угнетеніи народа.

Всѣ притихли, даже шуты перестали галдѣть. Царь слушалъ внимательно. У Алеши сердце замирало отъ надежды: что, если пойметъ, послушаетъ?

— Ну, полно врать! — вдругъ остановилъ его царь, съ тою усмѣшкою, которая была такъ знакома и ненавистна Алешѣ. — Вижу, братъ, что ты политичныя и гражданскія дѣла столь остро знаешь, сколь медвѣдь играть на органахъ...

И, отвернувшись, сдѣлалъ знакъ шутамъ. Они опять загалдѣли. Князь Меншиковъ, пьяный, съ другими вельможами пустился въ плясъ.

Царевичъ все еще что-то говорилъ, кричалъ срывающимся голосомъ. Но отецъ, не обращая на него вниманія, притопывалъ, прихлопывалъ, подсвистывалъ пляшущимъ:

Тары-бары, растобары,
Бѣлы снѣги выпадали,
Сѣры зайцы выбѣгали.
Ой, жги! Ой, жги!

И лицо у него было солдатское, грубое — лицо того, кто писалъ: «непріятелю отъ насъ добрый трактаментъ былъ, что и младенцевъ немного оставили».

Запыхавшійся отъ пляски Меншиковъ остановился вдругъ передъ царевичемъ, руки въ боки, съ наглою усмѣшкою, въ которой отразилась усмѣшка царя.

— Эй, царевичъ! — крикнулъ свѣтлѣйшій, произнося «царевичъ», по своему обыкновенію, такъ, что выходило «псаревичъ».

— Эй, царевичъ Оедуль, что ты губы надулъ? Ну-ка, съ нами попляши!

Алеша поблѣднѣлъ, схватился за шпагу, но тотчасъ опомнился и, не глядя на него, проговорилъ сквозь зубы:

— Смердь!..

— Что? Что ты сказалъ, щенокъ?..

Царевичъ обернулся, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и произнесъ громко:

— Я говорю: смердь! Смерда взглядъ хуже брани...

Въ то же мгновеніе мелькнуло передъ Алешею искаженное судорогой лицо батюшки. Онъ ударилъ сына по лицу такъ, что кровь полилась изо рта, изъ носу; потомъ схватилъ его за горло, повалилъ на полъ и началъ душить. Старые сановники, Ромодановскій, Шереметевъ, Долгорукіе, которымъ царь самъ поручилъ удерживать его въ припадкахъ бѣшенства, бросились къ нему, ухватили за руки, оттащили отъ сына — боялись, что убьютъ.

Дабы «учинить сатисфакцію» свѣтлѣйшему, царевича выгнали изъ дома и поставили на карауль у дверей, какъ ставятъ въ уголь школьника. Была зимняя ночь, морозъ и вьюга. Онъ — въ одномъ кафтанѣ, безъ шубы. На лицѣ слезы и кровь замерзали. Вьюга выла, кружилась, точно пѣла и плясала, пьяная. И за освѣщенными окнами дома тоже плясала и пѣла пьяная старая шутиха, князь-игуменя Ржевская. Съ дикимъ воемъ вьюги сливалась дикая пѣсня:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакъ,
А купали во зеленыимъ винѣ.

Такая тоска напала на Алешу, что онъ готовъ былъ размозжить себѣ голову о стѣну.

Вдругъ, въ темнотѣ, кто-то сзади подкрался къ нему, накинулъ на плечи шубу, потомъ опустился передъ нимъ на колѣни и началъ цѣловать ему руки — точно лизалъ ихъ ласковый песъ. То былъ старый солдатъ Преображенской гвардіи, случайный товарищъ Алеши по караулу, тайный раскольникъ.

Старикъ смотрѣлъ ему въ глаза съ такой любовью, что, видно, готовъ былъ за него отдать душу свою, и плакалъ, и шепталъ, словно молился на него.

— Государь царевичъ, свѣтъ ты нашъ батюшка, солнышко красное! Сиротка бѣдненькій — ни отца ни матери. Сохрани тебя Отецъ Небесный, Матерь Пречистая!..

Отецъ бивалъ Алешу не разъ, и безъ чиновъ кулаками, и по чину дубинкою. Царь дѣлалъ все по-новому, а сына билъ по-старому, по Домострою о. Сильвестра, совѣтника царя Грознаго, сыноубійцы:

«Не дай сыну власти въ юности, но сокруши ребро, донележе растетъ; аще бо жезломъ его биеши, то не умреть, но здравѣе будетъ».

Алеша чувствовалъ животный страхъ побоевъ — «убьетъ, искалѣчить», — но къ душевной боли и стыду привыкъ. Порой загоралась въ немъ злобная радость. «Ну что жъ, бей! Не меня, себя срамишь», какъ будто говорилъ онъ отцу, глядя на него безконечно-покорнымъ и безконечно-дерзкимъ взглядомъ.

Но, должно-быть, отецъ догадался объ этомъ; онъ прекратилъ побои и придумалъ злѣйшее: пересталъ говорить съ нимъ вовсе. Когда Алеша самъ заговаривалъ, — молчалъ, точно не слышалъ, и глядѣлъ на него, какъ на пустое мѣсто. Молчаніе длилось недѣли, мѣсяцы, годы. Онъ чувствовалъ его всегда, вездѣ, и съ каждымъ днемъ оно становилось все нестерпимѣе. Оскорбительнѣе всякой брани, страшнѣе

всякихъ побоевъ. Оно казалось ему медленнымъ убійствомъ — такою жестокостью, которой не простятъ ни люди, ни Богъ.

Это молчаніе было конецъ всего. Дальше — ничего, кромѣ мрака, и во мракѣ — мертвое, неподвижное, точно каменная маска, лицо батюшки, какимъ видѣлъ онъ его въ послѣдній разъ. И мертвыя слова изъ мертвыхъ устъ: «Яко удь гангранный отсѣку, какъ со злодѣемъ поступлю!» . .

. . . . .

Нить воспоминаній оборвалась. Онъ очнулся и открылъ глаза. Ночь все такъ же тиха; такъ же синѣютъ бѣлыя башни соборовъ; золотыя главы тускло серебрятся въ черномъ звѣздномъ небѣ; млечный путь слабо мерцаетъ. И въ дуновеніи горней свѣжести, ровномъ, какъ дыханіе спящаго, съ неба на землю сходитъ предчувствіе вѣчнаго сна — тишина безконечная.

Царевичъ испытывалъ въ это мгновеніе какъ будто усталость всей своей жизни; спину, руки, ноги, всѣ члены ломило; кости ныли отъ усталости.

Хотѣлъ встать, но не было силъ, только руки поднялъ къ небу и простоналъ, точно позвалъ Того, Кто могъ отвѣтить: — Боже мой! Боже мой!..

Но никто не отвѣтилъ. Молчанье было на землѣ и на небѣ, какъ будто и Отецъ Небесный покинулъ его, такъ же какъ земной.

Онъ закрылъ лицо руками, склонился головой на каменную лавку и заплакалъ, сначала тихо, жалобно, какъ плачуть брошенныя дѣти; потомъ — все громче и громче, все безумнѣе. Рыдалъ и бился головой о камни и кричалъ отъ обиды, отъ возмущенія, отъ ужаса. Плакалъ о томъ, что нѣтъ отца — и въ этомъ плачѣ былъ вопль Голгоѣы, вѣчный вопль Сына къ Отцу:

Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставилъ?

Вдругъ услышалъ, какъ тогда, зимнею ночью, на караулѣ, что кто-то въ темнотѣ подошелъ къ нему, склонился и обнялъ. То былъ о. Иванъ, старый ключарь Благовѣщенскій.

— Что ты, родимый? Господь съ тобой! Кто обидѣлъ тебя, свѣтикъ мой?..

— Отець!.. Отець!.. — могъ только простонать Алеша. Старикъ понялъ все. Тяжело вздохнулъ, помолчалъ, потомъ зашепталъ съ такою безнадежною покорностью, что, казалось, устами его говорить сама дряхлая мудрость вѣковъ.

— Что дѣлать, Алешенька? Смирись, смирись, дитятко! Плетью обуха не перешибешь. Съ царемъ не поспоришь. Богъ на небѣ, царь на землѣ. Несудима воля царская. Одному Богу государь отвѣтъ держить. А онъ тебѣ не только царь, но и отецъ богоданный...

— Не отецъ, а злодѣй, мучитель, убійца! — крикнулъ Алеша. — Будь онъ проклятъ, будь онъ проклятъ, извергъ!..

— Государь царевичъ, ваше высочество, не гнѣви Бога, не говори словъ неистовыхъ! Велика власть отчая. И въ Писаніи сказано: *чти отца своего*...

Царевичъ пересталъ вдругъ плакать, быстро обернулся и посмотрѣлъ на старика долго, пристально.:

— А вѣдь и другое тоже, батька, въ Писаніи сказано: *не придохъ вложить миръ, но рать и ножъ — придохъ разлучити челоуѣка сына отъ отца*. Слышишь, старикъ? Господь разлучилъ меня отъ отца моего! Отъ Господа я — рать и ножъ въ сердце родшаго мя, я — судъ и казнь ему отъ Господа! Не за себя я возсталъ, а за церковь, за царство, за весь народъ христіанскій! Ревнуя, поревновалъ о Господѣ! И не смирюсь, не покорюсь ему — даже до смерти! Тѣсно намъ обоимъ въ мірѣ! Или онъ, или я!..

Съ лицомъ, искаженнымъ судорогой, съ трясущейся нижнею челюстью, съ глазами, горящими грознымъ огнемъ, онъ сталъ похожъ на отца внезапнымъ, точно призрачнымъ, сходствомъ.

Старикъ смотрѣлъ на него въ ужасѣ, какъ на одержимаго, и крестилъ его, и самъ крестился, и качалъ головою, и шамкалъ дряхлыми устами слова дряхлой мудрости:

— Смирись, смирись, дитятко! Покорись отцу!..

И казалось, древнія стѣны Кремля и дворцы, и соборы, и самая земля съ гробами отцовъ — здѣсь все повторяло: «Смирись, смирись!»

Когда царевичъ вошелъ въ домъ ключаря Благовѣщенскаго, сестра его, Алешина кормилица, старушка Марѳа Аѳанасьевна, взглянула на лицо его, подумала, что онъ боленъ. Она еще больше перепугалась, когда онъ отказался отъ ужина и прошелъ прямо въ спальню. Старушка хотѣла было напоить его липовымъ цвѣтомъ и натереть камфарою съ виннымъ духомъ. Чтобъ успокоить ее, онъ долженъ былъ принять водки-апоплектики. Собственными руками она уложила его въ постель, мягкую-премягкую, съ цѣлою горою пуховиковъ и подушекъ, въ какой онъ уже давно не спалъ. Такъ мирно теплилась лампада передъ образомъ; вѣяло такимъ знакомымъ запахомъ сушеныхъ лѣкарственныхъ травъ, кипариса и ладана; такъ усыпителенъ былъ шопоть старушки, которая сказывала старыя дѣтскія сказки объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ, о пѣтушкѣ-золотомъ-гребешкѣ, о лаптѣ, пузырьѣ да соломинкѣ, что хотѣли вмѣстѣ рѣку перейти: соломинка сломалась, лапотъ потонулъ, а пузырь дулся, дулся и лопнулъ, — что Алешѣ казалось сквозь дремоту, будто бы онъ, маленькій мальчикъ, лежитъ въ своей постелькѣ, у бабушки въ теремѣ, и всего, что было, не было, и не Марѳа Аѳанасьевна, а бабушка склоняется надъ нимъ, укрываетъ его, укутываетъ, укручиваетъ, и креститъ, и шепчетъ: «Спи, свѣтъ Олешенька, спи съ Богомъ, дитятко!» И тихо, тихо. И Сиринъ, птица райская, поетъ пѣсни царскія. И слушая сладкое пѣніе, онъ, точно умираетъ, засыпаетъ вѣчнымъ сномъ безъ сновидѣній.

Но передъ утромъ приснилось ему, будто бы идетъ онъ въ Кремль, по Красной площади, среди народа, совершая «Шествіе на осляти» въ недѣлю Ваій, воскресеніе Вербное. Въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ золотой порфирѣ, златомъ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха, ведетъ за поводъ осли, на которомъ сидитъ патріархъ, старенькій - старенькій, сѣденькій, весь бѣлый, свѣтлый отъ сѣдины. Но, взглянувъ пристальнѣе, Алеша видитъ, что это не старикъ, а юноша

въ одеждѣ бѣлой какъ снѣгъ, съ лицомъ, какъ солнце — Самъ Христосъ. Народъ не видитъ] или не узнаетъ Его. У всѣхъ лица страшныя, сѣрыя, землистыя, какъ у покойниковъ. И всѣ молчатъ — такая тишина, что Алеша слышитъ, какъ бьется его собственное сердце. И небо тоже страшное, полное трупною сѣростью, какъ передъ затмѣніемъ солнца. А подъ ногами у него все вертится горбунъ, въ трехуголкѣ, съ глиняной трубкою въ зубахъ, и дымить ему прямо въ носъ вонючимъ голландскимъ кнастеромъ, и что-то лопочеть, и нагло ухмыляется, указывая пальцемъ туда, откуда доносится растущій, приближающійся гулъ, подобный гулу урагана. И видитъ Алеша, что это — встрѣчное шествіе: протодіаконъ всепьянѣйшаго собора, царь Петръ Алексѣевичъ, ведетъ за поводъ, вмѣсто осляти, невиданнаго звѣря; на звѣрѣ сидитъ нѣкто съ темнымъ лицомъ; Алеша разсмотрѣть его не можетъ, но кажется, что онъ похожъ на плута Федоску и на Петьку-вора, Петьку-хама, только страшнѣе, гнуснѣе обоихъ; а передъ ними—безстыжая голая дѣвка, не то Афроська, не то петербургская Венусъ. Встрѣчая шествіе, звонятъ во всѣ колокола и въ самый большой, на Иванѣ Великомъ, называемый *Ревутомъ*. И народъ кричитъ, какъ на бывшей свадьбѣ князя-папы, Никиты Зотова:

— Патріархъ женился! Патріархъ женился! Да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!

И, падая ницъ, поклоняется Звѣрю, Блудницѣ и Хаму Грядущему:

— Осанна! Осанна! Благословенъ грядый!

Покинутый всѣми, Алеша — одинъ со Христомъ, среди обезумѣвшей черни. И дикое шествіе мчится прямо на нихъ, съ крикомъ и гикомъ, съ мракомъ и смрадомъ, отъ котораго чернѣетъ золото царскихъ одеждъ и самое солнце Лица Христова. Вотъ налетятъ, раздавятъ, растопчутъ, все сметутъ—и станетъ на мѣстѣ святомъ мерзость запустѣнія.

Вдругъ все исчезло. Онъ на берегу широкой пустынной рѣки, какъ будто на большой дорогѣ изъ Польши въ Украй-

ну. Поздній вечеръ поздней осени. Мокрый снѣгъ, черная грязь. Вѣтеръ срываетъ послѣдніе листья съ дрожащихъ осинъ. Нищій въ лохмотьяхъ, озябшій, посинѣвшій, проситъ жалобно: «Христа ради, копеечку!» — «Вишь, клейменный, — думаетъ Алеша, глядя на руки и ноги его съ кровавыми язвами, — должно-быть, бѣглый изъ рекрутъ». И такъ жалѣетъ «малаго озяблага», что хочетъ дать ему не копеечку, а семь гульденовъ. Вспоминаетъ во снѣ, что записалъ въ путевомъ дневникѣ, среди прочихъ расходовъ: «22 ноября — за перевозъ черезъ рѣку 3 гульдена; за постой въ жиновской корчмѣ 5 гульденовъ; *малому озяблону* 7 гульденовъ». — Уже протягиваетъ руку нищему — вдругъ чья-то грубая рука ложится на плечо Алеши, и грубый голосъ, должно-быть, караульнаго солдата при шлагбаумѣ, говоритъ:

— За подаянье милостыни штрафу пять рублей, а нищихъ, бивъ батожемъ и ноздри рвавъ, ссылатъ на Рогервикъ.

— Смилуйся, — молить Алеша. — Лисицы имѣютъ норы и птицы — гнѣзда, а сей не имѣетъ, гдѣ преклонить голову...

И, вглядываясь въ «малаго озяблага», видитъ, что лицо его какъ солнце, что это — Самъ Христось.

IV.

«Мой сынъ!

«Понеже, когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостью своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего я ждалъ семь мѣсяцевъ; но по сей поры ничего о томъ не пишешь. Того для, нынѣ (понеже время довольное на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми — или первое, или другое. И буде первсе

возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкой, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши, куды и въ которое время, и день (дабы я покой имѣлъ въ своей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи».

Курьеръ Сафоновъ привезъ письмо изъ Копенгагена на мызу Рождествено, куда царевичъ вернулся изъ Москвы.

Онъ отвѣтилъ отцу, что ѣдетъ къ нему тотчасъ. Но никакой резолюціи не взялъ. Ему казалось, что тутъ не выборъ одного изъ двухъ — или постричься или исправить себя къ наслѣдству, — а только двойная ловушка: постричься съ мыслью, что клобукъ-де не гвоздемъ къ головѣ прибить, значило дать Богу лживую клятву — погубить душу; а для того, чтобы исправить себя къ наслѣдству, какъ требовалъ батюшка, нужно бы снова войти въ утробу матери и снова родиться.

Письмо не огорчило и не испугало царевича. На него нашло то безчувственное и безсмысленное оцѣпенѣніе, которое въ послѣднее время все чаще находило на него. Въ такомъ состояніи онъ говорилъ и дѣлалъ все какъ во снѣ, самъ не зная, что скажетъ и сдѣлаетъ въ слѣдующую минуту. Страшная легкость и пустота были въ сердцѣ — не то отчаянная трусость, не то отчаянная дерзость.

Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, остановился въ домѣ своемъ у церкви Всѣхъ Скорбящихъ и велѣлъ камердинеру Ивану Аванасьеву Большому «убрать, что надобно въ путь противъ прежняго, какъ въ нѣмецкихъ краяхъ съ нимъ было».

— На батюшкѣ изволишь ѣхать?

— Буду, Богъ знаетъ, къ нему или въ сторону, — проговорилъ Алексѣй вяло.

— Государь царевичъ, куда въ сторону?..—испугался, или притворился Аѳанасъичъ испуганнымъ.

— Хочу посмотрѣть Венецію...—усмѣхнулся было царевичъ, но тотчасъ прибавилъ уныло и тихо, какъ будто про себя:—Я не ради чего иного, только бы мнѣ себя спасти... Однакожь, ты молчи. Только у меня про это ты знаешь да Кикинъ...

— Я тайну твою хранить готовъ,—отвѣтилъ старикъ, со своею обычною угрюмостью, подъ которою, однако, свѣтилась теперь въ глазахъ его безконечная преданность.—Только намъ бѣда будетъ, когда ты уѣдешь. Осмотрись, что дѣлаешь...

Я отъ батюшки не чаялъ къ себѣ присылки быть,—продолжалъ царевичъ все такъ же сонно и вяло.—И въ умѣ моемъ того не было. А теперь вижу, что мнѣ путь править Богъ. А се и сонъ я нынѣ видѣлъ, будто церкви строю, а то значить—путь достроить...

И зѣвнулъ.

— Многіе, ваша братья, — замѣтилъ Аѳанасъичъ,—спасались бѣгствомъ. Однако въ Россіи того не бывало, и никто не запомнить...

Прямо изъ дому царевичъ поѣхалъ къ Меншикову и сообщилъ ему, что ѣдетъ къ отцу. Князь говорилъ съ нимъ ласково. Подъ конецъ спросилъ:

— А гдѣ же ты Аѳросинью оставишь?

— Возьму до Риги, а потомъ отпущу въ Питербурхъ,—отвѣтилъ царевичъ наугадъ, почти не думая о томъ, что говорить; онъ потомъ самъ удивился этой безотчетной хитрости.

— Зачѣмъ отпускать? — молвилъ князь, заглянувъ ему прямо въ глаза. — Лучше возьми съ собою...

Если бы царевичъ былъ внимательнѣе, онъ удивился бы: не могъ не знать Меншиковъ, что сыну, который желалъ «исправить себя къ наслѣдству», нельзя было явиться къ батюшкѣ въ лагерь «для обученія воинскихъ дѣйствъ» съ непотребною дѣвкой Аѳроською. Что же значили эти

слова? Когда впоследствии узналъ о нихъ Кикинъ, то внушилъ царевичу благодарить князя письмомъ за совѣтъ; «можетъ-де быть, что отецъ найдетъ письмо твое у князя и будетъ имѣть о немъ суспектъ въ твоёмъ побѣгѣ».

На прощаніе Меньшиковъ велѣлъ ему зайти въ Сенатъ, чтобы получить паспортъ и деньги на дорогу.

Въ Сенатѣ старались всѣ наперерывъ услужить царевичу, какъ будто желали тайно выразить сочувствіе, въ которомъ нельзя было признаться. Меньшиковъ далъ ему на дорогу 1000 червонныхъ. Господа-Сенатъ назначили отъ себя другую тысячу и тутъ же устроили заемъ пяти тысячъ золотомъ и двухъ мелкими деньгами у оберъ-комиссара въ Ригѣ. Никто не спрашивалъ, всѣ точно сговорились молчать о томъ, на что царевичу можетъ понадобится такая куча денегъ.

Послѣ засѣданія князь Василій Долгорукій отвелъ его въ сторону.

— Ёдешь къ батюшкѣ?

— А какъ же быть, князь?

Долгорукій осторожно оглянулся, приблизилъ свои толстыя мягкія, старушечьи губы къ самому уху Алексѣя и шепнулъ:

— Какъ? А вотъ какъ: взявши шлыкъ да въ подворотню шмыгъ, поминай какъ звали — былъ не былъ, а и слѣдъ простылъ, по пусту мѣсту хоть обухомъ бей!..

И, помолчавъ, прибавилъ, все такъ же на ухо шопотомъ:

— Кабы не государевъ жестокій нравъ да не царица! я бы въ Штетинъ первый измѣнилъ, лытка бы задалъ!

Онъ пожалъ руку царевичу, и слезы навернулись на хитрыхъ и добрыхъ глазахъ старика.

— Ежели въ чемъ могу впредь служить, то радъ хотя бы и животъ за тебя положить...

— Пожалуй! не оставь, князенька! — проговорилъ Алексѣй, безъ всякаго чувства и мысли, только по старой привычкѣ.

Вечеромъ онъ узналъ, что вѣрнѣйшій изъ царскихъ слугъ, князь Яковъ Долгорукой, посылалъ ему сказать стороной, чтобъ онъ къ отцу не ѣздилъ: «худо-де ему тамъ готовится».

На слѣдующее утро, 26 сентября 1716 года, царевичъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ почтовой каретѣ, съ Афросиньей и братомъ ея, бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, Иваномъ Федоровымъ.

Онъ такъ и не рѣшилъ, куда ѣдетъ. Изъ Риги, однако, взялъ съ собою Афросинью дальше, сказавъ, что «велѣно ему ѣхать тайно въ Вѣну, для дѣланія аліанцу противъ Турка, и чтобы тамъ жить тайно, дабы не свѣдалъ турокъ».

Въ Либавѣ встрѣтилъ его Кикинъ, возвращавшійся изъ Вѣны.

— Нашелъ ты мнѣ мѣсто какое? — спросилъ его царевичъ.

— Нашелъ: поѣзжай къ цесарю, тамъ не выдадутъ. Самъ цесарь сказалъ вице-канцлеру Шенборну, что приметъ тебя, какъ сына.

Царевичъ спросилъ.

— Когда ко мнѣ будутъ присланные въ Данцигъ отъ батюшки, что дѣлать?

— Уйди ночью, — отвѣтилъ Кикинъ, — или возьми дѣтину одного; а багажъ и людей брось. А ежели два присланы будутъ, то притвори себѣ болѣзнь, и изъ тѣхъ одного пошли напередъ, а отъ другого уйди.

Замѣтивъ его нерѣшительность, Кикинъ сказалъ:

— Попомни, царевичъ: отецъ не пострижетъ тебя нынѣ, хотя бь ты и хотѣлъ. Ему друзья твои, сенаторы, приговорили, чтобъ тебя ему при себѣ держать неотступно и съ собою возить всюду, чтобы ты отъ волокиты умерь, понеже-де труда не понесешь. И отецъ сказалъ: хорошо-де такъ. И разсуждалъ ему князь Меншиковъ, что въ чернечествѣ тебѣ покой будетъ и можешь долго жить. И по сему слову, я дивлюсь, что давно тебя не взяли. А можетъ-быть, и то сдѣлаютъ: какъ будешь въ Дацкой землѣ, — и отецъ, подъ претекстомъ обученія, посадя на одинъ воинскій свой

корабль, дать указъ капитану вступить въ бой со шведскимъ кораблемъ, который будетъ въ близости, чтобы тебя убить, о чемъ изъ Копенгагена есть вѣдомость. Для того тебя нынѣ и зовутъ, и, кромѣ побѣгу, тебѣ спастись ничѣмъ нельзя. А самому лѣзть въ петлю — сіе было бы глупѣе всякаго скота!..—заклучилъ Кикинъ и посмотрѣлъ на царевича пристально:—Да что ты такой сонный, ваше высочество, словно не въ себѣ? Аль неможется?

— Усталъ я очень, — отвѣтилъ царевичъ просто.

Когда они уже простились и разошлись, Кикинъ вдругъ вернулся, догналъ его, остановилъ и, глядя ему прямо въ глаза, проговорилъ медленно, упирая на каждое слово, и такая увѣренность была въ этихъ словахъ, что у царевича, несмотря на все его равнодушіе, морозъ пробѣжалъ по тѣлу:

— Буде отецъ къ тебѣ пришлетъ кого тебя уговаривать, чтобы ты вернулся, и простить обѣщаетъ, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично.

При отъѣздѣ изъ Либавы Алексѣй точно такъ же ничего не рѣшилъ, какъ при отъѣздѣ изъ Петербурга. Онъ, впрочемъ, надѣялся, что и рѣшать не придется, потому что въ Данцигѣ ждутъ посланные отъ батюшки. Съ Данцига дорога раздѣлялась на двѣ: одна на Копенгагенъ, другая черезъ Бреславль въ Вѣну. Посланныхъ не оказалось. Нельзя было медлить рѣшеніемъ. Когда хозяинъ вирцгауза, гдѣ царевичъ остановился на ночь, пришелъ вечеромъ спросить, куда ему угодно заказать лошадей на завтра, онъ посмотрѣлъ на него съ минуту разсѣянно, какъ будто думалъ о другомъ, потомъ произнесъ, почти не сознавая, что говорить:

— Въ Бреславль.

И тотчасъ же самъ испугался этого слова, которое рѣшало судьбу его. Но подумалъ, что можно перерѣшить утромъ. Утромъ лошади были поданы, оставалось сѣсть и ѣхать. Онъ отложилъ рѣшеніе до слѣдующей станціи; на слѣдующей станціи — до Франкфурта-на-Одерѣ, во Франкфуртѣ—до Цибингена, въ Цибингенѣ—до Гросена—и такъ

безъ конца. Ъхаль все дальше и уже не могъ остановиться, точно сорвался и катился внизъ по скользкой кручѣ. Та же сила страха, которая прежде его удерживала, теперь гнала впередъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ ѣхаль, страхъ возрасталь. Онъ понималь, что бояться нечего, отецъ еще не могъ знать о побѣгѣ. Но страхъ былъ слѣпой, безсмысленный. Кикинъ снабдилъ его ложными пасами. Царевичъ выдаваль себя то за польскаго кавалера Кременецкаго, то за полковника Коханскаго, то за поручика Балка, то за купца изъ русской арміи. Но ему казалось, что хозяева вирцгаузовъ, ландкучера, фурманы, почтмейстеры — всѣ знаютъ, что онъ — русскій царевичъ и бѣжить отъ отца. На ночевкахъ просыпался и вскакиваль въ ужасѣ отъ каждаго шороха, скрипа шаговъ и треска половицы. Когда однажды въ полутемную столовую, гдѣ онъ ужиналь, вошелъ человекъ въ сѣромъ кафтанѣ, похожемъ на дорожное платье отца, и почти такого же роста, какъ батюшка, царевичу едва не сдѣлалось дурно. Всюду мерещились ему шпионы. Щедрость, съ которою онъ сыпаль деньгами, дѣйствительно, внушала подозрѣніе бережливымъ нѣмцамъ, что они имѣютъ дѣло съ особою царственной крови. На экстра-почтахъ давали ему лучшихъ лошадей, и кучера гнали ихъ во весь опоръ. Разъ въ сумерки, когда онъ увидѣль ѣхавшую сзади карету, ему представилось, что это погоня. Онъ пообѣщаль фурману на водку десять гульденовъ. Тотъ поскакаль сломя голову. На поворотѣ ось зацѣпилась за камень, колесо отскочило. Должны были остановиться и вылѣзти. Ъхавшіе сзади настигали. Царевичъ такъ перепугался, что хотѣль бросить все и уйти съ Афросиньей пѣшкомъ въ лѣсъ, чтобы спрятаться. Онъ уже тащилъ ее за руку. Она едва его удержала.

Проѣхавъ Бреславль, онъ уже почти нигдѣ не останавливался. Скакаль днемъ и ночью, безъ отдыха. Не спаль, не ѣль. Горло сжимала судорога, когда онъ старался проглотить кусокъ. Стоило ему задремать, чтобы тотчасъ проснуться, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и обливаясь холоднымъ потомъ. Хотѣлось умереть или

сразу быть пойманнымъ, только бы избавиться отъ этой пытки.

Наконецъ, послѣ пяти бессонныхъ ночей, заснулъ мертвымъ сномъ.

Проснулся въ каретѣ раннимъ, еще темнымъ утромъ. Сонъ освѣжилъ его. Онъ чувствовалъ себя почти бодрымъ.

Рядомъ съ нимъ спала Афросинья. Было холодно. Онъ укуталъ ее теплѣе и поцѣловалъ спящую. Они проѣзжали неизвѣстный маленькій городъ съ высокими узкими домами и тѣсными улицами, въ которыхъ отдавался гулко грохотъ колесъ. Ставни были заперты: должно-быть, всѣ спали. По срединѣ рыночной площади, передъ ратушей, журчали струи фонтана, стекая съ краевъ зелено-мшистой каменной раковины, которую поддерживали плечи сгорбленныхъ тритоновъ. Лампада теплилась въ углубленіи стѣны передъ Мадонною.

Проѣхавъ городъ, поднялись на холмъ. Съ холма дорога спускалась на широкую, слегка отлогую равнину. Карета, запряженная шестеркою цугомъ, мчалась, какъ стрѣла. Колеса мягко шуршали по влажной пыли. Внизу еще лежалъ ночной туманъ. Но вверху уже свѣтлѣло, и туманъ, оставляя на сухихъ былинкахъ цѣпкія нити паутины, унизанныя каплями росы, точно бисеромъ, подымался какъ занавѣсъ. Открылось голубое небо. Тамъ осенняя станица журавлей, озаренная первымъ лучомъ на землѣ еще не взошедшаго солнца, летѣла съ призывными криками. На краю равнины синѣли горы: то были горы Богеміи. Вдругъ сверкнулъ изъ-за нихъ ослѣпляющій лучъ прямо въ глаза царевичу. Солнце всходило—и радость подымалась въ душѣ его, ослѣпляющая, какъ солнце. Богъ спасъ его, никто, какъ Богъ!

Онъ смѣялся и плакалъ отъ радости, какъ будто въ первый разъ видѣлъ землю, и небо, и солнце, и горы. Смотрѣлъ на журавлей—и ему казалось, что у него тоже крылья, и что онъ летитъ.

Свобода! Свобода!

V.

Курьеръ Сафоновъ, посланный изъ Петербурга впередъ, донесъ государю, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ царевичъ. Но прошло два мѣсяца, а онъ не являлся. Царь долго не вѣрилъ, что сынъ бѣжалъ — «куда ему, не посмѣеть!» — но, наконецъ, повѣрилъ, разослалъ по всѣмъ городамъ сыщиковъ и далъ резиденту въ Вѣнѣ, Авраму Веселовскому, собственноручный указъ: «Надлежитъ тебѣ провѣдывать въ Вѣнѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ, Миланѣ, Сардиніи, а также въ Швейцарской землѣ. Гдѣ провѣдаешь сына нашего пребываніе, то, развѣдавъ о томъ подлинно, ѣхать и послѣдовать за нимъ во всѣ мѣста, и тотчасъ о томъ, черезъ нарочныя стафеты и курьеровъ, писать къ намъ; а себя содержать весьма тайно».

Веселовскій, послѣ долгихъ поисковъ, попалъ на слѣдъ. «Слѣдъ идетъ до сего мѣста, — писалъ онъ царю изъ Вѣны. — Извѣстный подполковникъ Коханскій стоялъ въ вирцгаузѣ *Чернаго Орла*, за городомъ. Кельнеръ сказываетъ, что онъ призналъ его за нѣкотораго знатнаго человѣка, понеже платилъ деньги съ великою женоерозите и показался-де подобенъ царю московскому, якобы его сынъ, котораго царя видѣлъ здѣсь, въ Вѣнѣ».

Петръ удивился. Что-то странное, какъ будто жуткое, было для него въ этихъ словахъ: «показался подобенъ царю». Никогда не думалъ онъ о томъ, что Алексѣй похожъ на него лицомъ.

«Только постоявъ однѣ сутки въ томъ мѣстѣ, — продолжалъ Веселовскій, — вещи свои перевезъ на наемномъ фурманѣ; а самъ на другой день, заплатя иждивеніе, пѣшкомъ отошелъ отъ нихъ, такъ что они неизвѣстны, не отѣхалъ ли куды. А будучи въ томъ вирцгаузѣ, купилъ готовое мужское платье кофейнаго цвѣту своей женѣ, и одѣлась она въ мужской уборъ». Далѣе слѣдъ исчезалъ. «Во всѣхъ здѣшнихъ вирцгаузахъ и почтовыхъ дворахъ, и въ

партикулярныхъ и публичныхъ домахъ спрашивалъ, но нигдѣ еще допроситься не могъ; также черезъ шпионовъ искалъ; ѣздилъ по двумъ почтовымъ дорогамъ, ведущимъ отсюда къ Италиі, по тирольской да каринтійской: никто не могъ дать мнѣ извѣстія».

Царь, догадываясь, что царевича принялъ и скрылъ въ своихъ владѣніяхъ цесарь, послалъ ему изъ Амстердама письмо:

«Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Цесарь!

«Я принужденъ вашему цесарскому величеству съ сердечною печалью своею о нѣкоторомъ мнѣ нечаянно случившемся случаѣ въ дружески-обратской конфиденціи объявить, а именно о сынѣ своемъ Алексіѣ, какъ оный, яко же чаю вашему величеству, по имѣющемуся ближайшему свойству не безъизвѣстно есть, къ высшему нашему неудовольству, всегда въ противномъ нашему отеческому наставленію являлся, такожь и въ супружествѣ съ вашею сродницею непорядочно жилъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ, получа отъ насъ повелѣніе, дабы ѣхалъ къ намъ, чтобы тѣмъ отвлечь его отъ непотребнаго житія и обхожденія съ непотребными людьми, — не взявъ съ собой никого изъ служителей своихъ, отъ насъ ему опредѣленныхъ, но прибравъ нѣсколько молодыхъ людей, — съ пути того съѣхавъ, незнамо куды скрылся, что мы по се время не могли увѣдать, гдѣ обрѣтается. И понеже мы чаемъ, что онъ къ тому превратному намѣренію, отъ нѣкоторыхъ людей совѣтъ принявъ, заведенъ, и отечески о немъ сожалѣемъ, чтобъ тѣмъ своимъ безчиннымъ поступкомъ не нанесъ себѣ невозвратной пагубы, а наипаче не впалъ бы какимъ случаемъ въ руки непріятелей нашихъ, того ради, дали комиссію резиденту нашему при дворѣ вашего величества пребывающему, Веселовскому, онаго сыскивать и къ намъ привезть. Того ради, просимъ вашего величества, что ежели онъ въ вашихъ областяхъ обрѣтается тайно или явно, повелѣть его съ симъ нашимъ резидентомъ, придавъ для безопаснаго проѣзду нѣсколько челоуѣкъ вашихъ офицеровъ, къ намъ прислать, дабы мы

его отечески исправить для его благосостоянія могли, чѣмъ обяжете насъ вѣчно къ своимъ услугамъ и пріязни. Мы пребываемъ при семъ

вашего цесарскаго величества вѣрный братъ
Петръ».

Въ то же время доведено стороною до свѣдѣнія цесаря, что, ежели не выдастъ онъ царевича по доброй волѣ, царь будетъ искать его, какъ измѣнника, «вооруженною рукою».

Каждое извѣстіе о сынѣ было оскорбленіемъ для царя. Подъ лицемѣрнымъ сочувствіемъ сквозило тайное злорадовство Европы.

«Нѣкій генераль-маіоръ, возвратившійся сюда изъ Ганновера, — доносилъ Веселовскій, — будучи при дворѣ, говорилъ мнѣ явно, въ присутствіи мекленбургскаго посланника, сожалѣя о болѣзни, приключившейся вашему величеству отъ печалей, изъ коихъ знатнѣйшая та, что-де вашъ кронпринцъ «невидимъ учинился», а по-французски въ сихъ терминахъ: Il est eclipsé. Я спросилъ, отъ кого такую фальшивую вѣдомость имѣеть. Отвѣчалъ, что вѣдомость правдивая и подлинная; а слышалъ ее отъ ганноверскихъ министровъ. Я возражалъ, что это клевета по злобѣ ганноверскаго двора».

«Цесарь имѣеть не малый резонъ кронпринца секундовать, — сообщалъ Веселовскій мнѣніе, открыто высказываемое при чужеземныхъ дворахъ, — понеже-де оный кронпринцъ правъ передъ отцомъ своимъ и имѣлъ резонъ спастись изъ земель отцовыхъ. Вначалѣ, будто, ваше величество, вскорѣ послѣ рожденія царевича Петра Петровича, принудили его силою дать себѣ реверсъ, по силѣ коего онъ отрекся отъ короны и обѣщалъ ретироваться во всю свою жизнь въ пустыню. И какъ ваше величество въ Померанію отлучились, и видя, что онъ, по своему реверсу, въ пустыню не пошелъ, тогда, будто, вы вымыслили иной способъ, а именно призвать его къ себѣ въ Дацкую землю и подъ претекстомъ обученія, посадя на одинъ воинскій свой

корабль, дать указъ капитану вступить въ бой съ шведскимъ кораблемъ, который будетъ въ близости, чтобъ его, царевича, убить. Чего ради принужденъ былъ отъ такой бѣды уйти».

Царю доносили также о тайныхъ переговорахъ цесаря съ королемъ англійскимъ, Георгомъ I: «Цесарь, который, по родству, по участію къ страданіямъ царевича и по великодушію цесарскаго дома къ невинно-гонимымъ, далъ сыну царя покровительство и защиту», спрашивалъ англійскаго короля, не намѣренъ ли и онъ, «какъ курфирсть и родственникъ брауншвейгскаго дома, защищать принца», при чемъ указывалось на «бѣдственное положеніе—*miseranda conditio* добраго царевича», и на «явное и непрерывное тиранство отца—*clara et continua paterna tyrannidis* не безъ подозрѣнія яда и подобныхъ русскихъ *galanterien*».

Сынъ становился судьей отца.

А что еще будетъ? Царевичъ можетъ сдѣлаться оружіемъ въ рукахъ непріятельскихъ, зажечь мятежъ внутри Россіи, поднять войною всю Европу—и Богъ вѣсть, чѣмъ это кончится.

«Убить, убить его мало!» думалъ царь въ ярости.

Но ярость заглушалась другимъ, доселѣ невѣдомымъ чувствомъ: сынъ былъ страшень отцу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Книга I. Петербургская Венера	5
» II. Антихристь	50
» III. Дневникъ царевича Алексѣя	97
» IV. Наводненіе	178
» V. Мерзость заустѣнія	234
